
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2021. Том 15. № 3

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, И. М. Бусыгина,
В. Я. Гельман, И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семененко, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Бусыгина Ирина Марковна, д.полит.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада)
Малинова Ольга Юрьевна, д.филол.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
Морозова Елена Васильевна, д.филол.н., профессор, Кубанский государственный университет
Мацузато Кимитака, профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония)
Росс Камерон, профессор, Университет Данди (Великобритания)
Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания)
Сморгунов Леонид Владимирович, д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Филиппов Михаил Георгиевич, профессор, Университет штата Нью-Йорк в Бингемтоне (США)

Редакторы – составители номера Н. В. Борисова, А. В. Стародубцев

© Редакционная коллегия, 2021

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория политики

- Клименко Н. В., Седов В. В., Потапов И. И.* Теории тоталитаризма: к вопросу об объективности 5
- Михайловский В. С.* Ревизия неомарксизма: концепт капиталистической стабильности на примере движения «Захвати Уолл-стрит» 15

Политические институты, процессы, технологии

- Каминченко Д. И.* Особенности политического имиджа регионального лидера в интернет-пространстве..... 24
- Шмелева С. А.* Большие данные в процессе принятия политических решений: от анализа теорий к оценке эффективности практик 40
- Подшибякина Т. А.* Стратегические нарративы как политический ресурс мягкой силы: «Бессмертный полк» на страже интересов России 52
- Януш О. Б.* Финно-угорский «мир» как символически конструируемый проект 60

Международные отношения

- Киевец С. Е.* Политическое значение Крыма для Украины в 1991–2014 гг. 77
- Исобчук М. В.* Организованная этничность: типология этнических организаций в современном мире 88

Обзоры и рецензии

- Фадеева Л. А.* Трудно быть экспертом: сужение «разумного интервала возможных решений».... 97
- К сведению авторов** 103

Bulletin of Perm University. Political Science.

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the journal is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is included in the national information and analytical system “Russian Science Citation Index” (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Irina M. Busygina – Doctor of Political Sciences, Professor, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at Saint Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Busygina Irina (Higher School of Economics – Saint Petersburg, Russia)

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Higher School of Economics, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Krasnodar University, Russia)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Saint Petersburg University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

Filippov Mikhail (State University of New York at Binghamton, USA)

CONTENT

History and theory of politics

- Klimenko N. V., Sedov V. V., Potapov I. I.* Theories of totalitarianism: question of objectivity 5
- Mihailovskiy V. S.* Revision of neo-marxism: the concept of capitalist stability as exemplified by the "Occupy wall street" movement 15

Political institutions, processes, technologies

- Kaminchenko D. I.* Features of the political image of a regional leader on the internet 24
- Shmeleva S. A.* Big data in the decision-making process in public policy: from analysis of theories to evaluating the effectiveness of practices 40
- Podshibyakina T. A.* Strategic narratives as a soft power political resource: the immortal regiment on guard of the interests of Russia 52
- Yanush O. B.* Finno-Ugric "world" as a symbolically constructed project 60

International relationships

- Kievec S. E.* Political meaning of Crimea for Ukraine in 1991–2014 77
- Isobchuk M. V.* Organized ethnicity: typology of ethnic organizations in the modern world 88

Reviews

- Fadeeva L. A.* It is hard to be an expert: narrowing “a reasonable range of possible solutions” 97

- Information for the authors** 107

История и теория политики

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-5-14

ТЕОРИИ ТОТАЛИТАРИЗМА: К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ

Н. В. Клименко, В. В. Седов, И. И. Потапов

Клименко Никита Владимирович, студент факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: klimenkomikita@gmail.com (ORCID: 0000-0002-1276-0870).

Седов Владислав Васильевич, студент факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: wladislawsedow@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7915-8457).

Потапов Иван Иванович, аспирант института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: ivan.i.potapow@gmail.com (ORCID: 0000-0003-1982-1469).

Аннотация

Исследования тоталитаризма в современной науке видоизменяются. С течением времени стало понятно, что необходим пересмотр основных подходов к изучению данной проблематики. Статья посвящена рассмотрению основных теоретических концепций тоталитаризма XX–XXI вв. на предмет их ангажированности. Была сделана попытка системного рассмотрения существующих работ, с целью выявления схожих и различных черт в подходах к изучению. Методология исследования базируется на анализе трудов ведущих философов и политологов. Сравнительный метод исследования помог увидеть, насколько научные труды и их авторы были ангажированы. Благодаря обозначению в работе конкретных временных промежутков авторы смогли определить параллели, которые существуют в доминирующих и периферийных взглядах на феномен тоталитаризма. Авторы рассматривают разные уровни проблематики, которые мешают формированию отстраненного научного дискурса о данном явлении. На основе реальных исторических примеров были сделаны некоторые выводы о теории тоталитаризма и связанных с ним концепций. Анализ отдельных исследований помог сформулировать и понять основные взгляды на данный политический режим. Главным итогом статьи стала возможность постановки вопроса об объективности подходов европейских и американских ученых в исследовании тоталитаризма.

Ключевые слова: тоталитаризм; политические системы; формы правления; идеология; демократия; либерализм.

При сохранении очевидных коннотаций, связанных с данным феноменом XX в., термин «тоталитаризм» активно используется в нынешней политической популистской риторике, а также в гуманитарных науках (Сташис, 2020). В смысловое поле понятия неизбежно привносятся идеологические представления, выработанные в ходе Второй мировой и «холодной войн». Следовательно, возникает вопрос: каким образом можно избавиться от эмоциональной окраски и ангажированности в исследованиях тоталитаризма, навязанных контекстами XX в. В данном исследовании предлагается пересмотреть существующий подход к изучению данной политической системы как феномена, избавившись от предрассудков.

Данное исследование строится на семиотическом подходе к пониманию феномена «тоталитаризм». Для работы основными были выбраны классификационный и казуальный анализ существующей литературы, которая была изучена через призму трех временных промежутков: период до Второй мировой войны, с 1945 по 1980-е гг., с 1990-х гг. по настоящее время.

Сегодня характеристика «тоталитарный» часто соотносится со словами «деспотичный» и «диктаторский». При такой широкой трактовке генеалогия данной политической системы может не только проследиваться в тоталитарных режимах XX в., но и отсылать нас к формам правления Древнего Египта и Шумерского Царства. Так, например, С. Андрески говорил о тотальном контроле в эпоху птолемеев, а К. Виттфогель выделял «гидравлические общества» в древнем Китае и Месопотамии. В них проследивается тенденция к «неограниченной власти» и «чрезмерному автократическому и бюрократическому террору», что подводит к выводу об «архетипе тоталитарных режимов», коими являются «гидравлические общества» (Сташис, 2020).

Как отмечает российский историк В.И. Михайленко, мы сталкиваемся с тремя видами тоталитаризма: с историческими примерами тоталитарных режимов XX в., типологизированной концепцией тоталитарного государства и теорией тоталитаризма в форме умозрительной модели, разработанной в рамках сравнительного анализа политических явлений (Михайленко, 2011). При этом нельзя утверждать, возможно ли адекватно применять столь идеологически наполненное понятие для описания политических и социальных смыслов без привлечения в него лишних коннотаций. На примере зарубежных исследователей мы можем наблюдать множественные примеры проявления «тоталитарности». Идеологизация мышления становится спутником массовизации человека.

Вместе с тем соотнести понятие «тоталитаризм» с нынешними социально-политическими образованиями становится проблематично. Возникает необходимость обосновать как легитимность самой концепции, так и ее использование в совершенно иной технологической, информационной и экономической реальности. В связи с этим В. И. Михайленко справедливо указывает на возможность применения к понятию «тоталитаризм» термина «блуждающий феномен» (Михайленко, 2011). Мы можем выявить траекторию движения рассматриваемого понятия, что должно помочь в определении актуального смысла данного феномена в условиях конкретного контекста и правомерности дальнейшего развития предложенной концепции тоталитаризма.

Анализ ранних работ о тоталитаризме

Немецкий историк Й. Петерсен обнаружил впервые введенное понятие «тоталитаризм» в статье итальянского политического деятеля либерального толка Дж. Амендола в журнале «*Il Mondo*» 12 мая 1923 г. В ней характеризовался фашистский режим Муссолини как «тоталитарная система» (Amendola, 1923). Целью введения прилагательного *totalitario* (от лат. *totalis* – целый, полный) стала критика избирательной системы фашистской Италии. Как отмечал Й. Петерсен, таким способом Дж. Амендола не только указал на яркое отличие фашистской избирательной системы на фоне ранее действующих *sistema maggioritario* и *sistema minoritario*, но и предупредил, что такой процесс приведет к установлению неограниченной и абсолютной политической власти одной партии (Petersen, 2004). Л. Бассо, итальянский антифашист, кто следующим использовал термин в газете «*La Rivoluzione Liberale*» от 2 января 1925 г.: «Все государственные органы, корона, парламент, магистратура, которые согласно традиционной теории воплощают в себе три власти, и вооруженные силы, которые осуществляют их волю, превращаются в инструмент одной единственной партии, которая подчиняет их одной воле, смутному тоталитаризму» (Михайленко и Нестерова, 2000). Антифашисты активно использовали данное понятие в качестве критики, но фашисты не стали отрицать свою к нему причастность. Более того, они начали активно употреблять этот термин в программных речах, а позднее и вовсе сделали тоталитаризм частью собственной политической повестки.

Уже 22 июня 1925 г. Муссолини, обращаясь к оппозиции, впервые говорил о «тоталитарной воле фашизма» (Petersen, 2004). По мнению немецкого историка Й. Петерсена, это выступление стало решающим в использовании фашистами понятия «тоталитаризм» в позитивном ключе и началом его эксплуатации. Он же приводит слова члена фашистской партии Р. Ф. Даванзатти, сказанные в феврале 1926 г.: «Если оппоненты скажут нам, что мы тоталитарны, мы доминиканцы, мы непримиримы, мы деспотичны, то не следует бояться этих прилагательных. Примите их с честью и гордостью...» (Petersen, 2004).

Фашистский философ Дж. Джентиле в 1916 г. в одной из своих работ развивал идеи о поглощении элементов общества «тотальностью» государства и об «идентичности» государства и индивида. Но он начал пользоваться термином «тоталитаризм» только в 1925 г., когда сама концепция была уже изложена в «Доктрине фашизма». Термин «тоталитаризм» призван был подчеркнуть различие тоталитарных ценностей и либеральных: если либерал исходит из признания независимости ин-

дивида как фактической и моральной, то сторонник тоталитаризма считает индивида неотрывной частью государства и политической сферы общества» (Curtis, 1923).

Утопизм, отрицание индивидуализма и этатизм станут яркой чертой всех тоталитарных проектов первой половины XX в., критика которых и послужит базисом для развития современной теории тоталитаризма. Как отмечает Б. Бонджованни, Дж. Амендола не мог знать, что, используя новый термин, «он подарил лексикону политики один из самых удачных и мощных терминов столетия» (Bongiovanni, 2005). Продолжая развивать тему тоталитаризма, Н. А. Бердяев говорит об иррациональном характере политической системы, приобретающей характер культа: «Коммунистическая партия по своей структуре, по душевному складу своих адептов представляет что-то вроде атеистической секты, религиозной атеистической секты, захватывающей в свои руки власть» (Бердяев, 1990: 136). Сам же философ интерпретирует понятие «тоталитаризм» положительно.

В понимании Н. А. Бердяева тоталитаризм – это отражение духовного единства человека и Бога в религиозной системе мира. Тоталитаризм требует целостности веры – таково истинное предназначение этого явления, поэтому русский мыслитель обоснованно критикует антирелигиозный строй, входящий в онтологический конфликт с присущим ему тоталитарным настроением: «Коммунистическое общество и государство претендуют быть тоталитарными. Но это и есть основная ложь. Тоталитарным может быть лишь царство Божье, царство кесаря всегда частично» (Бердяев, 1990: 126). Философ обвиняет в секулярной религиозности тоталитарные режимы, так как она не способна дать рациональный ответ на политические, экономические и социальные вызовы. Вследствие специфичности идеологического восприятия действительности она стремится к созданию собственной квазиреальности внутри установившегося режима.

Следует также упомянуть одну из условных классификаций, которая во многом тождественна классификациям других исследователей, – например, М. Вебера, Э. Дюркгейма и др. – это деление на общества, которые в основном функционируют за счет рациональных и иррациональных регуляторов, ценностей, то есть существуют общества, функционирующие согласно иррациональным регуляторам, приобретшим рационализированный характер, либо, наоборот, рациональные ценности, приобретшие иррациональный характер. Р. Х. Кочесоков утверждает, что тоталитарное общество можно определить как последние два общества (Кочесоков, 1993: 11–12). Следует отметить, что к почти этому же мнению приходит и Н.А. Бердяев, когда говорит о тоталитарном режиме в СССР. Рациональное иррационализируется потому, что, во-первых, оно еще не является самостоятельным авторитетом для эффективного регулирования социальных функций, поэтому нуждается в обеспечении авторитетом; и, во-вторых, общество еще не способно относиться к рациональному как к рациональному. «Тоталитарный человек относится к рациональному также, как традиционный человек относился к иррациональному. Для него рациональное – вовсе не относительная истина, а абсолютная» (Кочесоков, 1993).

То, что термин «тоталитаризм» был подхвачен одновременно и сторонниками, и противниками фашизма, позволяет говорить о его понятийной амбивалентности. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что многие темы, связанные с тоталитаризмом откровенно необъективны, из-за их сугубо отрицательной направленности к явлению. Таким образом, имеет смысл пересмотреть этот феномен, чтобы понять саму его суть, без субъективного взгляда на него через призму преступных коннотаций, отходя также, и от идеологов тоталитаризма национал-социалистического толка.

Изучение проблематики тоталитаризма во второй половине XX в.

В годы «холодной войны» тоталитаризм выступал в качестве ударного идеологического оружия западного мира. Поэтому понятие было крайне идеологизировано и политизировано. Понятие «классического тоталитаризма» окончательно оформилось к началу 1950-х гг., благодаря научной деятельности Ф. фон Хайека и К. Поппера. Важным фактом оба мыслителя отмечают то, что с самого начала имели место дихотомия авторитарно-тоталитарного и демократического начал, которые, входя в столкновение друг с другом, в корне своих идей порождают ту самую борьбу в глубинных слоях социума.

Однако К. Поппер противопоставляет общества «открытого» и «закрытого» типа без анализа реальных политических режимов. Поэтому он вывел ряд признаков тоталитаризма: национализм – государство воспринимается как воплощение духа нации или расы; война как главный утверждающий суверенитет инструмент; этическое оправдание войны; освобождение государства от моральных обязательств; исключительная роль всемирно-исторической личности. Поппер, утверждая, что цели

государства должны быть ограничены, одновременно с тем, однако, пропагандирует государственный интервенционализм: «Мы должны сконцентрировать опирающийся на мощь государства социальный институт защиты экономики слабых от экономики сильных. Государство должно заботиться о том, чтобы никому не приходилось вступать в непоседливые отношения из страха голодной смерти или экономического краха. Это, конечно, означает, что принцип государственного невмешательства в экономику... должен быть отброшен... Нельзя допускать, чтобы экономическая власть доминировала над политической властью» (Поппер, 1992: 196). Здесь он высказал важную мысль о том, что тоталитарный человек, будучи в системе, не осознает собственной несвободы, так как он лишен способности критической оценки и самостоятельного принятия решения.

Классическая теория тоталитаризма оформилась благодаря компаративному анализу фашизма, национал-социализма, сталинизма и иных форм социалистической диктатуры – их сравнение дало основание полагать, что все примеры идеологических государств имеют одно единственное общее – особую форму устройства, которую нельзя назвать авторитарной диктатурой.

Классикой жанра в изучении и обличении тоталитаризма стали работы ярых противников этого режима: Х. Арндт «Истоки тоталитаризма» и К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия».

В работе Х. Арндт можно отметить глубокий философский анализ не только социально-идеологических тонкостей, но и не менее важных экономических и социокультурных составляющих тоталитаризма. «Истоки тоталитаризма» отличаются широкой базой исследования, поскольку автор опирается не только на современную литературу, но и на результаты исследований довоенного времени, вплоть даже до установления этих режимов (середина 1920-х – начало 1930-х гг.). Системно анализируя данные примеры, философ приходит к объективному выводу, что наиболее всего соответствуют тоталитарному режиму Третьего рейха и СССР сталинского периода. Сама по себе структура этих двух государств довольно схожа, даже несмотря на те значимые идеологические и экономические различия, которые для них характерны. Х. Арндт конкретно подразделяет их на тоталитаризм разных социально-идеологических норм.

Также, Арндт утверждает, что тоталитаризм привёл к высокой степени дробления общества, сделав его исключительно несоборным и неконсолидированным. Однако советское гражданское общество вряд ли можно обозначить именно таким – скорее наоборот, высокая степень коллективизации сделало это общество также и высоко консолидированным. Здесь связующим элементом вновь стала идея – идея коммунистическая.

Арндт создавала концепцию тоталитаризма прежде всего на немецком материале и механически спроецировала на советский опыт ряд черт, присущих только национал-социализму (Арндт, 1996). В её время подобная проекция воспринималась как вызывающе смелая: потерпевший поражение, полностью дискредитированный и официально осужденный в Нюрнберге режим сравнялся с общественным устройством страны-победительницы, значительно расширившей в результате войны свое влияние (Рыклин, 2002). Это в дальнейшем дало возможность начать дискредитирующую пропаганду против СССР.

Обращаясь уже к работам К. Фридриха и З. Бжезинского, необходимо отметить, что они стали классикой для исследований тоталитаризма. Важно отметить что этот факт имел широкое идеологическое влияние на все последующие исследования, поскольку они, как и Арндт, занимались критикой тоталитаризма, исходя из имеющихся исторических примеров, мало занимаясь изучением самой сути тоталитаризма. Мыслители обращаются к идее того, что тоталитаризм по факту является новой адаптацией автократии к изменяющемуся экономическому индустриализму.

Как известно, и в Третьем рейхе, и в фашистской Италии и в СССР воля властных элит преподносилась как воля народа, благодаря чему не имела никаких поводов для сомнения и осуждения, занимая тем самым очень выгодную легитимную позицию. Таким образом фиксировалась и маскировалась полная безотчётность власти в плане принимаемых решений, что соотносит тоталитаризм с автократией в большей степени, чем можно было бы предположить.

И З. Бжезинский, и К. Фридрих однозначно утверждают, что появление тоталитаризма оказалось невозможно предсказать исключительно из-за сложившейся сложной социально-политической ситуации: тоталитаризм и имеющиеся примеры его идеологизированного использования стали результатом распадавшейся международной системы колониальных империй, так как вакуум, созданный Великой Отечественной войной, был обязателен к заполнению чем бы то ни было. Так нашлись целеустремлённые люди, которые стали основателями нацизма, фашизма и т.д.

Их формирование стало возможным, а высокие шовинистические настроения в обществе стали отличным катализатором.

Выявляется глубокая схожесть правого тоталитаризма и левого. Суть и того и другого заключается, по мнению К. Фридриха и З. Бжезинского, в абсолютном контроле над экономическим сектором государства, а также глубочайшей идеологизированности всех аспектов общественной жизни.

Таким образом, эти мыслители предлагают противопоставлять западную демократию тоталитаризму любого толка, при том, что именно возникновение и распространение массовой демократии открыло возможность для появления и становления тоталитарных режимов. Дальнейшая критика подытожила тот факт, что тоталитарные режимы с большим трудом и низкой вероятностью поддаются каким-либо социально-политическим изменениям, однако это оспаривалось (например, К. Фридрих полагал, что тоталитаризм не является законченной структурой и является величиной лишь относительной (Бжезинский и Фридрих, 1965)). В конечном итоге такая практика аналитики стала главенствующей и породила дискурс о противостоянии и противопоставлении форм тоталитарных государств и принципов западного демократизма.

Работы исследователей задали основное направление дискурса изучения тоталитаризма, заключающееся исключительно в сравнении с демократическими режимами и последующим поступательным осуждением тоталитаризма. К середине 1970-х гг. в том же ключе получила своё распространение тематика рассмотрения тоталитаризма с психоаналитической точки зрения (Адорно, 2001; Фромм, 2016), а также на базе политико-культурного дискурса (Алмонд и Верба, 1992). Стоит, однако, акцентировать внимание на том, что все эти концептуальные особенности исследования тоталитаризма были сосредоточены не на самой ключевой проблематике, или, если угодно, сути тоталитаризма, но на том, каковой эта проблематика должна быть и в каком ключе её следует воспринимать. Кроме того, благодаря такому идейному восприятию феномена появился ряд популистской риторики, что идет в разрыв с коннотациями тоталитаризма как некоего феномена политического устройства, переводя его в феномен социально-культурный. Благодаря этому в сам термин вносится окраска идеологизированности, пропитавшей XX в. в целом.

Подходы к исследованию тоталитаризма в XXI в.

Если в XX в. исследователи преимущественно рассматривали тоталитаризм через призму структурного анализа, то в наше время они перешли к исследованиям с помощью форм психоаналитики и психогенеза, вкуче с когнитивистикой. Начались поиски углубленных «корней» феномена в ранних эпохах, для выявления его антропогенеза.

В XXI в. была поставлена проблема инвертированного тоталитаризма (Wolin, 2008). Исследователи перешли уже к изучению психологических основ тоталитаризма и ушли от упрощающих классификаций и вечных сравнительных анализов. Однако это стало возможным только после падения крупнейшего тоталитарного государства XX в. – СССР – так как после падения «идеологического» врага надобность в постоянной демонизации темы отпала.

Есть версия, озвученная Ф. Фюрэ, что СССР был даже более тоталитарным, чем нацистская Германия. Из этого делается вывод, что точкой отсчёта тоталитаризма является само государство, в его всеобъемлющей форме: тогда «социальное соглашение», которое создаётся при такой форме государства, становится новым методом социального контроля за массами. Однако тот же самый Фюрэ высказал точку зрения, что тоталитаризм как феномен и как понятие с большим трудом поддаётся понятному определению (Михайленко, 1998).

В послевоенное время утверждалось, что тоталитаризм является антиподом демократии, но только потому, что западная демократия воспринимается автоматически как либеральная, отталкиваясь от капиталистических принципов глубоко социального индивидуализма, который скорее нужно было бы назвать социальным эгоизмом (Ковелина и др., 2012).

Таким образом, стоит задать вопрос несколько по-иному: если тоталитаризм автоматически является противником демократии, то следует понять, что есть демократия? Ведь можно вспомнить о понятии «тоталитарной демократии», которая встречается в современности (Кожевников, 2007).

Термин «тоталитарная демократия» (или тирания равенства) возникает в третьей четверти XX в., в работах Б. де Жувенеля (Жувенель, 2010), а впоследствии и в работах Дж. Талмона (Талмон, 1993) и Г. Маркузе, однако куда актуальнее и живее в обсуждении они стали в наше время. На этот феномен необходимо обратить внимание, так как сейчас это стало касаться наиболее значимых «демократических» государств мира. В отношении такой крупнейшей страны как США, журналистка

М. Симоньян говорит: «Страна, в которой за 250 лет не возникла – а если и возникла, то не смогла даже близко приблизиться к участию в высоком политическом процессе – партия, которая отражала бы безусловные чаяния большинства населения, такие как бесплатная медицина, бесплатное высшее образование для всех, декретный отпуск; такой партии нет, и она не смогла возникнуть за 250 лет, потому что правящая верхушка этого не позволяла. Такая страна тоталитарна».

Безусловно, нужно сделать акцент на том, что слова М. Симоньян могут быть не менее субъективны и возможно наполнены антиамериканским пропагандистским подтекстом, однако смысл в данном выражении имеется, поскольку оно отражает действительную историческую суть. Поэтому размышление о «тоталитарности» замкнутой двухпартийной системы США может стать основой для переосмысления самого термина «демократия» и антагонистичного к нему термина «тоталитаризм».

Таким образом, концепт тоталитаризма как полной антагонистической противоположности демократии, рассматривается исключительно однобоко, полностью игнорируя работы тех авторов, которые по своим убеждениям были или нейтральны по отношению к демократии (традиционалисты), или же были сторонниками тоталитарного устройства государства и общества.

Несмотря на то, что в XXI в. политологи изучают феномен тоталитаризма вне явных идеологических или политических рамок, они видят в тоталитаризме исключительное зло. При этом оно структурно, поскольку стало понятно, что тоталитаризм способен к существованию и без идеологии. Однако уже в конце XX в. стало ясно: идеологии становятся орудием и содержательным придатком к тоталитарной структуре общества.

К особо значимым современным исследователям тоталитаризма можно отнести работу С. Куртуа «Чёрная книга коммунизма», в которой историк последовательно изучает и приводит истоки тоталитаризма. Под его редакцией были изданы сборники работ парижских коллоквиумов начала 2000-х гг., на которых исследователи-коллеги изучали феномен тоталитаризма XX в. и также пытались найти и описать его истоки. В том числе приводилось к рассмотрению и изучение современной проблематики тоталитаризма, его логических концептуальных особенностей, «унаследованных» от форм прошлого столетия.

С. Куртуа приводит следующее определение: он утверждает, что как таковая власть в тоталитарном государстве стремится не просто к своему упрочению, но к полному, *тотальному* господству над абсолютно всеми сферами жизни общества посредством эдаких «трёх столпов» (Куртуа и др., 2001):

1. Политический, который объединяет все институты отправления власти (любой) под управлением одной единственной идейной группы людей – то есть партии.
2. Интеллектуальный, который является, с одной стороны, пропагандой, а с другой – образованием.
3. Экономический, где подрывается важнейший для западных либеральных демократий принципиальный устой частной собственности; а также происходит уход от рыночной экономической системы к плановой, в которой появляется возможность для контроля государством всех экономических процессов.

Схожее по структуре определение даёт итальянский исследователь Э. Джентиле, который преподносит структурный анализ итальянского тоталитаризма. Он утверждает, что итальянский фашизм был лишь путём к тоталитаризму, хотя и имел явные тоталитарные черты: являясь симбиотом боевой фашистской культуры, антилиберальным и антидемократическим духом, которым была проникнута Италия того времени (Gentile, 2004). Целью всей этой системы было воспитание новой, тоталитарной политической культуры, которая, по мнению Джентиле, должна была стать комплексом институциональных, идейно-мировоззренческих и культурных процессов, а затем и предприятий. Тем не менее, фашизм, в отличие от коммунизма, не стремился к отторжению частной собственности, но наоборот – беспрекословно защищал это право гражданина, стремясь реализоваться через культурно-политическую составляющую общества, отвергая всякое либеральное начало.

Доступное и справедливое, по нашему мнению, определение дал немецкий учёный У. Бакес. Через все его работы проходит идея концепта «тоталитарное мышление», которое и является центральным-образующим для тоталитарного государства. Исследователь обращает внимание своих коллег на то, что абсолютное большинство предыдущих исследователей тоталитаризма занимались анализом институциональной структуры тоталитарных государств и присущих им идеологий, однако обходили стороной интеллектуальную составляющую, а также структуру ориентаций и ценностных установок, которая по сути своей становилась корневой частью режима – это породило поверхностную фрагментарность взглядов относительно тоталитаризма (Backes & Jesse, 1984).

Хотя первым шагом на пути к исследованию системы ценностей можно назвать концепцию Р. Арона, который отнес тоталитарную идеологию к «политической» или «светской» религии и книгу Р. Лифтона 1961 г. «Китайское изменение мысли и психология тотализма», однако в их трудах незаметна грань между тоталитарными и традиционными религиями, следствием чего могли стать обвинения в адрес классических религий. Рассматривая логику тоталитарной мысли, современные исследователи особое значение придают понятию «политическая религия», пытаясь найти для тоталитарных идеологий нейтральную по смыслу формулу: «сциентистско-мессианская» (Куртуа и др., 2001), «мессианский унанимизм» (Слущкая, 2012) и даже «антиидеологическая» идеология (Gentile, 2004).

Итак, Бакес приводит термин «доктрина земного спасения» как альтернативу тем вариантам, которые были предложены выше. Он чётко разграничивает религию классическую и религию тоталитарную, то есть, политическую: «В феноменологической перспективе религий тоталитарные идеологии представляются не просто в качестве функционального эквивалента религиозных доктрин спасения, но типологически и интеллектуально приближаются к ним, по крайней мере, в их “хилиастических”, “гностических” и “манихейских” формах» (Backes & Jesse, 1984).

Далее, У. Бакес выносит суждение, что сами по себе интеллектуальные черты тоталитаризма достаточно древние, несмотря на то, что практические условия для его возникновения и апогея появились только в начале прошлого столетия. Он утверждает, что для понимания возникновения тоталитаризма необходимо исследовать, какие образы мышления лежат в его основе и когда конкретно они появляются. Корни такого образа мышления исходят из некоторых определённых потребностей и желаний, которые являются базовыми для человеческой природы: безопасность, понятность, простота, цельность.

Тоталитаризм претендует на абсолютность свою и своих принципов, стремясь стать идеалом. Это порождает фанатический пыл, который поражает умы масс и является своего рода индульгенцией для режима в глазах его приверженцев. Далее следует разрыв: эта новая идея не идёт по пути религий, но предлагает разбить цепь религиозной замкнутости, создав «нового человека», который сумеет создать то самое «царство Божие на земле», без помощи того самого Бога. Для пояснения этого У. Бакес использует «идею единства» и предлагает основу для «объективного» и всеобъемлющего определения общего блага. Согласно его концепции, тоталитарное мышление стремится к монополизации и унитаризации власти, для чего абсолютно необходимой является полная очистка политического пространства.

Итак, из этого можно обозначить промежуточный вывод, сделанный европейскими учёными: по сути, палингенетическая логика тоталитаризма порождает своего рода сложную, структурированную политическую религию, которая генерируется изначально не для обмана и контроля населения посредством различных манипуляций, но в целях формирования принципиально нового, концептуально полностью лояльного этому тоталитарному режиму общества.

Исследования тоталитаризма до сих пор в некоторой степени табуированы или же пишутся с исключительно негативной точки зрения, без шанса на малейшую объективность. Несмотря на то, что по теме было написано немало количество работ, они преимущественно анализируют данный феномен через негативную призму восприятия. По большей части это связано с историческими условиями их появления. В силу разных обстоятельств все подобные политические режимы в конечном итоге становились угрозами в глазах других государств. Однако это не означает, что тоталитаризм всегда и во всех своих проявлениях может быть и будет «негативным».

В результате исследования был сформирован ряд основных выводов:

1. Подтвердилось предположение о том, что исследования тоталитаризма крайне разрознены и трактовки каждого из них зависят исключительно от авторского восприятия и оценки;
2. До Второй мировой войны количество работ о тоталитаризме не было большим, а авторы этих работ либо определяли феномен достаточно нейтрально, либо с незначительной критикой;
3. Большинство трудов, которые негативно описывают феномен тоталитаризма, были написаны уже после Второй мировой войны; крайне критичная окраска данных исследований обусловлена влиянием демократических ценностей, которые активно продвигались в странах, не входящих в Организацию Варшавского договора.

Так, вопрос объективности исследований, которые изначально должны быть нейтральными, подвергается сомнению. Этика науки требует объективного и беспристрастного отношения к любому

исследуемому объекту и предмету. Однако в данном случае в большинстве работ можно заметить довольно чётко оформленную оценку. Это свидетельствует о том, что ангажированность, вмешательство идеологий и политиков в науку искажает понимание феномена и саму его суть.

Неоднозначность, противоречивость, а также отсутствие критериев, позволяющих чётко определить тоталитарные компоненты политических процессов и элементов политических систем делают из тоталитаризма инструмент популистских манипуляций. Более того – на данный момент это становится рычагом давления и дискредитации некоторых государств в угоду политической выгоде.

Список литературы / References

- Адорно, Т. (2001) *Исследование авторитарной личности*. Москва: Серебряные нити. [Adorno, T. (2001) *The Authoritarian Personality* [Issledovanie avtoritarnoj lichnosti]. Moscow: Serebryanye niti. (In Russ.)].
- Алмонд, Г. А., Верба, С. (1992) 'Гражданская культура и стабильность демократии', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 122–134. [Almond, G. A. and Verba, S. (1992) 'The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations' [Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokrati], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 122–134. (In Russ.)].
- Арендт, Х. (1996) *Истоки тоталитаризма*. Москва: ЦентрКом. [Arendt, H. (1996) *The Origins of Totalitarianism* [Istoki totalitarizma]. Moscow. (In Russ.)].
- Бердяев, Н. А. (1990) *Истоки и смысл русского коммунизма*. Москва: Наука. [Berdyayev, N. A. (1990) *The Origins and Meaning of Russian Communism* [Istoki i smysl russkogo kommunizma]. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Жувенель, Б. де. (2010) *Власть. Естественная история ее возрастания*. Москва: ИРИСЭН, Мысль. [Zhuvenel', B. de. (2010) *On Power: The Natural History of Its Growth* [Vlast'. Estestvennaya istoriya ee vozrastaniya]. Moscow: IRISSEN, Mysl'. (In Russ.)].
- Ковелина, Т. А., Лагутин, А. О., Онищенко, В. Л. (2012) 'Эгоизм как принцип жизненной ориентации в контексте этических концепций М. Штирнера и И. Бентама (историко-философский аспект)', *Общество и право*, 4 (41), сс. 309–311. [Kovelina, T. A., Lagutin, A. O. and Onishchenko, V. L. (2012) 'Egoism as principle of the vital orientation in a context of ethical concepts of M. Shtirner and I. Bentam (historic-philosophical aspect)' [Egoizm kak princip zhiznenoj orientacii v kontekste eticheskikh koncepcij M. SHtirnera i I. Bentama (istoriko-filosofskij aspekt)], *Society and law*, 4 (41), pp. 309–311. (In Russ.)].
- Кожевников, В. П. (2007) *Политический и духовный тоталитаризм современной цивилизации: монография*. Нижний Новгород: ННГАСУ. [Kozhevnikov, V. P. (2007) *Political and Spiritual Totalitarianism of Modern Civilization: monograph* [Politicheskij i duhovnyj totalitarizm sovremennoj civilizacii: monografiya]. Nizhnij Novgorod: NNGASU. (In Russ.)].
- Кочесоков, Р. Х. (1993) *Тоталитаризм: философско-политическое исследование: автореф. ... д.филос.н.* Ростов н/Д. [Kochesokov, R. H. (1993) *Totalitarianism: a philosophical and political study* [Totalitarizm: filosofsko-politicheskoe issledovanie], Abstract of D.Sc. dissertation, Rostov-on-Don. (In Russ.)].
- Куртуа, С. (ред.) (2001) *Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии*. Москва: Три века истории, 2-е изд. [Courtois, S. (ed.) (2001) *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression* [Chyornaya kniga kommunizma: prestupleniya, terror, repressii]. Moscow: Tri veka istorii, 2nd ed. (In Russ.)].
- Михайленко, В. И. (2000) *Эволюция политических институтов современной Италии: методологический аспект*. Екатеринбург: Банк культурной информации. [Mihajlenko, V. I. (2000) *Evolution of Political Institutions in Modern Italy: methodological Aspect* [Evoluciya politicheskikh institutov sovremennoj Italii: Metodologicheskij aspekt]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii. (In Russ.)].
- Михайленко, В. И. (2011) 'Современные исследования тоталитаризма', *Известия Уральского государственного университета*, Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры, 1 (86), сс. 181–192. [Mihajlenko, V. I. (2011) 'Modern research on totalitarianism' [Sovremennye issledovaniya totalitarizma], *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. 1, Problemy obra-

- zovaniya, nauki i kul'tury, 1 (86), pp. 181–192. (In Russ.).
- Ортега-и-Гассет, Х. (2002) *Восстание масс*. Москва: Издательство АСТ. [Ortega-i-Gasset, H. (2002) *The Revolt of the Masses* [Vosstanie mass]. Moscow: Izdatel'stvo AST. (In Russ.).]
- Поппер, К. (1992) *Открытое общество и его враги*. Москва: Феникс, Международный фонд «Культурные инициативы». [Popper, K. (1992) *The Open Society and Its Enemies* [Otkrytoe obshchestvo i ego vragi]. Moscow: Feniks, International Foundation for Cultural Initiatives. (In Russ.).]
- Рыклин, М. К. (2002) *Пространства ликования. Тоталитаризм и различие*. Москва: Логос. [Ryklin, M. K. (2002) *Spaces of jubilation. Totalitarianism and difference* [Prostranstva likovaniy. Totalitarizm i razlichie]. Moscow: Logos. (In Russ.).]
- Слущкая, Л. В. (2012) 'Феномен тоталитаризма в современной западноевропейской политологии', *Вестник БДУ, сер. 1, Политология*, 1, сс. 56–59. [Sluckaya, L. V. (2012) 'The phenomenon of totalitarianism in modern Western European political science' [Fenomen totalitarizma v sovremennoj zapadnoevropejskoj politologii], *Vestnik BDU. Ser. 1, Politologiya*, 1, pp. 56–59. (In Russ.).]
- Сташис, В. О. (2020) 'Тоталитаризм в современной социальной философии: к проблеме концептуального определения', *Журнал Белорусского государственного университета: Философия и Психология*, 2, сс. 25–32. [Stashis, V. O. (2020) 'Totalitarianism in modern social philosophy: to the problem of conceptual definition' [Totalitarizm v sovremennoj social'noj filosofii: k probleme konceptual'nogo opredeleniya], *Journal of the Belarusian State University: Philosophy and Psychology*, 2, pp. 25–32. (In Russ.).]
- Талмон, Дж. Л. (1993) 'Истоки тоталитарной демократии' в: Верченков, Л. Н. (ред.) *Тоталитаризм: что это такое?* (исследования зарубежных политологов). Сборник статей, обзоров, рефератов, переводов, часть 1. Москва: ИНИОН. [Talmon, Dzh. L. (1993) 'The origin of totalitarian democracy' [Istoki totalitarnoj demokratii] in: Verchenov, L. N. (ed.) *Totalitarizm: chto eto takoe?* (issledovaniya zarubezhnyh politologov). Sbornik statej, obzorov, referatov, perevodov. Moscow: INION, part 1. (In Russ.).]
- Тяпин, И. Н. (2019) *Новый тоталитаризм и государство справедливости: неизбежность выбора*. Москва: ДПК Пресс. [Tyapin, I. N. (2019) *New totalitarianism and the state of justice: the inevitability of choice* [Novyj totalitarizm i gosudarstvo spravedlivosti: neizbezhnost' vybora]. Moscow: DPK Press. (In Russ.).]
- Фромм, Э. (2016) *Бегство от свободы*. Швеция, Нючёпинг: Философский архив. [Fromm, E. (2016) *Escape from freedom* [Begstvo ot svobody]. Sweden, Nyköping: Filosofskij arhiv. (In Russ.).]
- Хаксли, О. (2014) *О дивный новый мир*. Москва: Издательство АСТ. [Huxley, O. (2014) *Brave New World* [O divnyj novyj mir]. Moscow: Izdatel'stvo AST. (In Russ.).]
- Шутов, В. С. (1998) 'Сомнения в теории тоталитаризма', *Тоталитаризм и тоталитарное сознание*, 2, сс. 107–118. [Shutov, V. S. (1998) 'Doubts in the theory of totalitarianism' [Somneniya v teorii totalitarizma], *Totalitarizm i totalitarnoe soznanie*, 2, pp. 107–118. (In Russ.).]
- Amendola, G. (1923) 'Maggiornanza e minoranza', *Il Mondo*.
- Backes, U. (2006) 'La pensée totalitaire', *Les logiques totalitaires en Europe au XXe siècle*, pp. 49–50.
- Backes, U. and Jesse, E. (1984) *Totalitarismus, Extremismus, Terrorismus*. Ein Literaturführer und Wegweiser im Lichte deutscher Erfahrung. Leske und Budrich, Opladen, Germany.
- Bongiovanni, B. (2005) 'Totalitarianism: the Word and the Thing', *Journal of Modern European History*, pp. 5–17.
- Curtis, M. (1981) 'Totalitarianism: A Monolithic Entity?' in: Menze, E. (ed.) *Totalitarianism reconsidered*. Kennikat Press, Port Washington, NY, pp. 123–126.
- Friedrich, C. and Brzezinski, Zb. (1965) *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Harvard University press, Cambridge, Massachusetts.
- Gentile, E. (2004) 'Fascism, Totalitarianism and Political Religion: Definitions and Critical Reflections on Criticism of an Interpretation', *Totalitarian Movements and Political Religions*, 5, no. 3, pp. 326–375.

Menze, E. (1981) *Totalitarianism Reconsidered*. Kennikat Press, Port Washington, NY.

Petersen, J. (2004) 'The history of the concept of totalitarianism in Italy', in: Maier, H. (ed.) *Totalitarianism and Political Religion: Concepts for the comparison of dictator-*

ships, 1, Routledge, London, UK, pp. 3–21.

Wolin, Sh. (2008) *Democracy incorporated: managed democracy and the specter of inverted totalitarianism*. Princeton University Press, Princeton, NJ.

Статья поступила в редакцию: 06.05.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 10.07.2021

Статья принята к печати: 30.07.2021

THEORIES OF TOTALITARISM: QUESTION OF OBJECTIVITY

N. V. Klimenko, V. V. Sedov, I. I. Potapov

N.V. Klimenko, student, The Faculty of Political Science, St. Petersburg State University.

E-mail: klimenkomikita@gmail.com (ORCID: 0000-0002-1276-0870).

V. V. Sedov, student, The Faculty of Political Science, St. Petersburg State University.

E-mail: wladislawsedow@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7915-8457)/

I. I. Potapov, Postgraduate student, School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University.

E-mail: ivan.i.potapow@gmail.com (ORCID: 0000-0003-1982-1469).

Abstract

Research of totalitarianism in modern science is changing. Over time, it has become clear that it is necessary to revise the basic approaches to the study of this problem. The article is devoted to the research of the main theoretical concepts of totalitarianism of the XX-XXI centuries for their bias. An attempt is made to systematically analyze existing works in order to identify similar and different features in approaches to the study. The methodology is based on the analysis of the works of leading philosophers and political scientists. The comparative research method helps to see how much scientific works and their authors are engaged. The research determines the parallels that exist between the dominant and less widespread views on the phenomenon of totalitarianism. The authors consider different levels of problems that hinder the formation of a detached scientific discourse about this phenomenon. The analysis of individual works helps to formulate and understand the main views on this political regime. The main result of the research is the possibility of raising the question of the objectivity of the approaches of European and American scientists in the study of totalitarianism.

Keywords: totalitarianism; political systems; forms of government; ideology; democracy; liberalism.

УДК-32.01(043.3)+141.82(043.3)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-15-23

РЕВИЗИЯ НЕОМАРКСИЗМА: КОНЦЕПТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ДВИЖЕНИЯ «ЗАХВАТИ УОЛЛ-СТРИТ»

В. С. Михайловский

Михайловский Вадим Сергеевич, доцент кафедры политологии юридического факультета, Белорусский государственный университет, Белоруссия, Минск.
E-mail: vadim2010minsk@mail.ru (ORCID: 0000-0002-6988-2473).

Аннотация

Теоретически обосновывается авторский концепт «нелинейной политики капитализма» как политико-процессуальное раскрытие неомарксистского концепта «неустойчивой капиталистической стабильности». Метод подтверждения обоснования – верификация концепта «нелинейной политики капитализма» эмпирическим материалом протестного движения «Захвати Уолл-стрит». Суть концепта «нелинейной политики капитализма» в том, что современный политический порядок западных государств не только противостоит альтернативным идеологиям и политическим практикам, но и использует их как способ собственной легитимации и стабилизации. Выявлено, что в современном западном капиталистическом порядке происходит мистификация капитализма в многомерном спектре социальной конфликтности, где классовое противоречие предстает архаизмом. Имеет место подкрепление антикапиталистического сопротивления в рамках модели, в которой все антикапиталистические лозунги и требования вписываются в идеологию «улучшения условий эксплуатации», а антикапиталистические практики легитимируют капитализм как «инклюзивный» политический режим. Наблюдается нелинейная политическая реакция, когда капитализм демонстрирует наибольшую силу в тех ситуациях, которые наименьшим образом угрожают его воспроизводству и наоборот. Подобная политическая тактика «канализирует» антикапиталистический протест, делает его управляемым и функциональным для стабильного воспроизводства капитализма.

Ключевые слова: неомарксизм; капитализм; «Захвати Уолл-стрит»; антикапиталистическая борьба; принцип нелинейности; принцип неустойчивости.

Постановка проблемы и обоснование цели исследования

Неомарксистская политическая теория – это самостоятельное направление политологии, полученное в результате обновления научно-исследовательской программы классического марксизма с целью создания эвристического инструментария современных марксистских исследований. Особое место среди неомарксистских теоретических источников занимает работа (одновременно и концепция) «Империя», написанная в 2000 г. американским исследователем М. Хардтом и итальянским исследователем А. Негри. Работа «Империя» имела большой успех в интеллектуальной мировой среде. Российский исследователь А. Ф. Филиппов называл цифру в 15 000 ссылок на эту книгу еще в 2004 г. (Филиппов, 2004: 12–13). Своей концепцией М. Хардт и А. Негри стремились дать всеобъемлющее описание современного глобального порядка путем обновления мир-системного анализа. Это было достигнуто экстраполяцией в неомарксизм теоретических положений немецкого социолога Н. Лумана. В свою очередь, лумановская теория систем представляла собой результат использования и развития в социогуманитарном знании концепции «автопоэзиса» чилийских биологов Ф. Варелы и У. Матураны. Идея «автопоэзиса» – самопостроения и самоподдержания сложных систем – неотъемлемый атрибут синергетики как науки о самоорганизации сложных систем. Одним из теоретических результатов такого междисциплинарного синтеза синергетики и неомарксизма в рамках работы «Империя» стал концепт «капиталистической стабильности», в основу которого был положен синергетический принцип неустойчивого развития сложных систем. Этот концепт собирательный, и есть наше авторское обобщение следующих положений М. Хардта и А. Негри.

По М. Хардту и А. Негри, современный капиталистический порядок организуется не вокруг одного основного конфликта, что делало бы его крайне нестабильным, а вокруг «сети микроконфликтов». Динамическое равновесие в конфликтной среде делает капиталистические противоречия неуловимыми и нелокализуемыми, т. е. вездесущими. Как ни парадоксально, но капитализм расцветает на преумножении конфликтов. Это есть способ его стабильности, который достигается через постоянную изменчивость, недопущение установления некой единой предсказуемой модели отношений. Такая модель знаменовала бы «центр» структуры капиталистического порядка, а следовательно, основной элемент в его воспроизводстве. Наоборот, капитализм стремится к тому, чтобы все отношения были случайными, т.е. непригодными для коренного преобразования системы. Для этого капиталистический порядок эффективно реагирует на конфликты, которые сам допускает, что позволяет сохранять стабильное воспроизводство в рамках неустойчивого состояния. Капитализм описывался М. Хардтом и А. Негри как дискретный, функционирующий робот, который контролирует глобальный порядок и при необходимости вмешивается «в случае поломки в системе» (Хардт и Негри, 2004: 50).

Концепция «Империя» была генерирована в неомарксизме более двадцати лет назад. Своевременным видится вопрос об актуальности концепта «капиталистической стабильности» для эмпирического материала XXI в. и его эпистемологической пригодности для политических исследований. Наш критический подход к концепту «капиталистической стабильности» исходит из двух положений. Во-первых, после написания работы «Империя» капиталистический порядок столкнулся с тремя дестабилизирующими явлениями: новая волна антиглобалистского и исламистского движения, а также глобальное экологическое движение. Этот эмпирический материал объективно не был отражен в теории М. Хардта и А. Негри. Во-вторых, работа «Империя» наполнена теоретическими основаниями для анализа широкого предмета. Однако такой аналитический охват делает концепцию «Империя» сложной для инструментального оперирования в исследовании конкретных политических процессов¹. Неомарксистская концептуализация капиталистической стабильности требует ревизии на предмет теоретической и эмпирической адаптивности для современных политических исследований.

Цель статьи – провести политологическую ревизию неомарксистского концепта «капиталистической стабильности» путем, во-первых, теоретического пересмотра концепта (постпозитивистской проверки на фальсифицируемость) и, во-вторых, эмпирического подтверждения достигнутых теоретических результатов (позитивистской проверки на верифицируемость). Верификация обновленного неомарксистского концепта «капиталистической стабильности» будет осуществлена на материале протестного движения «Захвати Уолл-стрит».

Теоретическая ревизия

Принцип фальсифицируемости требует «допущения опровержения теории опытом». Принцип верифицируемости предполагает «приемлемость» положений новой теории «результатам практического применения» (Поппер, 2005: 29–30, 38). Принцип фальсифицируемости не означает, что неомарксистский концепт «капиталистической стабильности» должен быть опровергнут посредством эмпирической проверки (установления ложности); речь о том, что концепт должен быть сформулирован так, чтобы давать исследователю возможность выявить условия, при которых возможна его фальсификация. Мы видим противоречие (нефальсифицируемость) концептуализации М. Хардта и А. Негри в следующем.

Первое противоречие концепта. Концепт «капиталистической стабильности» не учитывает (исключает) возможность дестабилизации капитализма по мере расширения неустойчивости, тем самым определяя «неустойчивую стабильность» как сущность капитализма, а не состояние. Такое положение не может быть фальсифицировано. С точки зрения синергетики, неустойчивость является атрибутивным свойством любых сложных систем как условие их развития, а не стабильности. Неустойчивость системы означает «не сохранение «близости» состояний системы в процессе ее эволюции» (Аршинов и Войцехович, 2000: 112). Если устойчивые системы со временем переходят в состояние с минимальной свободной энергией (распаду), то неустойчивые системы развиваются. Развитие капитализма требует наилучших условий «безопасной» генерации эволюционных преобразований. Таким условием является прерывистая устойчивость (неустойчивость), которая обеспечивает на определенном этапе стабильно динамическую эволюцию системы, то, что К. Маркс называл «кризи-

¹ Подробнее см.: «Автор» «год».

сами капитализма». В таком квазиустойчивом состоянии в сложной системе происходят различные отклонения (флуктуации). Эти изменения не влияют на коренное преобразование системы: происходят «устойчивые (стабильные) превращения» (Пригожин, 2001: 97). Однако квазиустойчивое состояние системы является временным (преходящим). Из-за неравновесных процессов в сложных системах со временем срабатывает принцип «разрастания малого» (усиление влияния флуктуаций); эволюционная дифференциация системы приводит к нарушению симметрии; система достигает критического значения флуктуаций и начинает радикально изменяться. В результате воздействия флуктуаций «нарушается общий темп роста сложной структуры, необходимый для поддержания ее целостности и устойчивого развития» (Князева и Курдюмов, 2001: 29). В такой ситуации неустойчивость системы способствует разрастанию неравновесных процессов, детерминирует дестабилизацию системы, а не ее стабильность. Отсюда принцип неустойчивости не может определять стабильность капитализма.

Второе противоречие концепта. Концепт «капиталистической стабильности» М. Хардта и А. Негри может быть теоретически опровергнут методом от обратного. Если мир представляет собой тотальное воспроизводство капитализма, который эффективно порождает, допускает и преодолевает любые конфликты, то все конфликты являются проявлением капиталистических противоречий. При таком подходе в капиталистическом порядке может происходить «любая политика», в том числе и антикапиталистическая, и неомарксизм как познавательная практика сведется к фиксации всякой политики как капиталистической. Концепт приписывает политике атрибутивную капиталистическую сущность, что не может быть фальсифицировано. Стоит отметить, что включение антикапиталистической борьбы в способ воспроизводства капитализма является отдельным предметом анализа неомарксистов. Так, словенский политолог С. Жижек писал, что современные «анти» движения действуют по формуле «Давайте и дальше менять все таким образом, чтобы в глобальном масштабе все оставалось по-прежнему!» (Жижек, 2003: 21). Также, по мнению французского философа Ж. Бодрийяра, «политическое воздействие» альтернативного движения «может быть ощутимым, а символический удар ничтожен» (Бодрийяр, 2003: 21). Насильственных действий недостаточно для того, чтобы преобразовать капиталистическую систему, тем более на уровне глобального порядка. Вся эта борьба, по мнению Ж. Бодрийяра, включена в глобальный порядок и действует внутри системы как ее часть. Отсюда следует, что единственным выходом является действие внесистемными методами, т. е. «бросить системе такой вызов, на который она не сможет ответить» (Бодрийяр, 2009: 99). В противном случае любое «насилие» система сможет преодолеть, «сама ведя игру» (Бодрийяр, 2003: 21). Проведение процедуры фальсифицируемости концепта «капиталистической стабильности» требует конкретизации истины вне онтологизированных полаганий «вездесущего капитализма». Политологическая эвристика будет иметь место в том случае, если концепт зафиксирует механизмы стабилизации капиталистического порядка при всех возможных политических отклонениях: системных и внесистемных.

С нашей точки зрения, отправным положением теоретической ревизии концепта «капиталистической стабильности» является необходимость учитывать фактор противостояния капиталистическому порядку. В этой связи можно выделить два состояния капиталистического воспроизводства. Квазистабильное – как его описывают М. Хардт и А. Негри – где антикапиталистическая практика, если и есть, то вписывается в поступательное развитие системы. И нестабильное состояние, при котором антикапиталистическая практика становится потенциальной угрозой капиталистическому порядку. Политологическая ревизия неомарксизма в обоих случаях предполагает концептуализацию конкретных политик обеспечения квазистабильного состояния и преодоления нестабильного состояния.

Мы исходим из того же аналитического вопроса, который был поставлен М. Хардтом и А. Негри: как капитализму удастся поддерживать свое стабильное воспроизводство? М. Хардт и А. Негри сделали теоретическую ставку на синергетический принцип неустойчивости. С нашей точки зрения, конкретизация истины концепта «капиталистической стабильности» находится в рамках синергетического *принципа нелинейности*. Принцип нелинейности развития системы означает не сохранение свойства суперпозиции: результат воздействия на систему нескольких внешних сил есть векторная сумма воздействия этих сил. В вопросе суперпозиции нелинейные системы противопоставляются линейным, которые характеризуются: устойчивостью; инвариантностью структуры, несмотря на возможные преобразования; причинностью, которая позволяет предсказывать развитие системы (предопределенностью); прямо пропорциональной зависимостью между воздействием на систему и ее изменением. В нелинейном функционировании результат воздействия на систему не ра-

вен сумме воздействий. В синергетике речь идет о том, что не количество силы определяет результат воздействия, а «согласованность» силы «с собственными тенденциями самоструктурирования нелинейной среды», т.е. о «правильной топологии (пространственная и временная симметрия) этого воздействия» (Князева и Курдюмов, 2001: 167). В синергетическом измерении коренное преобразование капиталистической системы возможно в случае нарушения ее способности к самопостроению (адаптации отклонений), что может быть достигнуто только путем выхода на «линейное» противостояние сторон. Это положение обосновано следующим синергетическим доказательством. Развитие системы возможно благодаря тому, что в «упорядоченном поведении появляются "хаотические" черты», которые обеспечивают устойчивость системы в переходных состояниях и при «хаотическом воздействии среды» (Бранский, 1999: 118). Другими словами, способность системы противодействовать внешнему хаосу возможна лишь при постоянной генерации собственного внутрисистемного хаоса, что возможно только в рамках нелинейных процессов.

Наша гипотеза состоит в том, что в политике современного капитализма имеется элемент нелинейного функционирования. Такой подход в концептуализации капиталистической стабильности может быть отражен в новом концепте – концепте «нелинейной политики капитализма». Суть его в следующем. *Современный капитализм может демонстрировать наибольшую политическую активность в тех ситуациях, которые наименьшим образом угрожают его стабильности и наоборот. Если антикапиталистическая идеология или практика не угрожают воспроизводству капиталистического порядка, то в отношении них применяют политику активного противостояния. Если антикапиталистическая идеология или практика угрожают воспроизводству капиталистического порядка, то в отношении них применяют политику несопротивления.* Глагол «может» в формулировке концепта указывает на то, что мы находимся в рамках «теорий среднего уровня». Именно на этот вид теорий, как наиболее полезный для социальных наук, указывал американский социолог Р. Мертон. С его точки зрения, теории среднего уровня «находятся между общими теориями социальных систем ... и теми подробными четкими описаниями частных случаев, которые совершенно не обобщены»; теории среднего уровня «состоят из ограниченного множества утверждений, из которых логически выводятся и подтверждаются экспериментальным исследованием конкретные гипотезы»; эти теории абстрактны, но «выходят за пределы простого описания или эмпирического обобщения» (Мертон, 2006: 64–65, 99). Мы обнаружили подтверждение концепта «нелинейной политики капитализма» в эмпирическом материале протестного движения «Захвати Уолл-стрит».

Эмпирическая верификация

Эмпирическим материалом, подтверждающим гипотезу нелинейной политики капитализма, является опыт протестного движения «Захвати Уолл-стрит» («Occupy Wall Street»). Источником эмпирии выступает информация с официального сайта движения (occupywallst.org), публикации инициатора движения (редактора журнала «Adbusters» К. Ласно) и аналитические источники по теме (М. Э. Гоулд-Вартовский, М. Диллинхам, Д. Рашкофф, А. Флеминг и др.).

Действия движения гражданского неповиновения «Захвати Уолл-стрит» начались в Нью-Йорке в сентябре 2011 г. и были поддержаны в других городах Австралии, Великобритании, Греции, Израиля, Испании, Канады, Португалии. Требования – структурные изменения в экономике. Методы борьбы – шествия, демонстрации, палаточные лагеря (Gould-Wartofsky, 2015). По мнению политического аналитика А. Флеминга, исходная причина протеста была связана с интернет-агитацией и пропагандой канадского лево-радикального фонда и одноименного журнала «Adbusters». Основная идеологема фонда сводилась к критике «растущего неравенства в богатстве и отсутствия правовых последствий для банкиров, стоящих за недавним глобальным финансовым кризисом» (Fleming, 2011). Политический обозреватель Д. Рашкофф среди причин протестных акций называл «разрушающуюся окружающую среду, трудовые стандарты, жилищную политику, коррупцию в правительстве, практику кредитования Всемирного банка, безработицу, растущее неравенство в благосостоянии» (Rushkoff, 2011). На странице самого фонда «Adbusters» основное требование инициаторов протеста сводилось к лозунгу: «Отделим деньги от политики» (Occupy..., 2011). Основатель фонда К. Ласн пояснял, что сторонников протестных акций «Захвати Уолл-стрит» волнуют проблемы «безработной молодежи, кумовства и лоббизма в политике, корпоративизма, потребительства» и что общее требование протестующих может быть выражено «политическим левым революционным» лозунгом «Мы хотим свергнуть капитализм», а частное (краткосроч-

ное) – «Мы хотим ввести налог Робин Гуда»¹ (Lasn, cited in Eifling, 2016). Несмотря на то, что название движения указывает на фондовые биржи как основную «цель» протестных акций, круг противников движения шире. По мнению политического аналитика М. Диллинхама, сторонников «Захвати Уолл-стрит» объединяло непринятие практики не только фондовых бирж, но и банков, корпораций, а также исполнительной власти США (Dillingham, 2011).

Анализ движения «Захвати Уолл-стрит» во всем многообразии требований протестантов позволяет заключить, что причина акций сводилась к конфликту массы и элит. Речь шла о недовольстве в расхождении экономического достатка и политического влияния, что было отражено в основном лозунге протестного движения «Нас 99%».

Идеологический проигрыш движения «Захвати Уолл-стрит» был связан с тем, что требования протеста вписывались в «политический спектакль»² капитализма. Реформа банковской системы, более справедливое перераспределение доходов, создание новых рабочих мест – все это является структурным требованием «улучшения условий эксплуатации» при капитализме. Даже гипотетическое выполнение требований протестующих не привело бы к преодолению капиталистической формации. В этом и есть основное противоречие воспроизводства современного капитализма: *недовольство атрибутами капиталистического порядка не экстраполируется на недовольство капиталистическим порядком в целом*. Требование изменения капитализма «поверх» капитализма идеологически стабилизирует капиталистический порядок. Во-первых, капитализм легитимируется как восприимчивая к критике система. Во-вторых, капитализм легитимируется как восприимчивый к трансформации порядок. В-третьих, чем больше капитализм критикуется и трансформируется, тем больше «размывается» его исходная идентичность, а тем самым узнаваемость (то, о чем писали М. Хардт и А. Негри). В такой ситуации борьба масс приобретает специфический характер. Борьба с системой внутри системы приводит к тому, что «прогресс осуществляется путем совершенствования цепей» (Маркузе, 2003: 99). Сопrotивление предстает как «революция моды» (Бодрийяр, 2006: 126). Происходит мистификация социально-экономического и политического пространства жизни западного человека. Оно предстает как прерывистое в своем поступательном развитии. Прерывистость формации идеологизируется в поле постоянных публичных конфликтов массы и элиты, а поступательность – в постоянном реформировании капиталистической экономики. Метафорично говоря, мир воспроизводится по формуле: «происходит все что угодно, но не капитализм».

Лозунг «Нас 99%» означает, что «Их 1%». Процентное разделение связано с имущественным расслоением и разницей в доходах (Luhby, 2011). Апеллирование к различным данным, подтверждающим, что «меньшая часть населения Земли, владеет большей частью богатств Земли» типично для социалистической пропаганды. Так и движение «Захвати Уолл-стрит» обращалось в своей аргументации к подобным отчетам Управления Конгресса США по бюджету. Суть в том, что проблематизация темы доходов не приводит к проблематизации темы классовой структуры общества. Гипотетичное «Нас 50 %» означает лишь делокализацию капитала, а не преодоление капиталистических противоречий. Это было подмечено С. Жижekom и выражено в следующих словах, которые мы приведем полностью: «Ну, вот они говорят: «Ах, Уолл-стрит должна работать ради Мэйн-стрит («Главная улица» – собирательный образ типичных улиц проживания представителей среднего класса в США), а не наоборот». Но ведь проблема-то не в этом. Проблема заключается в том, что без Уолл-стрит нет и Мэйн-стрит: все эти банки и система кредитов необходимы для функционирования современной системы ... Мы же должны мыслить более радикально. Поэтому вновь повторяю, что формула «Дайте денег Мэйн-стрит, а не Уолл-стрит» изначально ущербна. Дескать, все эти честные работяги сейчас не могут найти работу и нужно думать над тем, как изменить это. Нужно думать, как изменить сам механизм этого» (Жижек, 2012).

Факт, что недовольство атрибутами капиталистического порядка не экстраполируется на недовольство капиталистической общественно-экономической формацией как преходящей стадией развития человечества, можно объяснить и как «канализацию» протеста. В квазиустойчивом состоянии цель воспроизводства капитализма не в подавлении протеста, а в его приспособлении на благо капиталистического господства. Для структурного воспроизводства капитализма важно не «иметь» протеста, а то, чтобы цели антикапиталистического сопротивления были не антикапиталистические – реально не угрожали капитализму. Подобная ситуация вписывается в марксистский концепт «класс в себе» (Маркс, 1955: 183), однако уточняется в неомарксизме исходя из современных реалий капитализма. С. Жижек описывал ситуацию *пассивного* пролетариата, который на уровне сознания антика-

¹ Речь идет о налоге, предложенном нобелевским лауреатом Дж. Тобиным в 1978 году («налог Тобиана»).

² Подробнее см.: «Автор» «год».

питалистически просвещен, т.е. осознает свои реальные интересы, но, несмотря на это, продолжает участвовать в практиках капиталистического порядка (Жижек, 1999: 40). Мы считаем, что концептуализация С. Жижека применима и для объяснения протестного (*активного*) движения, когда массы осознают свои интересы, включаются в политическое противостояние, но продолжают быть классом лишь по отношению к капиталу, но не для себя.

Мы не можем утверждать, что «ложная проблематизация капитализма» является политической технологией элит. По крайней мере, такое утверждение требует дополнительной фактической обоснованности в рамках «теории заговора». С нашей точки зрения, существует более сложный (нелинейный) механизм генерации целеполагания протестных масс в угоду капиталистическому порядку – постфактумная реакция капиталистического порядка на протестное движение «Захвати Уолл-стрит».

Точка зрения, что требования движения «Захвати Уолл-стрит» являются внутрикапиталистическими, не выдерживает, на первый взгляд, проверки следующим эмпирическим фактом: жестким подавлением протестного движения. Так, только в Нью-Йорке было 2 644 арестованных (Morrison, по date). Если практика «Захвати Уолл-стрит» вписывается в политику допустимой дестабилизации порядка с косвенным поддержанием воспроизводства капитализма, то действия власти по подавлению протеста не оправданы. Однако в этом парадоксе и раскрывается суть «нелинейной политики». Наш тезис о том, что современный капитализм демонстрирует наибольшую силу в тех ситуациях, которые наименьшим образом угрожают стабильности капитализма, раскрывается следующим образом. Силы сопротивления, изначально идеологизированные ложными представлениями об истинных противоречиях капиталистического порядка и неактуальными представлениями о тактике политической борьбы, наталкиваются на жесткое сопротивление порядка, которому эти представления и практики не угрожают. Жесткое сопротивление протестам не есть способ их насильственного преодоления, а есть скрытый способ дополнительной легитимации в сознании и укоренения в практике протестующих неэффективных форм борьбы. Необходимо заложить в сознание протестующих установку: «Раз порядок активно сопротивляется, значит, мы действуем в нужном направлении». Тем самым протест «канализируется» в адаптивное для капитализма русло, что и предотвращает реально угрожающие капитализму практики.

Практика «Захвати Уолл-стрит» была не актуальна капитализму XXI в.; она отражала логику протестной борьбы времен К. Маркса. Захватить Уолл-стрит – захватить офисы финансового капитала, которые по своему структурному значению несравнимы со средствами производства (предприятиями) капитализма XIX в. Поэтому здесь мы не согласны с Ж. Бодрийяром в его интерпретации современного антикапиталистического протестного движения как политически значимого, но символически ничтожного. Наоборот, если понимать символичное как образное, то любые практики протестного движения легитимируют образ капитализма как реагирующую на интересы масс систему. Политическое же значение таких практик – значение для властной конфигурации в обществе – как раз-таки ничтожно, ибо никак не влияет на структуру капиталистических отношений.

В подтверждение второй части нашего концепта – современный капитализм демонстрирует наименьшую силу в тех ситуациях, которые наибольшим образом угрожают стабильности капитализма – приведем еще один факт. Движение «Захвати Уолл-стрит» было многоплановым: одно из его проявлений – призыв к закрытию банковских счетов. Этот призыв получил в 2011 г. название «День банковского перевода» («Bank Transfer Day»), что связано с конкретной датой совместной гражданской акции – 5 ноября 2011 г. «День банковского перевода» интересен в двух моментах. Во-первых, суть этой акции подтверждает неполную включенность движения «Захвати Уолл-стрит» в капиталистический порядок. Дело в том, что «День банковского перевода» предполагал добровольный переход от коммерческих банков к некоммерческим кредитным союзам. Во-вторых, примечательна реакция капиталистической системы – отсутствие каких-либо препятствующих действий.

Кредитный союз – это общественная практика экономической самоорганизации людей. В идеологическом пространстве (дискурсивном пространстве) этот призыв акции «День банковского перевода» воспринимался массами именно как «закрытие банковских счетов». На интернет-странице акции отмечалось: «Вместе мы можем гарантировать, что банковские учреждения всегда будут помнить 5 ноября!» (cited in Thompson, 2011). В этой ситуации активное сопротивление капиталистической системы обернулось бы убежденностью масс в правильности их действий по переводу денежных средств в некоммерческие кредитные союзы, т.е. в продуктивности тактики по подрыву капиталистической системы мирными (легальными) способами. Отметим, что подобный «промах» в истории противостояния движению «Захвати Уолл-стрит» был: 15 октября 2011 г. большая группа нью-

йоркских демонстрантов предприняла попытку закрыть свои счета в банке «Citibank», что закончилось вызовом полиции и арестом протестующих. Этот инцидент вызвал широкую общественную реакцию и призыв закончить начатое. Капиталистическая система нивелировала угрозу уничтожения банковской системы – несопротивлением. Как примечательно отмечалось в тогдашнем обзоре ситуации газетой «New York Post», «банки рассчитывают на неудобства», с которыми столкнутся их клиенты при переводе денежных средств (Credit unions..., 2011).

Заключение и выводы

Мы пересмотрели неомарксистский концепт «капиталистической стабильности» М. Хардта и А. Негри на предмет соответствия эвристике теоретических построений. Результатом нашей политологической ревизии является углубленная концептуализация процесса стабильного воспроизводства капиталистического порядка в рамках концепта «нелинейной политики капитализма». Этот концепт был верифицирован на эмпирическом материале протестного движения «Захвати Уолл-стрит». Основное положение концепта «нелинейной политики капитализма» в том, что современный капитализм может демонстрировать наибольшую политическую активность в тех ситуациях, которые наименьшим образом угрожают его стабильности и наоборот. Концепт предлагает альтернативное видение причин капиталистической стабильности, нежели доминирующее в литературе аналитическое апеллирование к особенностям организации массовых движений в условиях интернет-сетей (We..., 2012).

Практическое значение концепта заключается в обосновании нелинейного варианта капиталистической политики, что уменьшает поле аналитической неопределенности при познании метаморфоз современного капитализма. Концепт «нелинейной политики капитализма» дает возможность «обратной» логики политического исследования: анализ капитализма в нестабильном состоянии может фокусироваться не на «местах реакции» системы на дестабилизирующие практики, а на «местах ее молчания». Такой подход – это способ выявления основных структур воспроизводства современного капитализма.

Список литературы / References

- Аршинов, В. И. и Войцехович, В. Э. (2000) 'Синергетическое знание: между сетью и принципами' в: *Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов*. Москва: Прогресс-традиция, сс. 105–120. [Arshinov, V. I. and Voitsekhovich, V. E. (2000) 'Synergetic knowledge: between the network and the principles' [Synergeticheskoe znanie: mezhdru set'yu i printsipami] in: *Synergistic paradigm. Diversity of searches and approaches* [Synergeticheskaya paradigma. Mnogoobrazie poiskov i podkhodov]. Moscow: Progress-traditsiya, pp. 105–120. (In Russ.)].
- Бодрийяр, Ж. (2003) 'Насилие глобализации', *Логос*, 1, сс. 20–23. [Baudrillard, J. (2003) 'The violence of globalization' [Nasilie globalizatsii], *Logos*, 1, pp. 20–23. (In Russ.)].
- Бодрийяр, Ж. (2006) *Общество потребления. Его мифы и структура*. Москва: Культурная революция. [Baudrillard, J. (2006) *The consumer society. Myths and structures* [Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktura]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russ.)].
- Бодрийяр, Ж. (2009) *Символический обмен и смерть*. Москва: Добросвет. [Baudrillard, J. (2009) *Symbolic exchange and death* [Simvolicheskii obmen i smert']. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)].
- Бранский, В. П. (1999) 'Социальная синергетика как постмодернистская философия истории', *Общественные науки и современность*, 6, сс. 117–127. [Bransky, V. P. (1999) 'Social synergetics as a postmodern philosophy of history' [Sotsial'naya sinergetika kak postmodernistskaya filosofiya istorii], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 6, pp. 117–127. (In Russ.)].
- Жижек, С. (2003) *13 опытов о Ленине*. Москва: Маргинен. [Žižek, S. (2003) *13 experiments on Lenin* [13 opytov o Lenine]. Moscow: Marginen. (In Russ.)].
- Жижек, С. (1999) *Возвышенный объект идеологии*. Москва: Художественный журнал. [Žižek, S. (1999) *The sublime object of ideology* [Vozvyshennyi ob'ekt ideologii]. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal. (In Russ.)].

- Жижек, С. (2012) 'Нам пора мыслить', *Лива* [электронное издание]. URL: <https://liva.com.ua/zizek-science.html> (дата обращения: 12.02.2021). [Žižek, S. (2012) 'It's time for us to think' [Nam pora myslit'], *Liva*. [online]. Available at: URL: <https://liva.com.ua/zizek-science.html> (Accessed: 12th February 2021). (In Russ.)].
- Князева, Е. Н. и Курдюмов, С. П. (2010) *Основания синергетики. Синергетическое мировидение*. Москва: URSS, Libroком. [Knyazeva, E. N. and Kurdyumov, S. P. (2010) *Fundamentals of Synergetics. Synergetic worldview* [Osnovaniya sinergetiki. Sinergeticheskoe mirovidenie]. Moscow: URSS, Librokom. (In Russ.)].
- Маркс, К. (1955) 'Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона' в: Маркс, К. и Энгельс, Ф. *Сочинения*. Москва: Государственное издательство политической литературы, сс. 65–185. [Marx, K. (1955) 'The Poverty of Philosophy. Reply to M. Proudhon's "Philosophy of Poverty" [Nishcheta filosofii. Otvet na «Filosofiyu nishchety» g-na Prudona] in: Marx, K. and Engels, F. *Essays* [Sochineniya]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 65–185. (In Russ.)].
- Маркузе, Г. (2003) *Эрос и цивилизация*. Москва: АСТ. [Marcuse, H. (2003) *Eros and civilization* [Eros i tsivilizatsiya]. Moscow: AST. (In Russ.)].
- Мертон, Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура*. Москва: Хранитель. [Merton, R. (2006) *Social theory and social structure* [Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura]. Moscow: Khranitel'. (In Russ.)].
- Поппер, К. (2005) *Логика научного исследования*. Москва: Республика. [Popper, K. (2005) *The Logic of Scientific Research* [Logika nauchnogo issledovaniya]. Moscow: Respublika. (In Russ.)].
- Пригожин, И. (2001) *Введение в термодинамику необратимых процессов*. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». [Prigozhin, I. (2001) *Introduction to the thermodynamics of irreversible processes* [Vvedenie v termodinamiku neobratimyykh protsessov]. Izhevsk: NITs «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika». (In Russ.)].
- Филиппов, А. Ф. (2004) 'Империя и глобализация – критика слева' в: Миллер, И. А. (ред.) *Политическая наука: Современные империи*. Москва: ИНИОН, сс. 12–30. [Filippov, A. F. (2004) 'Empire and Globalization - criticism from the left' [Imperiya i globalizatsiya – kritika sleva] in: Miller, I. A. (eds.) *Political Science: Modern Empires* [Politicheskaya nauka: Sovremennye imperii]. Moscow: INION, pp. 12–30. (In Russ.)].
- Хардт, М. и Негри, А. (2004) *Империя*. Москва: Праксис. [Hardt, M. and Negri, A. (2004) *Empire* [Imperiya]. Moscow: Praxis. (In Russ.)].
- 'Credit unions boom' (2011), *New York Post* [online]. Available at: <https://nypost.com/2011/10/16/credit-unions-boom> (Accessed: 15 February 2021).
- Dillingham, M. (2011) 'Top 5 targets of Occupy Wall Street', *The Christian Science Monitor* [online]. Available at: URL: <https://www.csmonitor.com/USA/2011/1024/Top-5-targets-of-Occupy-Wall-Street/Wall-Street-obviously> (Accessed: 15 May 2021).
- Gould-Wartofsky, M. A. (2015) *The occupiers: the making of the 99 percent movement*. New York: Oxford University Press.
- Eifling, S. (2011) 'Adbusters' Kalle Lasn talks about Occupy Wall Street', *The Tye* [online]. Available at: <https://thetyee.ca/News/2011/10/07/Kalle-Lasn-Occupy-Wall-Street/> (Accessed: 15 May 2021).
- Fleming, A. (2011) 'Adbusters sparks Wall Street protest. Vancouver-based activists behind street actions in the U.S.', *WebCite* [online]. Available at: <https://www.webcitation.org/6A1bOo25w>. URL: <http://www.vancourier.com/Adbusters+sparks+Wall+Street+protest/5466332/story.html> (Accessed: 15 May 2021).
- Luhby, T. (2011) 'Who are the 1 percent?', *CNN Money* [online]. Available at: https://money.cnn.com/2011/10/20/news/economy/occupy_wall_street_income/index.htm (Accessed: 15 May 2021).
- Morrison, A. 'Occupy Wall Street Anniversary: Police crackdown on movement cost New York \$1.5 million over 4 years', *International Business Times* [online]. Available at: <https://www.ibtimes.com/occupy-wall-street-anniversary-police-crackdown-movement-cost-new-york-15-million-2102266> (Accessed: 15 May 2021).

- 'Occupy Wall Street' (2011), *WebCite* [online]. Available at: <https://www.webcitation.org/63DZ1nIDI?> <http://www.adbusters.org/blogs/adbusters-blog/occupy-wallstreet.html> (Accessed: 15 May 2021).
- Rushkoff, D. (2011) 'Think Occupy Wall St. is a phase? You don't get it', *CNN* [online]. Available at: <https://edition.cnn.com/2011/10/05/opinion/rushkoff-occupy-wall-street/index.html> (Accessed: 15 May 2021).
- Thompson, C. (2011) 'Occupy Wall Street backs a nationwide boycott against banks', *CNBC* [online]. Available at: <https://www.cnbc.com/id/44800021> (Accessed: 15 May 2021).
- 'We are many: Reflections on movement strategy from occupation to liberation' (2012), Khatib K. and et al (ed.). USA: AK Press.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 03.06.2021

Статья принята к печати: 30.06.2021

REVISION OF NEO-MARXISM: THE CONCEPT OF CAPITALIST STABILITY AS EXEMPLIFIED BY THE "OCCUPY WALL STREET" MOVEMENT

V. S. Mihailovskiy

V. S. *Mihailovskiy*, Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State University, Belarus, Minsk.
E-mail: vadim2010minsk@mail.ru (ORCID: 0000-0002-6988-2473).

Abstract

The article substantiates the author's concept of "nonlinear politics of capitalism" as a political-procedural disclosure of the neo-Marxist concept of "unstable stability of global capitalism". The method of justification is the verification of the concept of "nonlinear politics of capitalism" by the empirical material of the anti-globalist protest movement "Occupy Wall Street". The essence of the concept of the "nonlinear politics of capitalism" is that the modern political order of Western states not only opposes alternative ideologies and political practices, but also uses them as a way of its own legitimization and stabilization. The study reveals that in the modern Western capitalist order there is a mystification of capitalism in the multidimensional spectrum of social conflict, where the class contradiction appears as an archaism. There is a reinforcement of anti-capitalist resistance within a model in which all anti-capitalist slogans and demands fit into the ideology of "improving the conditions of exploitation", and anti-capitalist practices legitimize capitalism as an "inclusive" political regime. There is a nonlinear political reaction when capitalism shows the greatest strength in those situations that threaten its reproduction the least and vice versa. Such political tactics "channel" anti-capitalist protest, making it manageable and functional for the stable reproduction of capitalism.

Keywords: Neo-Marxism; capitalism; Occupy Wall Street; anti-capitalist struggle; principle of non-linearity; principle of instability.

Политические институты, процессы, технологии

УДК-32.019.51

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-24-39

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРА
В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Д. И. Каминченко

Каминченко Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: Ert1fg2@rambler.ru (ORCID: 0000-0002-3193-3423).

Аннотация

Работа посвящена изучению имиджа регионального лидера в современном политико-коммуникативном пространстве Интернета. Проводится анализ основных имиджево-ролевых конструктов, используемых главой одного из субъектов Российской Федерации на интернет-платформе Instagram. Вводится определение понятия «имиджево-ролевой конструкт». Теоретический базис исследования составляет теория информационного общества и концепт сетевой идентичности. В качестве основных прикладных методов анализа использованы качественно-количественный контент-анализ и сравнительный анализ. Информационный массив исследования составили записи губернатора Нижегородской области, размещенные на его официальной интернет-странице в Instagram, в период с 25 декабря 2019 г. по 7 октября 2020 г. Результаты исследования позволили установить, что, чаще остальных, в сообщениях главы региона отражены такие имиджево-ролевые конструкты, как «организатор» и «кризисный менеджер». Наивысший интерес аудитории вызвали записи, где проявляются такие имиджево-ролевые конструкты, как «кризисный менеджер», «строитель», «хозяйственник» и «человек, знающий и чтущий историю страны/города». На основе проведенного исследования сформулированы практические рекомендации, касающиеся возможности усиления поддержки главы региона с помощью более частого использования сообщений, в которых должны найти своё отражение конкретные имиджево-ролевые конструкты.

Ключевые слова: политическая коммуникация; политический имидж; имиджево-ролевой конструкт; информационное общество; Интернет; сетевая идентичность; социальные медиа.

Введение

Современное политико-коммуникативное пространство претерпевает существенные изменения в условиях цифровизации общества, как на акторно-деятельностном, так и на знаково-символическом уровнях. В частности, содержательно-смысловые конструкты, наполняющие образ и имидж субъекта политики в условиях сетевизации общественного и индивидуального сознания приобретают черты гетерархии и децентрализации, политематичности и мозаичности, в них присутствуют как фактические проявления прямого участия в решении значимых для общества вопросов, так и запрос на подобное участие. В этой связи, крайне актуальными становятся вопросы, связанные с конкретными содержательно-имиджевыми ролями, используемыми политическими лидерами в сетевом коммуникативном поле, выявление среди подобных ролей наиболее успешных (вызывающих соответствующую общественную реакцию) и их анализ. На изучение конкретных имиджево-ролевых конструктов, используемых одним из политических лидеров в интернет-пространстве, и направлена данная работа.

Теоретические основания

Вопросам изучения политического имиджа (Шелекасова, 2000; Селиверстова, 2011; Нейматова, 2011; Токалов, 2013; Демочко, 2014; Курманина, 2017; Синеокая, 2017; Головченко, 2018; Канюков, 2018; Ленец и Сергеева, 2018; Василенко и Дебольская, 2020) и близкому данному направлению – теме образа в общественном и политическом сознании (Дурдин, 2000; Тарасов, 2007; Букреева, 2011; Пищева, 2011; Палитай, 2018; Зарубина и Носкова, 2019; Иванов и Иванова, 2019; Шестопад, Вагина и Пасс, 2019; Вилков, 2020) – в научном сообществе уделено немало внимания.

В целом ряде научных работ приводится определение понятия «имидж». Т. Н. Пищева пишет о том, что имиджем обычно принято обозначать «специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (власти, партии, страны и т.д.)» (Пищева, 2011: 47). По мнению О.Ю. Шмелевой, имидж целесообразно «интерпретировать как технологический конструкт, подверженную воздействию внешних социальных механизмов систему ценностей и представлений» (Шмелева, 2017: 25). Как замечает Н.А. Синеокая, имидж политика представляет собой «совокупность его образов как личности и профессионала» (Синеокая, 2017: 236). Развернутое определение имиджа в одной из своих работ предлагают В. А. Ачкасова и К. В. Корнеева. Они рассматривают имидж как «целостный, качественно определенный образ органов государственной власти, который устойчив и воспроизводится в массовом сознании в виде совокупности свойств и черт, качеств представителей органов власти, взятых в единстве политических, мировоззренческих, нравственных, психологических, биографических и внешних качеств, определяемых предпочтениями населения» (Ачкасова и Корнеева, 2017: 160).

В дефинициях, используемых в научных текстах, нередко внимание сосредоточено на двух ключевых компонентах образа: искусственный (конструируется самим политиком и его командой) и реальный (является отражением личностных и деловых качеств политика). Безусловно, искусственная компонента является зачастую преобладающей частью содержания имиджа политика, но при этом важнейшую роль играет и реальная компонента, так как построение эффективного и при этом полностью искусственного имиджа политика представляется крайне затруднительной задачей. Реальная компонента содержания имиджа политика нередко находит более глубинное отражение в сознании индивидов и групп, и эффект от естественного применения частей данной компоненты подчас определяет уровень поддержки и электоральный рейтинг кандидата.

Вопрос о ключевых составляющих имиджа политика, как и вопрос о наиболее точной дефиниции данного понятия, вызывает немалый интерес среди ученых. Н. А. Синеокая среди основных составляющих имиджа выделяет личностную, деятельностную и социальную составляющие, а также – «тесный контакт с современными электронными СМИ» (Синеокая, 2017: 237–238). Важнейшими компонентами современного имиджа лидера в интернет-пространстве являются деятельностно-акторные (связанные с конкретными действиями политика) и знаково-символические (связанные с содержательно-смысловыми чертами, транслируемыми аудитории в рамках имиджа) группы элементов. Если первая группа компонентов включает в себя, среди прочего, часто используемые (и демонстрируемые интернет-аудитории) поведенческие практики лидера, то вторая группа компонентов связана с набором символических очертаний и образов, которые могут сформироваться в сознании общества под влиянием политической активности лидера в сетевом информационно-коммуникативном поле. На наш взгляд, вторая группа компонентов ориентирована на более глубокие пласты общественного и политического сознания индивида и обладает большим влиянием на поведенческие интенции аудитории.

Немалый научно-исследовательский интерес вызывают и другие вопросы формирования и функционирования имиджа политика. С. А. Василенко и А. А. Дебольская выделяют группу факторов, оказывающих влияние на формирование политического имиджа, среди которых: историко-культурологический, политический и социально-психологический факторы (Василенко, Дебольская, 2020: 35). Стратегические и тактические аспекты формирования имиджа на примере предвыборных материалов избирательной кампании Д. Трампа на президентских выборах в США рассматривают А. В. Ленец и Д. С. Сергеева. Они выделяют основные стратегии и тактики, которые применялись Д. Трампом в системе микроблогов Twitter в ходе избирательной кампании 2016 г.

Учеными анализируются имиджи не только политиков федерального (Селиверстова, 2011; Белинский, 2012), но и регионального уровней (Курманина, 2017; Канюков, 2018). В частности, А. Н. Канюков в одном из своих исследований провел анализ влияния структур убеждающего воздействия на формирование имиджа депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга и пришел к

выводу, что «подавляющее большинство депутатов использует рациональный дискурс для формирования доверия и завоевания власти» (Канюков, 2018: 143).

Отдельное внимание в науке сфокусировано на роли средств массовой информации и особенно – Интернета – в конструировании политического имиджа. Ученые отмечают, что Интернет содержит в себе качественные инструменты для оценки эффективности процесса формирования имиджа политика и политических партий (Синеокая, 2017: 239). Как пишет А. Я. Нейматова, «политтехнологи и специалисты по связям с общественностью активно используют все возможности этого ресурса, порой полностью переключая свое внимание именно на интернет-пространство, видя его как будущее всех коммуникаций» (Нейматова, 2011: 274).

Важнейшее место в конструировании политического имиджа в Интернет-пространстве занимают современные платформы поддержки социальных медиа (ВКонтакте, Instagram, Facebook и др.), что находит своё отражение в активном изучении обозначенной проблематики в научном сообществе. Например, в одной из своих недавних работ О. Г. Филатова анализирует коммуникационную активность региональных лидеров субъектов Российской Федерации в социальных медиа и предлагает набор конкретных рекомендаций по увеличению показателей вовлеченности аудитории (российского общества) в коммуникативные взаимодействия с представителями власти в сетевом публичном поле (Филатова, 2020а: 14). Кроме того, ею предлагается релевантная авторская методика расчета «индекса информационной активности» и «коэффициента вовлеченности аудитории». Причем, как показали результаты проведенного ею трендового исследования, «уровень информационной активности не совпадает с уровнем вовлеченности аудитории» (Филатова, 2020б: 34).

В прикладном отношении сегодня набирает популярность такое направление обеспечения политической деятельности, как продвижение политических субъектов в социальных медиа (политический SMM (political social media marketing)). Данное направление деятельности опирается на складывающуюся систему знания в области продвижения в социальных медиа в целом (social media marketing – SMM). Анализ особенностей и инструментов продвижения в социальных медиа является объектом целого ряда исследований (Ачкасова, Быков и Кузьмина, 2017; Быков, 2017; Быкова, 2015 и др.).

Отдельные типы и черты политического имиджа рассматриваются в работах Н. П. Шелекасовой (Шелекасова, 2000), А. В. Головченко (Головченко, 2018), С. В. Демочки (Демочки, 2014). Особо отметим и наличие обзорных трудов, где анализируется сложившаяся система знаний о политическом имидже. А. С. Толкалов обращает внимание на то, что по сравнению с зарубежными исследованиями сущности феномена имиджа (где в процессе его рассмотрения имидж сформировалось как минимум три ключевых направления научной рефлексии), в российской гуманитарной науке сформировался подход, согласно которому «имидж представляет собой некую конструкцию, наделяющую своего носителя определенным набором качеств, изначально ему не присущих, с целью повышения его привлекательности в глазах окружающих» (Толкалов, 2013: 74). Впрочем, как отмечает ученый, данное определение составляет основу современных российских исследований, но каждый из отечественных ученых по-своему дополняет обозначенную дефиницию (особенно в плане соотношения искусственных и естественных компонентов содержания имиджа между собой).

В данной работе мы постараемся проанализировать и деятельностно-акторные, и знаково-символические компоненты содержания имиджа регионального лидера (главы одного из субъектов Российской Федерации), проявляющихся в политико-коммуникативном пространстве Интернета (на популярной платформе поддержки социальных сетей Instagram). Данная интернет-платформа выбрана в качестве объекта изучения неслучайно. По данным, приведенным в исследовании О. Г. Филатовой, именно Instagram является самой популярной интернет-платформой социальных медиа среди глав субъектов РФ (Филатова, 2020б: 32). Основное внимание в работе сфокусировано на содержании видео-, фото- и текстовых записей главы одного из российских регионов на его официальной странице в Instagram. Ключевая смысловая единица анализа в данной работе – имиджево-ролевой конструкт. Под ним подразумевается обобщенная совокупность содержательно-смысловых компонентов и символов, с помощью которых демонстрируется позиция и действия лидера в отношении целого ряда вопросов различной функционально-тематической направленности. Специфика изучаемого объекта исследования (интернет-платформы Instagram) позволяет проводить логико-интуитивный качественный анализ фото-, видео- и текстового массива данных и выявлять наличие определенных имиджево-ролевых конструктов, применяемых лидером в коммуникативном поле выбранной интернет-площадки. Основное внимание при выполнении подобного анализа

необходимо уделить тем функционально-ролевым характеристикам, которые воплощены в имидже лидера и проявляются в том или ином сообщении в Instagram.

В завершение обзора литературы необходимо обратить внимание на то, что в научном сообществе по-прежнему крайне мало внимания уделено изучению политической роли набирающей популярность интернет-платформы Instagram. В русскоязычной научной литературе необходимо выделить уже приведенные выше работы О. Г. Филатовой (Филатова, 2020a; Филатова, 2020b), а в зарубежной – исследования С. Дж. Тёрнболл-Дугарте (Turnbull-Dugarte, 2019), А. О. Ларссона (Larsson, 2017), Дж. Пармли и Н. Роман (Parmelee, Roman, 2019) и др.

Один из основных научно-исследовательских вопросов, на котором фокусируется внимание в работе Дж. Пармли и Н. Роман, – это вопрос о том, что побуждает пользователей Instagram подписываться на интернет-страницы политических лидеров (Parmelee, Roman, 2019: 3). По итогам проведенного ими исследования выявлено, что основополагающим мотивом, побуждающим пользователя данной интернет-платформы подписаться на публичную страницу политического лидера в Instagram, является поиск информации/инструкции(рекомендации, совета), которые позволили бы индивиду глубже понять тот или иной вопрос, быть в курсе информационной повестки дня, найти больше сведений о политическом лидере, а также – поиск информации, которая может помочь индивиду определиться с тем, как ему/ей голосовать на выборах (Parmelee, Roman, 2019: 3). Необходимо отметить, что, чаще всего в современных зарубежных политологических исследованиях, посвященных политической роли Instagram, изучаются, прежде всего, различные аспекты использования обозначенной интернет-платформы в ходе избирательных кампаний (Turnbull-Dugarte, 2019; Larsson, 2017). Анализ же использования Instagram региональными лидерами в их текущей деятельности ещё не отведено достаточного объема внимания со стороны исследователей. Данная работа нацелена на восполнение обозначенного пробела.

Методология

Концептуальную основу исследования составляет теория информационного общества, концентрирующая основное внимание на вопросах применения информационных технологий для «решения организационных проблем в рамках отдельных политических процессов, например, в ходе организации и проведения выборов» (Современная политическая наука, 2020: 747). Вместе с тем, современные платформы поддержки социальных сетей (такие например, как Вконтакте, Facebook, Instagram и др.) активно используются не только в ходе избирательных кампаний, но и в текущей деятельности политиков как федерального, так и регионального уровня. Многие руководители субъектов РФ с помощью подобных интернет-платформ осуществляют взаимодействие с обществом, рассказывая в них о своей деятельности и принимаемых решениях, мобилизуя представителей общества на решение общественно значимых задач, и отвечая на поступающие от пользователей социальных медиа вопросы (повышая тем самым качество обратной связи в диалоге с обществом).

В основе данной работы находится набирающий сегодня популярность концепт сетевой идентичности. Сетевая идентичность представляет собой «отождествление человеком (Интернет-пользователем) себя с той или иной группой, созданной в сети; виртуальная самопрезентация» (Фадеева, 2017: 535). Сетевая идентичность «как формируемый в политико-коммуникативном пространстве Интернета символично-смысловой конструкт воплощает в себе черты, присущие сети как структурному принципу организации» (Каминченко, 2019: 91–92). Для политико-коммуникативного поля интернет-пространства характерно не только наличие сетевой идентичности (с её ключевыми детерминантами, среди которых следует выделить гетерархию и децентрализацию, ситуативность и мозаичность её знаково-символического содержания) как таковой, но и сетевизацию уже существующих идентичностей, когда их логико-смысловое содержание наполняется сетевыми чертами. Своё проявление обозначенные процессы сетевизации сознания находят в особенностях взаимодействия политических акторов и общества в современном пространстве интернет-коммуникаций.

Основной эмпирический метод, используемый в исследовании – качественно-количественный тип контент-анализа. Качественный анализ текстового, видео- и фотоконтента позволит установить, какие имиджево-ролевые конструкты используются региональным лидером и его сторонниками. Количественный анализ необходим для определения того, какие имиджево-ролевые конструкты применяются лидером и его командой наиболее активно, а также – какие из этих конструктов вызывают наибольший интерес среди аудитории пользователей социальных медиа и наивысший

уровень поддержки со стороны общества. Для выполнения поставленных задач в рамках количественного анализа используются доступные метрики социальных медиа (такие, как количество комментариев и «лайков»).

Смысловой единицей аналитического наблюдения при проведении контент-анализа стал тематический имиджево-ролевой конструкт, а единицей счета – сообщения, размещаемые региональным лидером на интернет-платформе Instagram. Информационный массив составили записи, размещенные на официальной странице губернатора Нижегородской области Г. С. Никитина¹ на данной интернет-платформе в период с 25 декабря 2019 г. (начальная дата публикации сообщений на изучаемой странице) по 7 октября 2020 г. Процесс наблюдения за ключевыми индикаторами осуществлялся в октябре 2020 г., поэтому данные по основным метрикам официальной Instagram-страницы приводятся именно на момент начала октября 2020 г.

Instagram-страница главы Нижегородской области в качестве объекта исследования выбрана неслучайно. По данным «Центра политической конъюнктуры»², опубликованным в мае 2021 г., в рейтинге интернет-страниц глав российских регионов в Instagram (построенном на основе 6 критериев, среди которых: число подписчиков, количество лайков, комментариев, показатель вовлеченности, разнообразие хештегов и функциональность (использование разных форматов представления информации: фотографии, видео и т.д.)). Интернет-страница Г. С. Никитина занимает четвертое место. Более того, интернет-страница губернатора возглавляет рейтинг Instagram-страниц глав регионов по среднему количеству лайков и по среднему количеству комментариев (причем, по данному показателю Instagram-страница главы области существенно опережает аналогичные показатели Instagram-страниц остальных руководителей областей, представленных на рассматриваемой интернет-платформе)³. В данном случае оба показателя, взятые в совокупности, на наш взгляд, свидетельствуют, в первую очередь, о высоком уровне интереса к материалам Instagram-страницы среди аудитории указанной интернет-платформы и о степени одобрения их содержания.

Кроме того, пользователи Instagram нередко обращаются к губернатору со своими вопросами, содержание которых может не совпадать с изначальной темой самой записи. Например, сообщение, размещенное 30 января 2020 г., посвящено рабочей встрече губернатора с министром экономического развития Правительства РФ, а один из комментариев пользователей, оставленных под указанной записью, затрагивает тему вырубке деревьев в городском парке с призывом к главе области обратить внимание на этот вопрос, содержащее параллельно и оценку деятельности представителей законодательной ветви власти⁴. В содержании этого обращения, по нашему мнению, проявляется одна из детерминант сетевой идентичности, связанная с готовностью человека напрямую участвовать в решении общественно значимого вопроса (Каминченко, 2020: 102). В результате, Instagram-страница Г. С. Никитина в целом представляет собой один из ярких примеров эффективно используемого инструмента публичного позиционирования регионального лидера в политико-коммуникативном интернет-пространстве, что обусловило выбор информационного массива, представленного на этом интернет-канале, в качестве объекта исследования.

Применительно к методологии исследования отметим, что дополнением к методу контент-анализа выступает сравнительный анализ, позволяющий сопоставить между собой как наиболее часто используемые имиджево-ролевые конструкты, так и те конструкты, которые вызывают наибольший отклик со стороны общества.

Результаты

Всего, в течение обозначенного периода мониторинга, было проанализировано 255 записей, размещенных на официальной странице Г.С. Никитина в Instagram. В день на интернет-странице появлялось от 1 до 5 записей. Если статистически анализировать только те дни, когда были размещены какие-либо сообщения (всего – 171 день), то в среднем Г.С. Никитиным публиковались по 1,5 сообщения в день, медианное значение равно 1.

Тематически публикуемые губернатором сообщения представляют собой целый ряд различных направлений: рассказ о текущей деятельности на должности губернатора Нижегородской

¹ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/gsnikitin/> (дата обращения: 04.04.2021).

² Официальная страница «Центра политической конъюнктуры». URL: <https://cpkr.ru/> (дата обращения: 06.07.2021).

³ Официальная страница «Центра политической конъюнктуры». URL: <https://cpkr.ru/> (дата обращения: 06.07.2021).

⁴ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B79R9xYJSA4/> (дата обращения: 08.06.2021).

области (например, о проходящих официальных встречах и переговорах¹), обращения к гражданам региона с просьбой принять участие в значимых для общества проектах², отклик на поступающие общественные обращения³, праздничные поздравления⁴ и историко-культурные сообщения⁵, а также – записи на спортивную тематику⁶ и другие.

Проведя качественный анализ выбранного информационного массива, установили перечень имиджево-ролевых конструктов, представленных в изученных сообщениях, (отметим, что в одном подобном сообщении могло быть отражено сразу несколько выявленных имиджево-ролевых конструктов), среди которых:

- 1 «Организатор» (например, этот имиджево-ролевой конструкт отражен в записи, посвященной призыву к жителям области проголосовать за Нижний Новгород во всероссийском проекте «Культурный код»⁷);
- 2 «Кризисный менеджер» (записи, посвященные мерам по борьбе с распространением коронавирусной инфекции⁸);
- 3 «Командный игрок» (сообщения, в которых губернатор взаимодействует с представителями органов федеральной исполнительной власти⁹ и главами субъектов Федерации¹⁰);
- 4 «Болельщик» (сообщения о выступлениях местных спортивных команд¹¹);
- 5 «Открытый лидер, слышащий общество» (например, в записи от 19 февраля 2020 г. губернатор рассказал подписчикам о встрече с общественными активистами по вопросу благоустройства и реконструкции крупнейшего в городе парка «Швейцария»¹²);
- 6 «Хозяйственник» (например, в сообщении, опубликованном на странице главы региона 12 марта 2020 г., рассказывается о выделении финансовых средств на ремонт и модернизацию объектов здравоохранения, причем в галерее фото размещаются фотоизображения текущего состояния данных объектов¹³);
- 7 «Человек, знающий и чтущий историю страны/города» (в частности, одно из сообщений главы региона посвящено описанию принципов работы Николая Баранова, служившего губернатором в Нижегородской губернии в 1892 г.¹⁴);
- 8 «Строитель» (например, в одной из записей нижегородский губернатор объявляет о запуске строительства дорожной развязки в Нижнем Новгороде¹⁵);

¹ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: https://www.instagram.com/p/B7_aPmDpQfT/; URL: <https://www.instagram.com/p/CDNvliAJmh1/>; URL: <https://www.instagram.com/p/B7-3-pgJiys/> и т.д. (дата обращения: 04.04.2021).

² Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B7-TOBPJTY1/>; URL: <https://www.instagram.com/p/B8GCgvBJdlm/>; URL: <https://www.instagram.com/p/CBiH6SHJRFF/> и т.д. (дата обращения: 04.04.2021).

³ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B8v-qOUp-Yd/>; URL: <https://www.instagram.com/p/B8YcCK6pHDT/> и т.д. (дата обращения: 04.04.2021).

⁴ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: https://www.instagram.com/p/B_9MTPITMG/ (дата обращения: 04.04.2021).

⁵ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B-wgSjypSJZ/>; URL: <https://www.instagram.com/p/B9q0SybJtkC/> (дата обращения: 04.04.2021).

⁶ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B8BGTTCJR5q/> (дата обращения: 04.04.2021).

⁷ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: https://www.instagram.com/p/B8_fpcJ1Bx/ (дата обращения: 04.04.2021).

⁸ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B-Xr6TXpCR9/> (дата обращения: 04.04.2021).

⁹ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: https://www.instagram.com/p/B7_aPmDpQfT/ (дата обращения: 04.04.2021).

¹⁰ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/CDNvliAJmh1/> (дата обращения: 04.04.2021).

¹¹ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B7HDAQjpxQW/> (дата обращения: 04.04.2021).

¹² Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B8v-qOUp-Yd/> (дата обращения: 04.04.2021).

¹³ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B9oH84ioOsa/> (дата обращения: 04.04.2021).

¹⁴ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B-wgSjypSJZ/> (дата обращения: 04.04.2021).

¹⁵ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B8I0V2iJhkd/> (дата обращения: 04.04.2021).

- 9 «Человек, интересующийся культурой и искусством» (например, сообщение, опубликованное 11 февраля 2020 г., посвящено балетному искусству¹);
- 10 «Лидер, устремленный в будущее» (в частности, 6 февраля 2020 г. губернатор рассказал подписчикам о заседании Госсовета по теме подготовки кадров для экономики и социальной сферы и о своем решении ощутимо усилить стипендиальную поддержку учащейся молодежи²);
- 11 «Семьянин» (записи, посвященные семье главы региона³) и т.д.

Чаще остальных из обозначенных имиджево-ролевых конструктов в изученном информационном массиве представлены «организатор» и «кризисный менеджер», которые использованы в 34,12 и 21,57 % случаев от всех проанализированных сообщений, соответственно. Подробная статистика представленности определенных имиджево-ролевых конструктов в записях главы Нижегородской области отражена в табл.1 (подчеркнем, так как в одном и том же сообщении могут быть отражены сразу несколько тематических имиджевых конструктов, общее процентное значение всех представленных в записях главы региона имиджево-ролевых конструктов может превышать 100%).

Таблица 1

Имиджево-ролевые конструкты в информационных сообщениях, размещенных на официальной странице Г.С. Никитина в Instagram, %

Имиджево-ролевые конструкты	Доля сообщений от общего числа записей
«Организатор»	34,12
«Кризисный менеджер»	21,57
«Командный игрок»	9,02
«Болельщик»	7,45
«Открытый лидер, слышащий общество»	7,45
«Хозяиственник»	6,27
«Человек, знающий и чтущий историю страны/города»	5,88
«Строитель»	5,49
«Человек, интересующийся культурой и искусством»	4,71
«Лидер, устремленный в будущее»	4,71
«Семьянин»	4,31

Разнообразие тематики записей главы региона, а также – используемых им и его командой имиджево-ролевых конструктов, свидетельствует о проявлении ещё одной детерминанты сетевой идентичности. Данную детерминанту можно обозначить как идейно-содержательную многоаспектность (Каминченко, 2020: 103). Она во многом согласуется с таким свойствами сетевого типа идентичности, как содержательно-смысловая гетерархия, ситуативность и децентрализация.

Такая переменная, как интерес аудитории Instagram к определенным имиджево-ролевым конструктам может быть операционализирована через проведение количественно-частотного анализа числа комментариев, оставленных под записями, в которых отражены те или иные имиджево-ролевые конструкты. На основе проведения обобщенного анализа медианной численности комментариев под сообщениями, где находит своё выражение тот или иной имиджево-ролевой конструкт, установлено, что наибольший интерес аудитории вызвали сообщения с такими имиджево-ролевыми конструктами, как «кризисный менеджер» (21,21 % от общего значения медианного показателя числа комментариев), «строитель» (16,56 %), «хозяиственник» (16,27 %) и «человек, знающий и чтущий историю страны/города» (13,10 %). Подробные данные отражены на диаграмме 1.

¹ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B8bezCwpQHm/> (дата обращения: 04.04.2021).

² Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B8O17XApulW/> (дата обращения: 04.04.2021).

³ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/B8jWerkp-s3/> (дата обращения: 04.04.2021).

Диаграмма 1

Имиджево-ролевые конструкты, представленные в записях Г.С. Никитина в Instagram, вызвавшие наибольший интерес аудитории, в %

Для выявления тех имиджево-ролевых конструктов, которые вызвали наибольшее одобрение аудитории интернет-платформы, было подсчитано медианное количество «лайков», оставленных под сообщениями регионального лидера, где отражен тот или иной имиджево-ролевой конструкт. Самый высокий уровень одобрения получил имиджево-ролевой конструкт «семьянин» (25,84 % от общего значения медианного показателя количества «лайков»). Второе – пятое места заняли такие имиджево-ролевые конструкты, как «кризисный менеджер» (12,38 %), «хозяйственник» (11,07 %), «организатор» (10,45 %) и «строитель» (10,21 %). Подробные данные представлены на диаграмме 2.

Диаграмма 2

Имиджево-ролевые конструкты, представленные в записях Г.С. Никитина в Instagram, получившие наибольшую поддержку аудитории, в %

Обсуждение результатов будет представлено в следующей части работы.

Обсуждение

Анализ имиджево-ролевых конструктов, отраженных в изученном информационном массиве, позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, активнее остальных региональным лидером задействован такой имиджево-ролевой конструкт, как «организатор», что в целом обусловлено особенностями работы Г. С. Никитина на посту губернатора Нижегородской области, его нацеленностью на открытие новых инфраструктурных проектов, как в областном центре, так и в целом, по области. Он нередко выступает инициатором различных изменений в жизни области и призывает общество принять участие в этих изменениях. На втором месте по частоте использования региональным лидером находится имиджево-ролевой конструкт «кризисный менеджер», что объясняется влиянием пандемии коронавирусной инфекции на жизнь общества. Губернатор активно использовал свою официальную интернет-страницу для подробного объяснения текущей ситуации и принятия определенных мер по борьбе с распространением инфекции в регионе.

На третьем месте (с существенным отставанием от первых двух мест) находится имиджево-ролевой конструкт «командный игрок», отражающий как активность губернатора в вопросах взаимодействия с органами федеральной власти (например, с Правительством РФ) и с другими главами российских субъектов, так и приверженность командным принципам работы. Другие имиджево-ролевые конструкты, например, «болельщик» (проявляющийся, как правило, в демонстрации поддержки местным спортивным командам, в посещении соревнований) и «открытый лидер, слушающий общество» (когда губернатор в записи указывает на прямой отклик власти на обращения граждан), используются реже основных. Впрочем, такой имиджево-ролевой конструкт, как «открытый лидер, слушающий общество», проявляется не только в содержании записей, публикуемых непосредственно региональным лидером, но и в участии представителей других ведомственных подразделений в ответах на комментарии (обращения) граждан, публикуемые под записями главы региона.

Во-вторых, наибольший интерес аудитории вызвали сообщения, где реализуется имиджево-ролевой конструкт «кризисный менеджер», что неудивительно, так как вопрос о мерах по борьбе с распространением коронавирусной инфекции касается всех жителей региона без исключения. Позиции со второго по четвертое места (с примерно равной долей уделенного к ним внимания со стороны аудитории) занимают записи, где отражены такие имиджево-ролевые конструкты, как «строитель», «организатор» и «хозяйственник». Это говорит о том, какие конкретные направления деятельности губернатора интересуют жителей Нижегородской области в первую очередь, что может быть вызвано, в частности, актуальностью и необходимостью решения определенных вопросов в рамках данных направлений. Среди прочего, речь идет о вопросах инфраструктурного плана (например, строительства новых дорог и развязок, открытия новых школ и детских садов, ремонт и благоустройство уже существующих объектов) и экономического развития области (например, открытие новых промышленных предприятий). В этом отношении, официальный Instagram-канал губернатора области является важнейшим инструментом для выявления и анализа сформированного в регионе общественного мнения. Он позволяет установить, какие общественные запросы представлены сегодня острее остальных и при этом включает в себя прямые механизмы (без каких-либо посредников) для работы с гражданами и выявленными общественными запросами.

В-третьих, наивысший уровень одобрения/поддержки (причем, с существенным преимуществом над остальными) получили записи главы области, где представлен имиджево-ролевой конструкт «семьянин» (когда региональный лидер рассказывает о личных, семейных событиях, как нынешних, так и прошлых лет). Отметим, что данный имиджево-ролевой конструкт используется губернатором редко, но именно он получает наибольшую поддержку аудитории интернет-платформы Instagram. Далее по уровню одобрения аудитории (с относительно близкими процентными показателями) расположены такие имиджево-ролевые конструкты, как «кризисный менеджер», «организатор», «хозяйственник» и «строитель».

Необходимо обратить особое внимание на то, что два основных (по частоте использования на интернет-странице губернатора) имиджево-смысловых конструкта («организатор» и «кризисный менеджер») входят в число тех имиджево-ролевых конструктов, которые получают наивысшую поддержку и одобрение аудитории. Другие (хотя и существенно реже используемые) имиджево-ролевые конструкты («командный игрок», «болельщик» и «открытый лидер, слушающий общество»)

вызывают в обществе меньший уровень поддержки. Впрочем, следует подчеркнуть, что имиджево-ролевой конструкт «открытый лидер, слышащий общество» проявляется не только в самих записях главы региона, но и в комментариях, оставленных сотрудниками профильных министерств и ведомств на интернет-странице губернатора, количество «лайков», оставленных аудиторией под этими сообщениями, в подсчетах не использованы.

Основные имиджево-ролевые конструкты (как по частоте использования на интернет-странице губернатора области в Instagram, так и по уровню общественного внимания и одобрения) представлены в табл.2

Таблица 2

Статистические показатели имиджево-ролевых конструктов, представленных в записях Г. С. Никитина в Instagram

Наиболее часто используемые имиджево-ролевые конструкты	Имиджево-ролевые конструкты, вызвавшие повышенный интерес аудитории	Имиджево-ролевые конструкты, получившие наибольшее одобрение аудитории
«Организатор»	«Кризисный менеджер»	«Семьянин»
«Кризисный менеджер»	«Строитель»	«Кризисный менеджер»
«Командный игрок»	«Организатор»	«Хозяйственник»
«Болельщик»	«Хозяйственник»	«Организатор»
«Открытый лидер, слышащий общество»	«Человек, знающий и чтущий историю страны/города»	«Строитель»

Поддержка аудиторией Instagram наиболее часто используемых на официальной интернет-странице регионального лидера имиджево-ролевых конструктов свидетельствует о содержательной эффективности использования этих имиджево-ролевых конструктов с точки зрения повышения уровня доверия главе региона. Кроме того, популярность обозначенных имиджевых знаково-смысловых конструктов отражает запрос общества на тот или иной тип лидерства, в данном случае – на организаторские качества руководителя, а также – на его готовность работать в условиях кризисных ситуаций (как, например, в случае с распространением опасной инфекции в обществе). Вместе с тем, такие имиджево-ролевые конструкты, как «хозяйственник» и «строитель» также вызывают немалый интерес аудитории и относительно высокий уровень её поддержки, демонстрируя очевидный запрос общества на решение определенных задач в области инфраструктурно-строительной и хозяйственной деятельности главы региона. В свою очередь, данные имиджево-ролевые конструкты относительно нечасто применялись в сообщениях, опубликованных на официальной интернет-странице губернатора Нижегородской области. Более активное вовлечение двух указанных содержательно-смысловых конструктов в информационном взаимодействии с аудиторией позволит полнее удовлетворить общественный запрос и, как результат, повысить уровень доверия главе региона. Кроме того, на уровень поддержки губернатора может повлиять и более частая публикация записей, посвященных личным и семейным вопросам, так как именно соответствующий имиджево-ролевой конструкт стал наиболее популярным среди аудитории Instagram. Однако, увеличение числа сообщений по данной тематике целесообразно производить постепенно, последовательно отслеживая возможную динамику изменения уровня одобрения подобных записей со стороны аудитории.

Отдельно отметим особенности отражения такого имиджево-ролевого конструкта, как «открытый лидер, слышащий общество». Данный содержательно-смысловой конструкт относительно часто представлен в сообщениях, размещенных главой региона на его официальной интернет-странице, а также – в записях (комментариях) профильных ведомств по соответствующим темам (что является одним из важнейших и эффективных механизмов обратной связи), размещенных на этой же странице. Вместе с тем, сообщения, где представлен данный имиджево-ролевой конструкт, не вызвали активного обсуждения аудитории. Это может быть объяснено тем, что аудитория современного политико-коммуникативного интернет-пространства рассматривает представленность в нем политического лидера как абсолютно нормальное и обычное явление. Более того, отклик

политических лидеров на конкретные обращения и запросы со стороны граждан также рассматривается обществом в условиях современной сетевизации публичного поля как вполне обычное состояние дуалистической коммуникации «лидер/политик-общество». Подобный характер общественного восприятия политической коммуникации свидетельствует о проявлении содержащейся в сознании общества и индивидов детерминанты сетевой идентичности, связанной с готовностью человека напрямую участвовать в диалоге с властными и политическими субъектами для решения значимых (как для себя, так и для общества) вопросов. Всё это в очередной раз подтверждает идею о том, что для современного политического лидера важно не только быть представленным в политико-коммуникативном интернет-пространстве и рассказывать в сетевом публичном поле о своей текущей деятельности, но и отвечать на обращения и запросы со стороны граждан. Отсутствие подобной обратной связи способно вызвать отрицательно окрашенную реакцию интернет-аудитории, что повлияет на уровень поддержки лидера.

Соотнося между собой перечень имиджево-ролевых конструктов, вызвавших наибольший интерес аудитории с перечнем тех содержательно-смысловыми конструктов, которые активнее остальных использовались на официальной интернет-странице главы региона в Instagram (на основании данных табл.1), необходимо обратить внимание на наличие такого конструкта, как «человек, знающий и чтущий историю страны/города». Если имиджево-ролевые конструкты «кризисный менеджер», «строитель», «организатор» и «хозяйственник» связаны скорее с текущей деятельностью и нацеленностью на реализацию задач по развитию области в будущем, то конструкту «человек, знающий и чтущий историю страны/города» в большей степени характерен кросс-темпоральный, надвременной характер, так как он объединяет современное и будущее функционирование общества с его историей и традициями. Учитывая его востребованность в обществе (что демонстрируют результаты исследования), активное использование подобного конструкта способно укрепить общегражданскую и территориальную идентичность, что является одной из важнейших задач, стоящих перед властью и обществом. Причем, в формировании подобной идентичности важную роль играют и уникальные особенности культуры нижегородского региона и народов, проживающих на его территории, и универсальные, сетевые компоненты современного информационного общества (что обосновано идеей о сетевизации существующих в современном обществе идентичностей). Таким образом, активное использование обозначенного имиджево-ролевого конструкта в записях, размещаемых на официальной странице главы региона, будет способствовать решению задач по формированию общегражданской и территориальной идентичностей среди жителей Нижегородской области, что ещё раз подчеркивает необходимость его более активного использования в коммуникативном поле интернет-платформы Instagram.

Выводы

Современные информационно-коммуникационные технологии оказывают всё возрастающее воздействие на политическую сферу, а представленность политических акторов в интернет-пространстве зачастую становится одним из важнейших условий для реализации этими акторами своих целей. Важную роль в реализации определенных задач Интернет играет и для региональных лидеров. Причем специфика сетевого политико-коммуникативного пространства диктует лидерам свои условия: в частности, важно не только быть представленным в данном пространстве и повествовать в нем о своей текущей деятельности, но и взаимодействовать с обществом, отвечая, например, на обращения граждан. Рациональное использование данного пространства позволяет региональному лидеру обрести высокий уровень поддержки со стороны общества и реализовать целый ряд функций (например, мобилизация общества на участие в решении общественно значимых задач). Как показало исследование, на основании анализа записей регионального лидера в социальных медиа можно установить, какие имиджево-ролевые конструкты используются им и его командой чаще остальных и какие (из используемых лидером) имиджево-ролевых конструктов вызывают повышенный интерес аудитории и высокий уровень одобрения общества. Кроме того, анализ активности аудитории на интернет-странице лидера позволяет выявить те вопросы, на решение которых в регионе сформировался общественный запрос.

Список литературы / References

- Ачкасова, В. А., Корнеева, К. В. (2017) 'Репутация и имидж власти. Медиастратегии формирования', *Управленческое консультирование*, 1(97), сс. 159–165. [Achkasova, V. A., Korneeva, K. V. (2017) 'Reputation and image of the power. Mediastrategies of formation' [Reputatsiya i imidzh vlasti. Mediastrategii formirovaniya], *Administrative Consulting*, 1(97), pp. 159–165. (In Russ.)].
- Ачкасова, В. А., Быков, И. А., Кузьмина, А. М. (2017) 'Продвижение в социальных сетях как одна из компетенций специалиста по рекламе и связям с общественностью' *Российская школа связей с общественностью*, 9. сс. 179–188. [Achkasova, V. A., Bykov, I. A., Kuz'mina, A. M. (2017) 'Social media marketing as a professional competence for education in public relations and advertisement' [Prodvizhenie v sotsial'nykh setyakh kak odna iz kompetentsii spetsialista po reklame i svyazyam s obshchestvennost'yu], *Russian School of Public Relations*, 9. pp. 179–188. (In Russ.)].
- Белинский, А. В. (2012) 'Проблемы формирования положительного имиджа современного политика', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 150–155. [Belinskii, A. V. (2012) 'Problems of forming a positive image of a modern politician' [Problemy formirovaniya polozhitel'nogo imidzha sovremennogo politika], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1, pp. 150–155. (In Russ.)].
- Букреева, О. В. (2011) 'Образ российской власти и политических лидеров в концептуальном пространстве демотивационных постеров', *Политические исследования*, 5, сс. 117–122. [Bukreeva, O. V. (2011) 'The image of the Russian Government and political leaders in the conceptual space of demotivational posters' [Obraz rossiiskoi vlasti i politicheskikh liderov v kontseptual'nom prostranstve demotivatsionnykh posterov], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 117–122. (In Russ.)].
- Быкова, Е. В. (2015) 'SMM – эффективный инструмент продвижения в цифровую эпоху PR', *Российская школа связей с общественностью*, 7. сс. 84–89. [Bykova, E. V. (2015) 'SMM – An effective tool for the promotion of the digital PR' [SMM – effektivnyi instrument prodvizheniya v tsifrovuyu epokhu PR], *Russian School of Public Relations*, 7. pp. 84–89. (In Russ.)].
- Быков, И. А. (2017) 'Twitter как основной инструмент избирательной кампании Дональда Трампа', *Российская школа связей с общественностью*, 9. сс. 115–123. [Bykov, I. A. (2017) 'Twitter as a main tool in the electoral campaign of Donald Trump' [Twitter kak osnovnoi instrument izbiratel'noi kampanii Donal'da Trampa], *Russian School of Public Relations*, 9. pp. 115–123. (In Russ.)].
- Василенко, С. А., Дебольская, А. А. (2020) 'Женщина-политик: эволюция имиджа на примере Терезы Мэй и Юлии Тимошенко', *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 3 (32), сс. 33–36. [Vasilenko, S. A., Debol'skaya, A. A. (2020) 'Woman in politics: evolution of the image based on the example of Theresa May and Yulia Tymoshenko' [Zhenshchina-politik: evolyutsiya imidzha na primere Terezy Mei i Yulii Timoshenko], *Azimuth of Scientific Researches: Economics and Management*, 3(32), pp. 33–36. (In Russ.)].
- Вилков, А. А. (2020) 'Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России', *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 1, сс. 64–68. [Vilkov, A. A. (2020) 'Images of the future within political science and public discourses of modern Russia' [Obrazy budushchego v politologicheskom i publichnom diskursakh sovremennoi Rossii], *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*, 1, pp. 64–68. (In Russ.)].
- Гаман-Голутвина, О. В., Никитин, А. И. (ред.) (2020) *Современная политическая наука: Методология*. Москва: Изд-во Аспект Пресс, 776 с. [Gaman-Golutvina, O. V., Nikitin, A. I. (eds.) (2020) *Contemporary Political Science [Sovremennaya politicheskaya nauka:*

- Metodologiya]. Moscow: Izdatelstvo "Aspekt-Press". 776 p. (In Russ.).
- Головченко, А. В. (2018) 'Имиджевые инверсии либерального лидерства в современной России', *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 4, сс. 457–462. [Golovchenko, A. V. (2018) 'Image inversions of liberal leadership in modern Russia' [Imidzhevye inversii liberal'nogo liderstva v sovremennoi Rossii], *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 1, pp. 64–68. (In Russ.).]
- Демочко, С. В. (2014) 'Имидж идеального политика в глазах российских избирателей: данные социологических опросов', *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*, 24, сс. 41–45. [Demochko, S. V. (2014) 'Image of an ideal politician in the eyes of Russian voters: data of sociological surveys' [Imidzh ideal'nogo politika v glazakh rossiiskikh izbiratelei: dannye sotsiologicheskikh oprosov], *Intellektual'nyi potentsial XXI veka: stupeni poznaniya*, 24, pp. 41–45. (In Russ.).]
- Дурдин, Д. М. (2000) '"Образ" политического лидера и возможности его изменения', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 133–151. [Durdin, D. M. (2000) 'The "image" of a political leader and the possibility of his change' ["Obraz" politicheskogo lidera i vozmozhnosti ego izmeneniya], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 133–151. (In Russ.).]
- Зарубина, Н. Н., Носкова, А. В. (2019) 'Образы России: размышляя об эпохах перемен', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 173–183. [Zarubina, N. N., Noskova, A. V. (2019) 'Images of Russia: reflecting on the eras of change' [Obrazy rossii: razmyshlyaya ob epokhakh peremen], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 173–183. (In Russ.).]
- Иванов, В. Г., Иванова, М. Г. (2019) 'Образ политического лидера в отечественных политологических исследованиях', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 3, сс. 558–576. [Ivanov, V. G., Ivanova, M. G. (2019) 'The image of a political leader in the Russian political studies' [Obraz politicheskogo lidera v otechestvennykh politologicheskikh issledovaniyakh], *RUDN Journal of Political Science*, 3, pp. 558–576. (In Russ.).]
- Каминченко Д. И. (2020) 'Детерминанты измерения сетевой идентичности' в: Соколов А. В., Фролов А. А. (ред.) *Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции. Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: Изд-во ООО «Цифровая типография», сс. 100–104. [Kaminchenko, D. I. (2020) 'Determinants of network identity measurement' [Determinanty izmereniya setevoi identichnosti] in: Sokolov A. V., Frolov A. A. (eds.) 'Opportunities and threats of the digital society': Conference proceedings [Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva]. Yaroslavl, pp. 100–104. (In Russ.).]*
- Каминченко Д. И. (2019) 'Типы сетевой идентичности в современном обществе' в: Аكوпова Т. С. (ред.) *Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы: материалы конференции. Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, сс. 90–95. [Kaminchenko, D. I. (2019) 'Network identity types in modern society' [Tipy setevoi identichnosti v sovremennom obshchestve] in: Akopova, T. S. (eds.) 'Contemporary Russian society: socio-political trends and challenges': Conference proceedings [Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: sotsial'no-politicheskie trendy i vyzovy: materialy konferentsii]. Yaroslavl, pp. 90–95. (In Russ.).]*
- Канюков, А. Н. (2018) 'Убедить россиянина. Структура убеждающего воздействия в формировании имиджевых характеристик депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга', *Вестник Пермского университета. Политология*, 2, сс. 124–146. [Kanyukov, A. N. (2018) 'To convince the russians. structure of persuasive influence in shaping image characteristics of St. Petersburg Legislative Assembly deputies' [Ubedit rossiyanina. Struktura ubezhdayushchego vozdeistviya v formirovanii imidzhevyykh kharakteristik deputatov Zakonodatelnogo sobraniya Sankt-Peterburga], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2, pp. 124–146. (In Russ.).]

- Курманина, Т. С. (2017) 'Особенности формирования имиджа региональных политических лидеров', *Вестник науки и образования*, 8 (32), сс. 44–46. [Kurmanina, T. S. (2017) 'Peculiarities of forming image of regional political leaders' [Osobennosti formirovaniya imidzha regional'nykh politicheskikh liderov], *Herald of Science and Education*, 8(32), pp. 44–46. (In Russ.)].
- Ленец, А. В., Сергеева, Д. С. (2018) 'Языковая манифестация коммуникативной стратегии дискредитации как способа конструирования имиджа политика в виртуальном пространстве (на материале предвыборных твитов Д.Трампа)', *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 52, сс. 98–111. [Lenets, A. V., Sergeeva, D. S. (2018) 'Language manifestation of the discrediting communicative strategy as a way of political image formation in the virtual space (as exemplified in pre-election tweets by D. Trump)' [Yazykovaya manifestatsiya kommunikativnoi strategii diskreditatsii kak sposoba konstruirovaniya imidzha politika v virtual'nom prostranstve (na materiale predvybornykh tvitov D.Trampa)], *Tomsk State University Journal of Philology*, 52, pp. 98–111. (In Russ.)].
- Нейматова, А. Я. (2011) 'Проблема имиджа в политике и политической науке', *Вестник МГИМО Университета*, 2 (17), сс. 268–269. [Neimatova, A. Ya. (2011) 'Image in politics and political science' [Problema imidzha v politike i politicheskoi nauke], *MGIMO Review of International Relations*, 2(17), pp. 268–269. (In Russ.)].
- Палитай, И. С. (2018) 'Трансформация образов власти и политических лидеров Великобритании под влиянием Brexit (на материалах европейских и американских СМИ за 2014–2017 гг.)', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 150–162. [Palitai, I. S. (2018) 'Transformation of images of power and political leaders of Great Britain under the influence of Brexit (on materials of European and American media, 2014–2017)' [Transformatsiya obrazov vlasti i politicheskikh liderov Velikobritanii pod vliyaniem Brexit (na materialakh evropeiskikh i amerikanskikh SMI za 2014–2017 gg.)], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 150–162. (In Russ.)].
- Пищева, Т. Н. (2011) 'Политические образы: проблемы исследования и интерпретации', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 47–52. [Pishcheva, T. N. (2011) 'Political images: Problems of research and interpretation' [Politicheskie obrazy: problemy issledovaniya i interpretatsii], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 47–52. (In Russ.)].
- Селиверстова, Ю. А. (2011) 'Имидж политического лидера: создание, внедрение, актуализация', *Власть*, 1, сс. 71–73. [Seliverstova, Yu. A. (2011) 'Image of a political leader: creation, implementation, update' [Imidzh politicheskogo lidera: sozdanie, vnedrenie, aktualizatsiya], *Vlast*, 1, pp. 71–73. (In Russ.)].
- Синеокая, Н. А. (2017) 'Имидж политика, формируемый в современных электронных СМИ (на примере женщин-политиков Германии)' в: Доманский, Ю. В., Бердникова, М. А. (ред) *Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н. М. Лебедева. Материалы конференции*. Тверь: ООО «СФК-офис», сс. 235–242. [Sineokaya, N. A. (2017) 'The image of a politician formed in modern electronic media (on the example of female politicians in Germany)' [Imidzh politika, formiruemyi v sovremennykh elektronnykh SMI (na primere zhenshchin-politikov Germanii)] in: Domanskii, Yu. V., Berdnikova, M. A. (eds.): *Philology and enlightenment. Scientific, pedagogical, local history heritage of N.M. Lebedev. Conference proceedings*. [Filologiya i prosvetitel'stvo. Nauchnoe, pedagogicheskoe, kraevedcheskoe nasledie N.M. Lebedeva. Materialy konferentsii], pp. 235–242. (In Russ.)].
- Тарасов, И. Н. (2007) 'Электоральное измерение образов политических лидеров (на примере стран центрально-восточной Европы)', *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 2, сс. 90–97. [Tarasov, I. N. (2007) 'Elective images measurement of political leaders (on example of the countries of Central-East Europe)' [Elektoral'noe izmerenie obrazov politicheskikh liderov (na primere stran tsentral'no-vostochnoi Evropy)], *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2, pp. 90–97. (In Russ.)].

- Толкалов, А. С. (2013) 'Сущность политического имиджа: отечественный и зарубежный опыт теоретического осмысления', *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 2, сс. 72–75. [Tolkalov, A. S. (2013) 'Content of the political image: Russian and foreign experience of theoretic comprehension' [Sushchnost' politicheskogo imidzha: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt teoreticheskogo osmysleniya], *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2, pp. 72–75. (In Russ.)].
- Фадеева, Л. А. (2017) 'Сетевая идентичность' в: Семенов, И. С. (ред.) Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Москва: Изд-во Весь мир, сс. 535–539. [Fadeeva, L. A. (2017) 'Network identity' [Setevaya identichnost] in: Semenov, I. S. (eds.) Identity: The individual, society and politics. An encyclopedia [Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie]. Moscow: Izdatelstvo "VES MIR", pp. 535–539. (In Russ.)].
- Филатова, О. Г. (2020а) 'Главы российских регионов в социальных сетях: аудит публичных коммуникаций', *PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект*, 23, сс. 6–16. [Filatova, O. G. (2020a) 'Heads of russian regions in social media: audit of public communications' [Glavy rossiiskikh regionov v sotsial'nykh setyakh: audit publichnykh kommunikatsii], *PR and advertising in a changing world: Regional aspect*, 23, pp. 6–16. (In Russ.)].
- Филатова, О. Г. (2020b) 'Главы субъектов РФ в блогах и социальных сетях: тренды коммуникаций начала 2010-х и 2020-х гг.', *Южно-российский журнал социальных наук*, 2, сс. 26–41. [Filatova, O. G. (2020b) 'Heads of subjects of the russian federation in blogs and social networks: communication trends in the early 2010s and 2020s' [Glavy sub"ektov RF v blogakh i sotsial'nykh setyakh: trendy kommunikatsii nachala 2010-kh i 2020-kh gg.], *South-Russian journal of social sciences*, 2, pp. 26–41. (In Russ.)].
- Шелекасова, Н. П. (2000) 'Бессознательные аспекты имиджа политического лидера', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 130–131. [Shelekasova, N. P. (2000) 'Unconscious aspects of the image of a political leader' [Bessoznatel'nye aspekty imidzha politicheskogo lidera], *Polis. Political Studies*, 4, pp. 130–131. (In Russ.)].
- Шестопал, Е. В., Вагина, В. В., Пасс, П. С. (2019) 'Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами', *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, 4 (95), сс. 67–86. [Shestopal, E. V., Vagina, V. V., Pass, P. S. (2019) 'New trends of Russian citizens' perception of authorities' [Novye tendentsii v vospriyatii vlasti rossiiskimi grazhdanami], *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 4(95), pp. 67–86. (In Russ.)].
- Шмелева, О. Ю. (2017) '«Образ государства» как категория политической науки: теоретико-методологические аспекты изучения', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 4, сс. 23–36. [Shmeleva, O. Yu. (2017) '"The image of the State" as a category of political science: theoretical and methodological aspects of studying' [«Obraz gosudarstva» kak kategoriya politicheskoi nauki: teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya], *Political expertise: POLITEX*, 4, pp. 23–36. (In Russ.)].
- Larsson, A. O. (2017) 'Top users and long tails: Twitter and Instagram use during the 2015 Norwegian Elections', *Social Media + Society*, April-June, 2, pp. 1–12, DOI:10.1177/2056305117713776.
- Parmelee, J. H., Roman, N. (2019) 'Insta-Politics: Motivations for Following Political Leaders on Instagram', *Social Media + Society*, April-June, 2, pp. 1–12, DOI:10.1177/2056305119837662.
- Turnbull-Dugarte, S. J. (2019) 'Selfies, policies, or votes? Political party use of Instagram in the 2015 and 2016 spanish general elections', *Social Media + Society*, April-June, 2, pp. 1–15, DOI:10.1177/2056305119826129.

Статья поступила в редакцию: 18.04.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 10.07.2021

Статья принята к печати: 30.07.2021

FEATURES OF THE POLITICAL IMAGE OF A REGIONAL LEADER ON THE INTERNET

D. I. Kaminchenko

D. I. Kaminchenko, Candidate of Political Science, Senior Lecturer at the Department of Political Science, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

E-mail: Ert1fg2@rambler.ru (ORCID: 0000-0002-3193-3423).

Abstract

The article studies the image of a regional leader in the modern political and communicative space of the Internet. The author analyzes the main role-image constructs used by the head of one of the constituent entities of the Russian Federation on Instagram. The definition of the concept "role-image construct" is introduced. The theoretical basis of the research is the theory of the information society and the concept of network identity. The author uses qualitative and quantitative content analysis and comparative analysis as the main research methods. The information source of the study is the official Instagram account of the governor of the Nizhny Novgorod region, the posts from December 25, 2019 to October 7, 2020. The research results show that oftentimes the posts of the governor reflect such role-image constructs as "organizer" and "crisis manager". The interest of the audience is peaked by the posts, where such role-image constructs as "crisis manager", "builder", "business executive" and "a person who knows and respects the history of the country / city" are shown. In accordance with the study's findings, practical recommendations are formulated regarding the possible strengthening of the support of the head of the region through the more frequent posts using specific role-image constructs.

Keywords: political communication; political image; image-role construct; information society; Internet; network identity; social media.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-40-51

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: ОТ АНАЛИЗА ТЕОРИЙ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАКТИК

С. А. Шмелева

Шмелева Светлана Андреевна, аспирант Департамента прикладной политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: svanshmeleva@gmail.com (ORCID: 0000-0002-7821-1057).

Аннотация

Анализируется теоретическая база исследований за последнее десятилетие по теме использования больших данных в процессе принятия решений в государственном управлении и описывается методология, предложенная Ван дер Вуртом, для оценивания влияния двух элементов друг на друга. На основе проведенного анализа сделан вывод об обширной степени исследованности применения больших данных в государственном управлении с акцентом на потенциальных выгодах и угрозах, что условно разделяет исследователей на технооптимистов и технопессимистов. Большинство исследований носят эмпирический характер, однако они разрознены и используют разные подходы для выявления взаимосвязей больших данных и процесса принятия политических решений. Возникает вопрос о том, каким образом можно проверить или оценить взаимосвязь больших данных и процесса принятия политических решений, учитывая как сомнительную надежность используемых в этом процессе данных, так и интересы лиц, принимающих решения на их основе? В статье описывается методология, предложенная Ван дер Вуртом, для оценки этих взаимосвязей с учетом роли акторов в политическом процессе принятия решений с использованием больших данных, а также их интересов и ценностей.

Ключевые слова: большие данные; политический процесс; государственная политика; государственное управление; процесс принятия решений; пирамида Акоффа; политические акторы.

Введение

Образ жизни современного общества за последний десяток лет существенно изменился и продолжает меняться: объем данных, накопленный за последние десять лет, превосходит объем данных, которые были накоплены за предыдущие сто лет (Manyika et al., 2011). Для эффективного государственного управления в условиях растущего объема данных требуется оперативное реагирование и иной подход к принятию решений. Как и простому пользователю, государству необходимо адаптировать современные технологии для своих задач, принимая во внимание как необходимость совершенствования инструментов (Helbig et al., 2015), так и изменения в разработке политических решений.

Большие данные (в понимании их как больших объемов данных, так и как подходов, инструментов и методов обработки полученных данных) становятся дополнительным инструментом для государственного управления. Большие данные представляют интерес при использовании их политическими элитами для электорального процесса, коалиционных переговоров, достижения политического компромисса (politics) и для осуществления государственной политики и интеграции больших данных в процесс принятия решений (policy). Например, большие данные были успешно использованы в предвыборной кампании Дональда Трампа 2016 г.: с помощью методов компании Plantif удалось выявить так называемые «аномальные штаты», которые не определились в выборе в сторону демократов или республиканцев, и переманить их на сторону республиканцев (Балашов, 2017). В России большие данные используются для сбора официальной государственной статистики, учета налоговых поступлений, реализации концепции инфраструктуры пространственных данных РФ, работы портала госуслуг, системы ЕМИСС и др.

Осмысление новых процессов не обошло стороной и научные дискуссии: только за последние 5 лет количество исследований выросло более чем в 2 раза (см. рис. 1). Рассматриваются и теоретические подходы к осмыслению понятия (к примеру, теория 7V), результаты эмпирических исследований с использованием конкретных кейсов о взаимосвязи больших данных и процесса принятия решений. Каким образом в научной литературе отражены эти взаимосвязи? Какие выгоды и проблемы возникают при применении больших данных в системе государственного управления? Ключевым противостоянием взглядов в академическом сообществе является технооптимизм и технопессимизм. Большие данные стали необходимым условием устойчивого развития государства, но вместе с ними появилось большое количество издержек для внедрения и потенциальных угроз конфиденциальности информации. Несмотря на некоторые проблемы внедрения больших данных, в зарубежной и отечественной литературе утверждается положительное влияние применения больших данных на процесс принятия решений (Maciejewski, 2017; Janssen et al., 2017; Höchtl et al., 2016; Булгакова, 2015), однако оценивание степени эффективности этих решений остается непоследовательным.

Цель данной работы – рассмотреть, как оценивается влияние больших данных на процесс принятия политических решений, с бóльшим акцентом на роли акторов, принимающих участие в этом процессе. Формула процесса принятия решений трансформируется, когда в нее добавляют большие данные. Процесс перестает быть цикличным, и в нем возрастает роль акторов: важно принимать во внимание, кто владеет большими данными, кто их обрабатывает, и кто, собственно, принимает решения (Ван дер Вурт, 2019).

В первых двух частях статьи представлены основные тенденции в области изучения больших данных, их влияния на процесс принятия политических решений (в зарубежной и отечественной литературе) и ключевые изменения, произошедшие за последние десять лет. Третья часть посвящена описанию методологии, предложенной Ван дер Вуртом (2019), где раскрывается роль политических акторов в процессе принятия решений с использованием больших данных. Для этого предлагается более подробно рассмотреть взаимодействие двух основных групп акторов: аналитиков данных (тех, кто обладают умением обрабатывать и анализировать данные) и лиц, принимающих решения (тех, кто обладают навыками менеджмента и принятия управленческих решений). Иногда между этими двумя группами возникают посредники, например, дизайнеры, необходимые для визуализации данных и упрощения понимания их лицами, принимающими решения.

Большие данные в государственном управлении: ключевые определения и тенденции

В научной литературе большие данные стали актуальной темой для исследований не только в прикладных и точных науках, но также и в социально-гуманитарных, включая политическую науку. Количественный анализ академической литературы последнего времени отражает возросший интерес к осмыслению понятия больших данных и важность их взаимосвязи с политическими процессами. Мы провели краткое статистическое исследование численности работ по теме больших данных в политике и в процессе принятия политических решений. Для оценки количества значимой академической литературы была использована база данных «Scopus». В качестве ключевых слов для поиска используем «big data» и (AND) «Government», а в качестве фильтров – уже опубликованные работы с минимальным размером цитирования в количестве 3 штук. Таким образом, видно, что общее количество исследований в данной сфере довольно велико – 2 388 начиная с 2008 г.¹. Первые наиболее цитируемые публикации (2012–2014 гг.) характеризуются теоретическим подходом: изучение проблем и перспектив больших данных в процессе принятия решений, определение потенциала их развития (Boyd & Crawford, 2012; Dijck, 2014). Публикации последних лет (2017–2019 гг.), наоборот, имеют более прикладной характер и опираются на анализ кейсов: применение больших данных в управлении умными городами (Lim et al., 2018), цепочками поставок (Hazen, 2018), в механизмах борьбы с DDoS атаками (Chaudhary et al., 2018). Как было указано выше, только за последние 3–5 лет количество цитируемых в научной среде исследований по теме «big data» и «government» возросло более чем в 2 раза (см. рис. 1).

¹ Дата обращения: 29.03.2020.

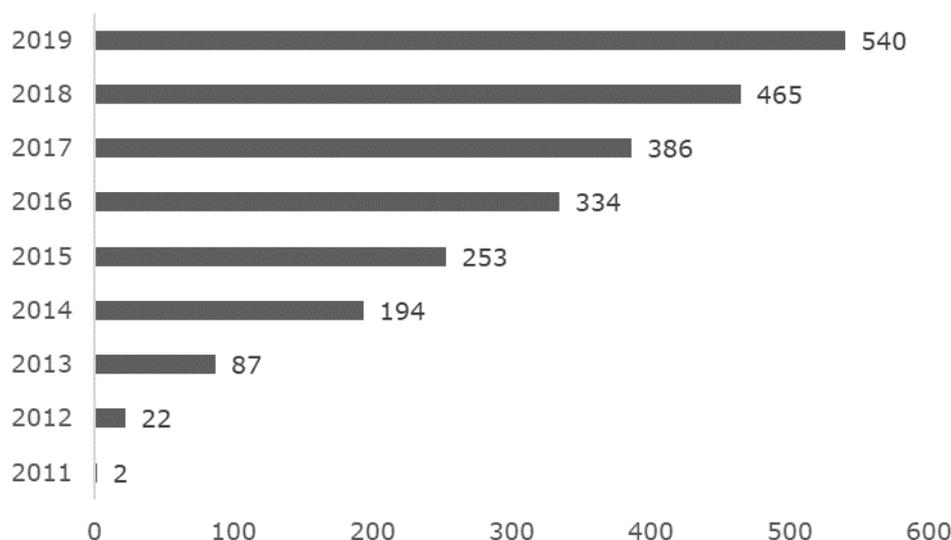

Рис. 1. Количество статей по теме: Большие данные в государственном управлении: сравнительный анализ влияния на процесс принятия политических решений (2011–2019 гг., ед.). Данные взяты из базы данных «Scopus»

Однако, кроме количества публикаций, крайне важно обратиться к теоретическим осмыслениям основных концепций о больших данных и их влиянии на процесс принятия решений. Определение термина больших данных трансформировалось с течением времени, т.к. простое определение большого количества данных через показатель количества и объема является недостаточным и неточным. В начале 2000-х гг. большие данные определяли через три параметра: разнообразность (*variety*), скорость (*velocity*), объем (*volume*) (Laney, 2001). Чуть позже добавилась ценность (*value*). Ф. Диболд (2003, cited in Moorthy et al., 2015) одним из первых определял большие данные как «*рост количества (а иногда и качества) доступных и потенциально важных данных, [что] в значительной степени [является] результат[ом] недавних и беспрецедентных достижений в технологии записи и хранения данных*». В настоящий момент определение расширили до 7 элементов, назвав это теорией 7V (Rijmenam, 2013): достоверность (*veracity*), изменчивость (*variability*) и визуализация (*visualization*).

Автоматизация процессов – применение больших данных в государственном управлении

Появление больших данных позитивно откликнулось в государственном секторе: органы государственной власти занимаются разработкой стратегий развития в отношении больших данных (включая Россию), т.к. в полной мере осознают выгоду от ее внедрения на всех уровнях. Государственное управление претерпевает трансформацию с помощью автоматизации рутинных процессов, изменяющих систему предоставления общественных услуг (Pencheva et al., 2018). Применение новых технологий, инфраструктурное развитие цифрового мира, появление ресурсов для получения всевозможного вида данных, сокращение расходов, связанных с этими процессами приводят к «*удивительно положительным результатам для государственного управления с точки зрения его эффективности, результативности и общего удовлетворения клиента*» (Maciejewski, 2017). В качестве примера можно привести применение больших данных правительством Сингапура и запуска в 2010 г. программы «*Planning for Land Transport Network (PLANET)*», которая была спроектирована для создания системы, улучшающей функционирование общественного транспорта на основе отслеживаемых транзакций по каждой поездке (6,3 млн поездок каждый день). Благодаря этим транзакциям в режиме онлайн удалось получить картину данных о проблемах и ограничениях в передвижениях и спланировать улучшение системы общественного транспорта.

Вместе с тем появляется тезис о том, что увеличение доступной информации, включающее в себя понятие большие данные, должно способствовать принятию «лучших решений»: «*чем больше качественной и точной информации будет доступно, тем лучше будут решения*» (Höchtl et al., 2016). Подобный оптимистический взгляд на развитие новых технологий («технооптимизм») не ставит под сомнение безопасность больших данных или их «полезность». После наступления времени

«удивительного прогресса с цифровыми технологиями» (Brynjolfsson & McAfee, 2014) «полезность» преобразований, вызванных цифровыми технологиями, становится очевидной: увеличивается разнообразие и объем потребляемой информации (в виде книг, аудио- и видеофайлов). Понятие «изобилие», а не «дефицит» информации становится нормой.

Однако создаются определенные угрозы и страхи: необходимость владения специальными навыками для обработки и восприятия информации и меньшая потребность в «традиционных» навыках: технологии постепенно заменяют рутинный человеческий ресурс, т.к. большую роль играет не только качество, но и процесс получения данной информации и способ ее обработки (Janssen et al., 2017). Ввиду того, что использование больших данных – эволюционный процесс, в котором постепенное понимание потенциала больших данных и «рутинизация» процесса играет одну из ключевых ролей (Klievink et al., 2017), возникает угроза того, что техника «*грозится вырваться из-под власти человека*» и заменить человеческий рутинный труд автоматизированным процессом. Говоря конкретнее о влиянии технологий на политическую сферу, можно вспомнить позицию Е. Морозова (2014). Технопессимизм, с его точки зрения, заключается в появлении нового вида манипулирования обществом благодаря алгоритмам и большим данным. Интернет, с одной стороны, дает видимость свободы выбора и множества мнений, но с другой стороны, анализируя поведение человека в Глобальной сети, можно определить процесс его мышления и управлять его мнением и выбором. Далее, не отрицая полезность больших данных, мы выделяем три ключевые проблемы, которые затрудняют эффективное внедрение и использование больших данных в государственном управлении.

Три проблемы внедрения больших данных

Технологическая: сбор и обработка данных. В государственном секторе, по сравнению с частным, заметно некоторое «отставание» в процессе внедрения больших данных ввиду недостаточного инфраструктурного оснащения (Klievink et al., 2017). Кроме того, источники больших данных нередко сталкиваются с проблемой репрезентативности, на эмпирическом и концептуальном уровне, что делает конечное понимание полученной информации искаженным и неточным: проблема может крыться в методах сбора и обработки данных: от алгоритмов сбора до методов интерпретации. Исследование С.Выдра и Б.Кливинк (2019) отмечает, что в больших данных больше «шума» («noise»), чем «сигналов» («signal»). Для получения достоверных данных необходимо правильно отличить «шум» от «сигналов» и, впоследствии, нейтрализовать «шум». По причине этих проблем государственные структуры сфокусированы больше на обеспечении качественных процессов обработки источников больших данных, чем на использовании этих данных в официальной статистике или в процессе принятия решений.

Человеческая: интересы политических агентов. Информацию можно воспринимать как «оспариваемый товар», рассматривать ее в различных контекстах управления, и на данном этапе теряется беспристрастность оценки полученных данных. В процессе потери объективности и надежности полученных в результате такой оценки данных, процесс принятия решения невозможно охарактеризовать как «политически нейтральный», когда каждый агент, соприкасающийся с данными, будет использовать полученную им информацию в своих целях. Ван дер Вурт (2019) предполагает, что ключевые участники процесса: аналитики данных и лица, принимающие решения, могут являться двумя автономными агентами и преследовать собственные интересы. Большие данные следует признать как инструмент влияния на политические институты: информация может быть функционально использована как для принятия новых решений, так и для легитимизации уже существующих. Важно не исключать и риски появления манипуляций общественным мнением с использованием больших данных, когда, к примеру, результаты опроса общественного мнения политики могут по-разному интерпретировать в зависимости от собственных интересов. Учитывая отсутствие объективности при принятии решений, можно предположить, что чем больше данных, тем больше политического выбора придется делать (с исключительной низкой вероятностью, что «больше – значит лучше»). Однако с этим утверждением можно поспорить: ведь государственная политика по своему характеру не является «машиноподобной деятельностью» (Stewart, 2006), потому что включает в себя не только технологический процесс, но и ценности, на которых она строится, и ценности тех людей, которых она объединяет.

Юридическая: защита данных. Проблема нарушения конфиденциальности становится предметом спора в юридических дисциплинах: защита персональных данных, угрозы использования личных данных злоумышленниками, кибер-атаки – все это способствовало созданию особого регули-

рования на государственном уровне (например, принятие соответствующих законов в Эстонии, США, Швеции (Motupalli, 2017)). На уровне Евросоюза в данный момент действует «Общий регламент о защите персональных данных»¹ (General Data Protection Regulation, GDPR), который заявляет своей целью гарантирование защиты персональных данных граждан ЕС, «вне зависимости от того, куда они отправлены, где они обрабатываются или хранятся — даже за пределами ЕС, как это часто бывает в случае использования сети Интернет»².

Таким образом, формирование понятия больших данных еще не завершено и продолжается в настоящий момент. Исследователями подтверждается положительная взаимосвязь больших данных с процессом принятия решений: автоматизация сокращает расходы и повышает эффективность в области государственного управления, а большие данные позволяют быстрее и качественнее выявлять и удовлетворять запросы граждан. Тем не менее, существует ряд проблем, осложняющих внедрение больших данных в процесс управления: технические и юридические проблемы в меньшей степени касаются политологии и решаются исследователями других областей науки. Политическую науку больше интересует процесс принятия решений, акторы, участвующие в этом процессе (аналитики больших данных и собственно лица, принимающие решения), а также их цели, интересы и ценности.

Большие данные в процессе принятия политических решений в российских исследованиях: от «советского Интернета» к цифровой экономике

Первые попытки российского (советского) осмысления значимости больших данных существовали еще в 1970-х гг., когда в 1971 г. была поставлена задача применения электронно-вычислительной техники для поиска оптимальных экономических решений. Планировалось за пятилетие ввести в действие более 1 600 автоматизированных систем в разных сферах (сельское хозяйство, связь, торговля, транспорт) для создания «общегосударственной системы сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством на базе государственной системы вычислительных центров и единой автоматической сети связи страны» (Бондарев, 2007). Однако впоследствии проект претерпевал изменения и не был реализован по политическим и экономическим факторам ввиду своей дороговизны, а также бюрократических особенностей и сложностей внедрения технологий в государственную систему управления.

Современные авторы продолжают осмысление новых обстоятельств ввиду появления больших массивов данных и способов их обработки, и дальнейшей имплементации их в систему государственного управления. Однако, если количество зарубежных работ по теме больших данных и государственного управления исчисляется тысячами, а в узкой, интересующей нас сфере, – сотнями, то количество отечественной научной литературы значительно ниже. По заданным нами в самом начале параметров поиска (см. параграф 1.1.) было обнаружено 39 исследований, отвечающих требованиям, за последние 5 лет (см. рис. 2). Ввиду малого количества публикаций, можно осторожно предположить, что российская наука в меньшей степени вовлечена в осмысление проблем, возможностей и угроз больших данных в процессе принятия решений.

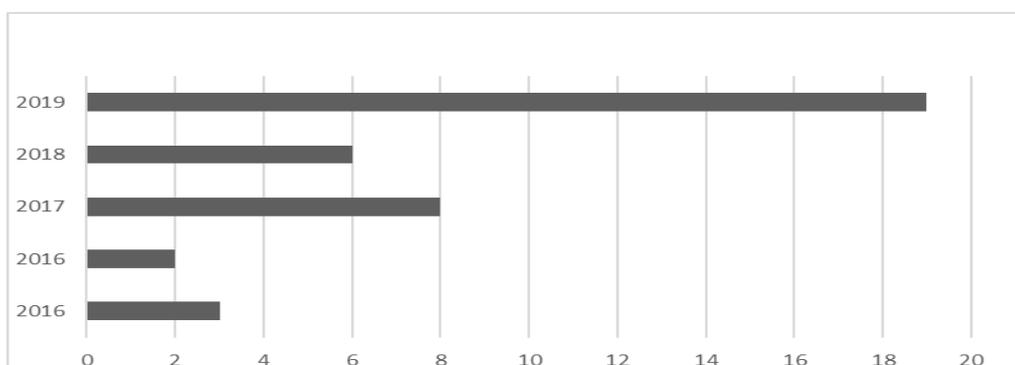

Рис. 2. Количество статей по теме Большие данные в государственном управлении в России: сравнительный анализ влияния на процесс принятия политических решений (2015–2019 гг., ед.). Данные взяты из базы данных «Scopus»

¹ Документ опубликован на сайте Европейского союза 23.05.2019г. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/44163/node/44163_en (дата обращения: 01.04.2020).

² Там же.

Зарубежный и отечественный опыт внедрения использования больших данных позволяет рассматривать эволюцию современного государства в условиях развития новых цифровых технологий во взаимосвязи с электронным правительством (Сидорова, 2017). Существуют примеры использования больших данных для прогнозирования преступности на определенных территориях (Авдеева, 2016). В России, например, массив данных, поступающих с видеокамер комплексной системы «Безопасный город» (информационно-аналитическая система, введенная в Москве), позволил раскрыть около 70% от общего количества раскрытых преступлений в 2014 г. Система состоит, в свою очередь, из множества взаимосвязанных систем: транспортная, системы электроснабжения, телекоммуникационная, и позволяет собирать множество данных, чтобы на их основе принимать оперативные требуемые решения (Булгакова, 2015). Несмотря на позитивную оценку работы данной системы, нельзя не предположить возможное использование тех же данных в собственных интересах всеми участниками сбора, обработки информации и лицами, принимающими решения.

Все принимаемые решения нуждаются в нормативно-правовом регулировании, создании правовой базы во избежание рисков оборота данных в государственном управлении (Двинских, 2019). Основным документом, на котором построено планирование стратегий развития оборотов данных в России является «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹» (2018 г.). Кроме вопросов стратегического развития, она касается также вопросов регулирования рисков в связи с возросшим числом государственных организаций и коммерческих структур, которые собирают первичную информацию о юридических и физических лицах. Это, в первую очередь, потенциальные угрозы конфиденциальности информации и необходимость защиты гражданских прав в цифровой среде (Савельев, 2015). Невозможно предугадать, каким образом компании используют полученную информацию о пользователях, согласившихся с их «политикой конфиденциальности» (например, каким образом поставленный «лайк» в социальных сетях, данные GPS навигатора или поисковые запросы в поисковых системах могут в дальнейшем отразиться на частной жизни пользователя).

Возрос также электронный документооборот между различными государственными ведомствами. Д. Двинских и Э. Талапина (2019) отмечают следующие риски «государственных данных»: *необходимое увеличение затрат на анализ данных в силу отсутствия их стандартизации* (предложение авторов по нивелированию рисков - стандартизация представления, обработки и хранения данных в государственном управлении); *замедление формирования потока данных* (создание нормативно-правового регулирования оперативного обновления и использования данных); *киберугрозы для государственных информационных систем, риски потери либо пиратского использования конфиденциальных и секретных данных* (предложения касаются как участия в разработке норм международного права по соблюдению кибербезопасности информационной инфраструктуры, так и разработки учебных программ по информационной безопасности, обучение сотрудников госучреждений и населения, а также организации специальных информационных платформ для обмена актуальными данными о киберугрозах и их источниках всех участников информационных рынков). Отмечается, что многие недостатки в правовом регулировании могут являться следствием недостаточной комплексной (одновременно и экономической, и юридической) проработки данного вопроса. Таким образом, отечественные исследования также можно условно разделить по критериям имеющихся проблем и/или потенциальных угроз: технологическим, человеческим и юридическим. Стоит отметить, что фокус современных исследований, проведенных по теме больших данных в государственном управлении смещен в плоскость юриспруденции.

Кроме «формального» понимания и определения данных, оценки различных видов потенциальных угроз и сложностей, связанных с использованием больших данных в процессе принятия решений, существует также понимание данных в зависимости от содержащейся в них информации или даже знания. В этом смысле Д. Двинских и Э. Талапина (2019) предлагают иное понимание «семантической пирамиды DIKW», или «пирамиды Акоффа» (Ackoff, 1989, cited in Двинских и Талапина, 2019).

¹ Паспорт Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

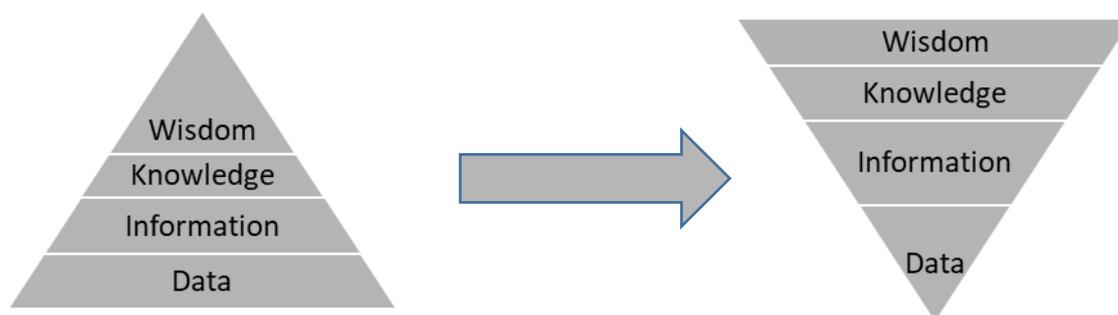

Рис. 3. Пирамида Р. Акоффа (слева) и предложенная перевернутая пирамида Акоффа (справа)

Данные являются основанием, «сырьем» и получаются из окружающей нас среды; информация – данные, которые сопровождаются смысловой нагрузкой; знание – проверенная на практике и зафиксированная информация, которой может пользоваться любой человек; мудрость – применение и использование полученного. Авторы указывают на то, что в эпоху больших данных представляется возможным перевернуть эту пирамиду и создать «воронку», где готовые информационно-аналитические системы (мудрость) будут являться фильтром. Отмечается, что технократический подход к управлению (предложенные технологические решения для нивелирования рисков) имеет и свои пределы: стремление к увеличению скорости обработки информации и возможность финансовой оптимизации сталкивается с «управлением» и «политикой», которые не могут основывать свои решения только на основе количественной информации, но должны применять человеческое участие, так называемую «мудрость».

К сожалению, российское исследовательское поле в области больших данных разработано меньше, чем в зарубежной науке, что может быть обусловлено историческими причинами. Большинство российских исследований посвящены необходимости законодательного регулирования цифровой среды: стандартизации данных, защиты данных пользователей, международной информационной безопасности. Таким образом, можно рассуждать о том, что российское академическое сообщество в большей степени направляет свои силы на предотвращение потенциальных угроз в процессе использования больших данных. Тем не менее, на государственном уровне признается необходимость внедрения больших данных в процесс государственного управления, что отражается в национальных программах и стратегиях развития. Однако у исследователей возникают сложности с оцениванием эффективности принятых политических решений, где следует учитывать не только качество использованных при принятии решения больших данных, но и человеческий фактор. В следующем разделе описывается методология, предложенная Ван дер Вуртом (2019), где именно человеческий фактор, выраженный в модели взаимодействия различных акторов процесса принятия решений и их интересов, играет важную роль при оценке влияния больших данных на принятые решения.

Методология Ван дер Вурта (2019) для анализа влияния больших данных на процесс принятия решений

Для анализа академической литературы в данной статье учитывались различные оценки взаимосвязи больших данных в государственном управлении: как позитивные факторы, так и различного рода «проблемы и угрозы». Однако разные исследования по-разному оценивали влияние данных на процесс принятия решений. Невозможно однозначно проверить или оценить взаимосвязь на отдельно взятых примерах каждого исследования ввиду их разрозненности и разных акцентах на различные элементы. Возникает предположение о том, что в методологии оценки таких исследований присутствует «серая зона»: каким образом можно оценить влияние больших данных на процесс принятия политических решений, учитывая достоверность полученных данных и интересы политических агентов?

Учитывая конфликт интересов и наличие разных «логик» при принятии решений, предлагается заострить внимание на предлагаемой в исследовании Ван дер Вурта (2019) модели анализа использования информации (в любых исследованиях, посвященных большим данным и процессу принятия решений) для принятия решений на основе нескольких «типов» («логик»).

**Логика использования информации для принятий решений
(Van der Voort, 2019, p. 29)**

Критерий	Информационная логика	Логика принятия решения
Роль	Поддержка решений	Контроль источников информации
Качество	Разнообразиие	Отбор
Основа для выбора	Методологическая	Идеологическая

Кроме того, отмечается, что необходимо различать два взгляда на общественное принятие решений (Ван дер Вурт, 2019): *рациональный* (четкий процесс, где данные помогут улучшить различные этапы процесса, где нужны данные) и *политический* (динамичный и неустойчивый процесс, при котором политические и другие цели определяют, где, каким образом и когда использовать большие данные). Следовательно, «лучше» для каждого агента будет своим. Для того чтобы проанализировать зависимость между двумя «логиками», предлагается сопоставить их следующим образом:

**Четыре перспективы влияния больших данных на принятие решений
(Van der Voort, 2019, p. 29)**

Взгляд	Информационная логика	Логика принятия решений
Рациональный/ Аналитический	Квадрант 1. Оптимизация информации Аналитики данных могут рационализировать процессы, сводя «лучшие» данные в более доступный формат	Квадрант 2. Оптимизация решений Лица, принимающие решения, могут рационализировать процессы, извлекая только необходимую им информацию для принятия своих решений
Политический	Квадрант 3. Политика алгоритмов «Умные» алгоритмы предоставляют аналитикам данных возможность влиять на результаты, предоставляя информацию лицам, принимающим решения	Квадрант 4. Информационный рынок Большие данные предоставляют лицам, принимающим решения, возможность ограничить их зависимость от информации из конкретных источников

Получившиеся 4 квадранта (табл. 2), отражают структуру из 4 тезисов, объясняющих, как большие данные влияют на процесс принятия политических решений. Они не исключают, но наоборот, дополняют друг друга и позволяют увидеть полную картину взаимосвязи аналитиков данных и лиц, принимающих решения:

Квадрант 1 сочетается с высказыванием Дж. Хехтля (2016), которое упоминалось выше: «*чем больше информации, тем лучше решения*». Большие данные позволяют аналитикам данных предоставлять «лучшую» (количественно подкрепленную, объективную) информацию лицам, принимающим решения.

Квадрант 2: Большие данные влияют на принятие решений, позволяя лицам, принимающим решения, лучше усваивать информацию от аналитиков данных (например, с помощью визуализации данных).

Квадрант 3: Большие данные влияют на процесс принятия решений, позволяя аналитикам данных преследовать собственные интересы. Аналитики данных могут принимать собственные решения на этапе обработки данных (например, деление данных на категории или по временным отрезкам), которые могут повлиять на принятие конечного решения.

Квадрант 4: Большие данные позволяют лицам, принимающим решения, выбирать из огромного количества информации только ту, что нужна для легитимации их решения. Таким образом, большие данные позволяют лицам, принимающим решения, преследовать собственные интересы, а сам процесс принятия решений перестает быть цикличным.

В своем исследовании Ван дер Вурт (2019) пришел к выводу, что лица, принимающие решения, имели право по своему усмотрению включать, исключать, использовать или игнорировать информацию, которую они получают из больших данных. Таким образом, нельзя утверждать, что большие данные в их первоначальном виде («сырые данные», не преобразованные в информацию) влияют на процесс принятия решений, однако, при избирательном использовании и осмыслении, они являются позитивным фактором развития событий и усиливают свою роль в разработке политики. Лица, принимающие решения, должны принимать во внимание не только точную полученную сухую информацию, но и гибкие размышления по поводу полученного. Этой логике соответствует и предложенная в исследовании Двинских и Талапиной (2019) перевернутая «пирамида Акоффа», предлагающая брать за основу «мудрость».

Подобные методологии необходимы для того, чтобы более систематично и объективно подходить к оцениванию результатов существующих исследований. При наличии общих «за» и «против» использования больших данных в процессе принятия решений остается неоднозначным понимание того, насколько сильна значимость их применения. Исследователи по-своему оценивают влияние одного аналитического измерения (большие данные) на другое (принятые решения), показывая результаты с помощью конкретных примеров их применения, однако невозможно однозначно оценить результаты их взаимодействия.

Заключение

В настоящий момент существует большое количество литературы, посвященное как потенциалу больших данных, так и потенциальным угрозам, и сложностям в связи с их использованием и взаимосвязи больших данных с процессом принятия решений. Вопрос об определении понятия больших данных поднимался еще в конце XX в., и определение до сих пор меняется, дополняется и расширяется. Можно говорить о том, что степень исследованности взаимосвязи больших данных и политики (во всех ее типах и уровнях) является обширной, однако, довольно эмпирической.

Текущие исследования больших данных в государственном секторе подчеркивают технические и рациональные факторы, уделяя гораздо больше внимания данным и аналитическим результатам, а не их взаимодействию с конечным решением, используя при этом метод кейс-стади. Подавляющее большинство исследователей в своих выводах соглашались с тем, что существует множество позитивных эффектов от применения больших данных в процессе принятия решений: большой охват исследуемой аудитории, показателей; облегчение методов сборов необходимой информации, экономическая выгода от их (больших данных) применения. Также можно отметить согласие по поводу большого количества потенциальных угроз, таких как: нарушение конфиденциальности, отсутствие объективности при обработке данных аналитиками и дальнейшем принятии решений на основе полученных данных (попытки адаптировать результаты данных под собственные интересы), а также экономические трудности для государства при использовании больших данных (большая финансовая нагрузка на государственные институты, бюрократия на стадии утверждения планов по внедрению использования больших данных).

Основной проблемой для анализа степени влияния больших данных на процесс принятия решений является упущение из вида роли политических акторов в этом процессе. Действительно, формула «чем больше информации, тем лучше решения» выглядит интуитивно правильной и легко доказуемой, но она не учитывает весь процесс: необходимость сбора, обработки, визуализации данных, и лишь затем, принятия соответствующего решения. В этом процессе по меньшей мере участвуют две группы людей (аналитики данных и лица, принимающие решения), которые имеют собственные интересы и могут принимать промежуточные решения, которые влияют на конечный результат.

Описанная в данной статье методология Ван дер Вурта, как нам кажется, в дальнейшем может быть использована для лучшего объяснения механизмов взаимодействия двух ключевых акторов в процессе принятия решений и понимания роли больших данных в этом процессе. Эта методология подходит для качественных исследований по методу кейс-стади, т.к. она предполагает включенное наблюдение и/или подробное изучение документов и протоколов встреч для полного понимания процесса взаимодействия аналитиков данных и лиц, принимающих решения. Взгляд на процесс принятия решений не как на цикл последовательных действий, а как на некоторое количество итераций между участниками процесса, поможет, если учесть четыре квадранта, ответить на вопрос, как именно большие данные повлияли на процесс принятия конкретного решения.

Список литературы / References

- Авдеева, И. А. (2016) 'Анализ зарубежного опыта использования глобальных технологий «BigData»', *Вестник евразийской науки*, 6(37), сс. 1–11. [Avdeeva, I. A. (2016) 'Analysis of foreign experience of using global technologies «Big Data»' [Analiz zarubezhnogo opyta ispol'zovaniya global'nyh tehnologij «Big Data»], *Eurasian Scientific Journal*, 6(37), pp. 1–11. (In Russ.)].
- Балашов, Б. М. (2017) 'Большие данные и их применение в предвыборной борьбе', *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 11. [Balashov, B. M. (2017) 'Big data and its application in the election campaign' [Bol'shie dannye i ih primeneniye v predvybornoj bor'be], *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 11. (In Russ.)].
- Бондарев, В. (2007) 'Почему не заработал советский Интернет?', *Родина*, 7, сс. 113–116. [Bondarev, V. (2007) 'Why Soviet Internet did not work?' [Pochemu ne zarabotal sovetskiy internet?], *Rodina*, 7, pp. 113–116. (In Russ.)].
- Булгакова, Е. В. (2015) 'Использование «больших данных» в системе государственного управления: условия, возможности, перспективы', *Юридическая наука и практика: Вестник нижегородской академии МВД России*, 3, сс. 10–14. [Bulgakova, E. V. (2015) 'The use of "big data" in the public administration: conditions, opportunities, prospects' [Ispol'zovaniye «bol'shikh dannykh» v sisteme gosudarstvennogo upravleniya: usloviya, vozmozhnosti, perspektivy], *Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, 3, pp. 10–14. (In Russ.)].
- Двинских, Д. Ю., Талапина, Э. (2019) 'Риски развития оборота данных в государственном управлении', *Вопросы государственного и муниципального управления*, НИУ ВШЭ, 3, сс. 7–30. [Dvinskikh, D. and Talapina, E. (2019) 'Risks of Data turnover development in public administration' [Riski razvitiya oborota dannykh v gosudarstvennom upravlenii], *Public Administration Issues*, NRU HSE, 3, pp. 7–30. (In Russ.)].
- Савельев, А. (2015) 'Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «больших данных» (Big Data)', *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 1, сс. 43–66. [Savelyev, A. (2015) 'The Issues of Implementing Legislation on Personal Data in the Era of Big Data' [Problemy primeneniya zakonodatel'stva o personal'nykh dannykh v epokhu «bol'shikh dannykh» (Big Data)], *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 1, pp. 43–66. (In Russ.)].
- Сидорова, А. А. (2017) 'Электронное правительство: повышение общественного участия в управлении государством', *Государственное управление. Электронный вестник*, 62(3), сс. 87–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnnoe-pravitelstvo-povysheniye-obschestvennogo-uchastiya-v-upravlenii-gosudarstvom> (дата обращения: 01.04.2020). [Sidorova, A. A. (2017) 'E-Government: Increasing public participation the government of a state' [Elektronnoje pravitel'stvo: povysheniye obshchestvennogo uchastiya v upravlenii gosudarstvom], *Public Administration E-Journal*, 62(3), pp. 87–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnnoe-pravitelstvo-povysheniye-obschestvennogo-uchastiya-v-upravlenii-gosudarstvom> (accessed 01.04.2020). (In Russ.)].
- Boyd, D. and Crawford, K. (2012) 'Critical Questions for Big Data', *Information, Communication & Society*, 15(5), pp. 662–679.
- Brynjolfsson, E. and McAfee, A. (2014) *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. W. W. Norton & Company.
- Chaudhary, D., Bhushan, K. and Gupta, B. V. (2018) 'Survey on DDoS Attacks and Defense Mechanisms in Cloud and Fog Computing', *International Journal of E-Services and Mobile Applications (IJES-MA)*, 10(3), pp. 61–83.
- Dijck, J. (2014) 'Datafication, dataism and dataveillance: Big Data between scientific paradigm and ideology', *Surveillance & Society*, 12(2), pp. 197–208.
- Hazen, B. T., Skipper, J. B., Boone, C. A., Hill, R. R. (2018) 'Back in business: Operations research in support of big data analytics for operations and supply chain management', *Annals of Operations Research*, 270(1–2), pp. 201–211.

- Helbig, N., Dawes, S., Dzhusupova, Z., Klievink, B. and Mkude, C. G. (2015) 'Stakeholder engagement in policy development: observations and lessons from international experience', *Policy practice and digital science*, Springer, Cham, pp. 177–204.
- Höchtel, J., Parycek, P. and Schöllhammer, R. (2016) 'Big data in the policy cycle: Policy decision making in the digital era', *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*, 26 (1-2), pp. 147–169.
- Janssen, M., van der Voort, H. and Wahyudi, A. (2017) 'Factors influencing big data decision-making quality', *Journal of Business Research*, 70, pp. 338–345.
- Kitchin, R. (2014) 'The real-time city? Big data and smart urbanism', *GeoJournal*, 79(1), pp. 1–14.
- Klievink, B., Romijn, B.-J., Cunningham, S. and de Bruijn, H. (2017) 'Big data in the public sector: Uncertainties and readiness', *Information systems frontiers*, Springer US, 19, pp. 267–283.
- Kumar, M., Singh, G., Baluja, S. and Sahu, D. P. (2017) 'Big data analytics through crowdsourcing', *COMPUSOFT, An international journal of advanced computer technology*, 6(5).
- Laney, D. (2001) '3D Data Management: Controlling Data Volume, Velocity and Variety', *META Group Research Note*, 6.
- Lim, C., Kim, K. J. and Maglio, P. P. (2018) 'Smart cities with big data: Reference models, challenges, and considerations', *Cities*, 82, pp. 86–99.
- Maciejewski, M. (2017) 'To do more, better, faster and more cheaply: using big data in public administration', *International Review of Administrative Sciences*, 83(1S), pp. 120–135.
- Manyika, J. (2011) *Big Data: The next frontier for innovation, competition, and productivity*. McKinsey Global Institute.
- Misuraca, G., Mureddu, F. and Osimo, D. (2014) 'Policy-making 2.0: Unleashing the power of big data for public governance', *Open Government*, New York, Springer, pp.171–188.
- Moorthy, J. and Ghosh, P. (2015) 'Big Data and Consumer Privacy', *VIKALPA, The Journal for Decision Makers*, 40(1), pp. 74–96.
- Morozov, E. (2014) 'The rise of data and the death of politics', *The Guardian*, 20 (7).
- Motupalli, V. (2017) 'How Big Data is Changing Democracy', *Journal of International Affairs*, 71(1), pp. 71–80.
- Pencheva, I., Esteve, M. and Mikhaylov, S. J. (2018). 'Big Data and AI – A transformational shift for government: So, what next for research?', *Public Policy and Administration*, SAGE Publications, 35 (1), pp. 24–44.
- Rijmenam, M. (2013) 'Why The 3V's Are Not Sufficient To Describe Big Data', *Dataflog*. URL: <https://dataflog.com/read/3vs-sufficient-describe-big-data/166> (accessed 1.04.2020).
- Stewart, J. (2009) 'Value conflict and policy change. In Public Policy Values', *Palgrave Macmillan*, London, pp. 33–46.
- Van der Voort, H. G., Klievink, A. J., Arnaboldi, M. and Meijer, A. J. (2019) 'Rationality and politics of algorithms. Will the promise of big data survive the dynamics of public decision making?', *Government Information Quarterly*, 36(1), pp. 27–38.
- Vydra, S. and Klievink, B. (2019) 'Techno-optimism and policy-pessimism in the public sector big data debate', *Government Information Quarterly*, 36 (4), pp. 27–38.

Статья поступила в редакцию: 18.04.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 11.07.2021

Статья принята к печати: 30.07.2021

**BIG DATA IN THE DECISION-MAKING PROCESS IN PUBLIC POLICY:
FROM ANALYSIS OF THEORIES TO EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF PRACTICES**

S. A. Shmeleva

S. A. Shmeleva, Postgraduate student of the Department of Applied Political Science,
National Research University Higher School of Economics, Russia, St. Petersburg.
E-mail: svanshmeleva@gmail.com (ORCID: 0000-0002-7821-1057).

Abstract

This article analyzes the theoretical research base of the last decade on the use of big data in the decision-making process in public administration and describes the methodology proposed by Van der Voort for evaluating the influence of the two elements on each other. Based on the analysis, it is concluded that there is an extensive study of the use of big data in public administration with an emphasis on potential benefits and threats that conditionally divides researchers into techno-optimists and techno-pessimists. Most studies are empirical in nature, however, they are fragmented and use different approaches to identify the relationships between big data and political decision making. The question arises as to how can we verify or evaluate the relationship between big data and the political decision-making process, taking into account both the dubious reliability of the data used in the process and the interests of decision-makers. The article describes the methodology proposed by Van der Voort for assessing these relationships taking into account the role of actors in the political decision-making process using big data, as well as their interests and values.

Keywords: Big Data; political process; policy; public administration; decision making process; Ackoff's pyramid; political actors.

УДК-327(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-52-59

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС МЯГКОЙ СИЛЫ: «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК» НА СТРАЖЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Т. А. Подшибякина

Подшибякина Татьяна Александровна, кандидат политических наук, доцент,
Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону.
E-mail: tan5@bk.ru (ORCID: 0000-0002-2689-8387).

Аннотация

Исследуется проблема применения Россией «мягкой силы» в реализации внешнеполитического курса в контексте нарративного научного направления. Цель – описание стратегических нарративов как коммуникативной технологии «мягкой силы»; для этого вначале потребовалось оценить эвристические возможности концепции стратегических нарративов в качестве аналитического инструмента исследования, ответить на вопрос о валидности соответствующей методологии выбранной теме, операционализировать ее для эмпирической части исследования через понятие политических ресурсов мягкой силы. В связи с тем, что в качестве политической практики был выбран кейс гражданской акции «Бессмертный полк», смысл которой заключается в шествии с портретами родственников, участников Великой Отечественной войны, потребовалось уточнить, относится ли фотография к разновидности нарратива и предложить триангуляцию нарративного и количественного методов анализа. Эмпирическую часть исследования составил контент-анализ, позволивший зафиксировать динамику распространения по миру акции «Бессмертный полк». Результатом стала оценка эффективности использования стратегических нарративов как ресурса мягкой силы России во внешней политике на примере акции «Бессмертный полк» на мировом уровне. Проведена классификация медиа-ресурсов как коммуникативных посредников в распространении стратегических нарративов. Показано, что нарратив, который Россия пытается донести при помощи соответствующих стратегий, – это история Великой Отечественной и Второй мировой войны, отражающая официальный дискурс исторической политики и политики памяти об этих событиях.

Ключевые слова: нарратив; стратегический нарратив; мягкая сила; политические ресурсы; акция «Бессмертный полк»; медиа-ресурсы; коммуникативные технологии.

В мировой политике за Россией закрепился образ «макиавеллистского государства», без колебаний применяющего силу для защиты своих интересов, если это требуется. А вот демонстрация флага, то есть использование «мягкой силы» во внешнеполитическом курсе страны, если судить по зарубежным публикациям, оценивается далеко не однозначно, хотя усилия политического руководства в этом направлении заметны (Gackowski & Brylska, 2020). Свидетельством тому выступает пропагандистская кампания по продвижению идеи «Русского мира», активно проводимая в недалеком прошлом, с 2007 по 2014 гг., и уже вошедшая в историю идеологических геополитических войн.

Концепция мягкой силы Джозефа Ная описывает возможность влиять посредством косвенного воздействия на участников мировой политики, но в российском случае довольно сложно найти примеры, когда другие страны, как сказано в определении «мягкой силы» (Nye, 2004), захотят следовать России, вдохновляясь ее ценностями. На это есть масса причин: недоброжелатели указывают на имперские амбиции России, идеологические разногласия с ней, агрессивный характер ее внешней политики, и список претензий этим далеко не исчерпывается. Тем более интересными для исследования являются редкие примеры распространения по миру российского опыта, достойного подражания и уважения, являющегося воплощением наших мировоззренческих ценностей и предметом нашей гордости. К таковым можно отнести гражданскую акцию «Бессмертный полк», уверенно набирающую сторонников и искренних последователей во всем мире. И все же со стороны политической власти разных уровней заметны усилия по превращению мероприятий гражданского движения в технологию продвижения наших интересов на мировой арене.

В качестве одного из самых распространенных инструментов реализации мероприятий «мягкой силы» посредством коммуникации в мировой практике часто используются стратегические нарративы. Цель данного небольшого исследования – рассмотреть концепции стратегических нарративов в качестве аналитического инструмента и оценить эффективность применения стратегических нарративов в политической практике на примере акции «Бессмертный полк» как инструмента «мягкой силы» по защите исторической правды о Великой Отечественной войне.

Концепция стратегических нарративов

Концепция стратегических нарративов, которую разработали британские ученые Алистер Мискиммон, Бен О'Лоулин и Лаура Розелле (Miskimmon et al., 2013) для анализа влияния акторов на пользователей Интернета с помощью новых медиа, позволяет выделить два дискурсивных уровня взаимодействия ее участников: уровень свободной коммуникации и коммуникативного целенаправленного воздействия стратегических игроков. Концепция стратегических нарративов чаще всего используется применительно к исследованию проблем именно международных отношений (Livingston & Nassetta, 2018), тем самым отличаясь от известной концепции нарративных стратегий, однако авторы не исключают ее применения к «национальным нарративам» (Roselle et al., 2014). Стратегические нарративы – это средство коммуникации, с помощью которого политические субъекты конструируют общий смысл международной политики и формируют представления, убеждения и поведение внутренних и международных субъектов (Miskimmon et al., 2017).

Базовым понятием теории является понятие нарратива, в широком значении подразумевающее некую «историю», представляющую события прошлого, настоящего и будущего в виде каузальной цепочки причинно-следственных связей, а стратегии придают нарративам символический смысл и определяют способ их продвижения. Алистер Мискиммон, Бен О'Лоулин и Лаура Розелле указывают на три малоизученных аспекта исследования «мягкой силы», которые можно лучше узнать, применив концепцию стратегических нарративов: ресурсы мягкой силы, процессы, посредством которых действует мягкая сила и условия, при которых ресурсы мягкой силы могут быть использованы для поддержки внешней политики. Уникальность данной концепции заключается в особых условиях ее применения – «медиаэкологии», что позволяет средства массовой информации наряду с политической властью рассматривать в качестве участника конструирования стратегических нарративов, а не только их «распространителя» (Roselle et al., 2014: 74).

Ряд исследователей предлагают в качестве приоритета рассматривать не процесс «распространения» стратегических нарративов, а проблему их рецепции потребителями информации. Работа Томаша Гацковского, и Каролины Брыльской «Макиавеллистская Россия» в Крымском конфликте: уточнение метода анализа стратегических нарративов» так описывают механизм распространения средствами массовой информации стратегических нарративов: «События переосмысливаются (в процессе кодирования и расшифровки смысла) журналистами (СМИ) применительно к историческому контексту. Затем они анализируются и усваиваются получателями средств массовой информации благодаря их исторической памяти, знаниям, личному и национальному опыту. По сути, интерпретация текущих событий средствами массовой информации, кажется, основана на стратегических нарративах и находится под влиянием исторического контекста и сравнений, которые создают определенный пузырь вокруг получателей сообщений СМИ» (Gackowski & Brylska, 2020). Шествие «Бессмертного полка» рассматривается как политика перформативной опосредованной памяти, обеспечивающая основу для движения подражателей и как коммуникативная технология формирования транснациональных общественных сфер (Davydova-Minguet, 2018). Считается, что это помогает русской диаспоре, мигрантам «внедрять свои собственные мнемонические нарративы в принимающие общества, учитывая присущую им транскультурную лиминальность и в целом более слабые социально-экономические позиции (Krawatzek & Soroka, 2020).

Другой важный аспект исследования стратегических нарративов – оказание ими влияния на политические сообщества и реализуемую ими политику (Van Noort, & Colley, 2021). Оливье Шмитт считает, что большинство исследований стратегических нарративов посвящено их созданию и взаимодействию с другими элементами государственной власти при проведении внешней политики, а вопрос о том, как целевые политические сообщества воспринимают эти стратегические нарративы и, следовательно, как эти нарративы могут иметь политическое влияние, изучен недостаточно, в част-

ности, оценка влияния политических мифов (Schmitt, 2018). В этой связи один из самых заметных в дискуссиях вопрос – почему одни стратегические нарративы успешно влияют на результаты политики, а другие – нет?

В развитие концепции стратегических нарративов предполагается на эмпирическом материале контент-анализа акций «Бессмертного полка» за рубежом проанализировать роль средств массовой информации и новых медиа в распространении данной стратегии и оценить ее эффективность с точки зрения коммуникативных характеристик: формирования, трансляции и рецепции; а также оценить институционализированность данной политической акции как пропагандистской технологии и реализации в виде практики.

Прежде чем использовать концепцию стратегических нарративов в качестве методологического обоснования выбранной темы, необходимо оценить ее валидность; поскольку речь идет о качественном методе, встает проблема кодировки эмпирического материала, давно известная как самое «узкое» место обработки результатов, полученных качественными методами. Это тем более важно, поскольку чаще всего, если судить по зарубежным публикациям по теме стратегических нарративов, используется прием триангуляции, сочетания различных методов: фрейминга, дискурс-анализа, контент-анализа, а также комбинирование разных подходов: концепции стратегий в рамках теории «структура нарративной политики» (Narrative Policy Framework: NPF) (Shanahan et al., 2011) и теории стратегий, или сочетание теории стратегий с теорией фрейминга (Jones, 2018).

В исследованиях, основанных на применении качественных методов, не существует четкого свода правил и описания установленной процедуры валидации, которая подходила для любого предмета исследования (Saldaña, 2021). К нарративному анализу, предполагающему процедуру исследования многообразных случаев, интервью, кейсов, где невозможно применение статистического приема выборки, это утверждение правомерно даже в большей степени. Ответ на вопрос пригодна ли концепция стратегических нарративов для исследования конкретного случая акции «Бессмертный полк», зависит от доказанности некоторых исходных утверждений: первое, что данное явление в своей структуре имеет нарративные элементы; второе: существует набор акторов, применяющих нарратив как стратегию трансляции своего влияния.

Исторический аспект исследования добавляет еще один вопрос: является ли рассказанная история истинной, как она соотносится с другими нарративами данной тематики? Кэтрин Рисман в книге «Нарративные методы для гуманитарных наук» замечает: истории, те, что не выдерживают испытания и отклоняются от установленной «истины», иногда могут быть самыми интересными, потому что указывают на заглушенные голоса и подчиненное знание. Для проектов, опирающихся на реалистическую эпистемологию, установление этого соответствия истине может быть важным. Для проектов, опирающихся на социальные конструктивистские перспективы, соответствие описываемых событий в личном повествовании с другими видами свидетельств не так важно, иногда даже не имеет значения (Riessman, 2008).

И, пожалуй, самый главный вопрос, который может поставить под сомнение валидность нарративного метода применительно к анализу акции «Бессмертный полк», высший смысл которой заключается в шествии с фотографиями родных, участников Великой Отечественной войны: относятся ли фотографии к объектам нарративного анализа? На первый взгляд – не относятся, поскольку нарратив традиционно воспринимается как «повествование», «рассказ», «история». И, наверное, с этой точки зрения фотографии в качестве нарративного события могут восприниматься только в сочетании с некоей устной интерпретацией образов. Кэтрин Рисман констатирует «визуальный поворот» в нарративных исследованиях, включивший в них различные визуальные жанры: фотографию, живопись, коллаж и видеодневник. Одни исследователи рассказывают историю с изображениями, другие – об изображениях, которые сами являются формой рассказанной истории (Riessman, 2008).

Шествие «Бессмертного полка» по миру: стратегия коммуникативного продвижения официального стратегического нарратива

Можно утверждать, что набор акторов, способных применять нарратив как стратегию ограничен, так как стратегический нарратив существенно отличается от нарратива как такового, то есть некоей истории, рассказанной любым человеком, так как содержит элемент целенаправленного коммуникативного продвижения нарративного дискурса. Стратегическими игроками могут рассматривать-

ся только коллективные акторы, имеющие свои цели, обладающие собственными ресурсами для их достижения и продвижения своих интересов. В фокусе данного небольшого исследования находится официальный стратегический нарратив войны и коммуникативные каналы его распространения за рубежом. Целью стратегии гражданской акции «Бессмертный полк», реализуемой российскими властями, является защита исторической правды о Великой Отечественной войне в связи с непрекращающимися попытками за рубежом переписать историю Второй мировой войны и принизить вклад Советского Союза в победу над фашизмом. «Вопросы об относительном вкладе в победу членов антигитлеровской коалиции традиционно служили поводом для споров, но вопросы о причинах войны и её результатах, если угодно – её смысле, стали дебатироваться с новой остротой именно в условиях, когда мировой порядок, установленный в Ялте и Потсдаме, в значительной степени разрушен, а в сфере международных институтов зашатался в своих основаниях. Знак вопроса повис над главными элементами нарратива войны, который победители сформировали в Нюрнберге» (Бешкинская & Миллер, 2020: 60).

За рубежом стратегию реализует Министерство иностранных дел России, главным образом в лице Департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД РФ, действующего через координационные советы, группы активистов, в том числе в социальных сетях. Помогают в проведении акций и различные организации русской диаспоры за рубежом, культурные и русскоязычные центры, русские и международные школы, ассоциации ветеранов, сообщества «Русского мира», русскоязычные общины. Принято различать возникшее в 2012 г. как частная инициатива томских журналистов И. Дмитриева, С. Лапенкова и С. Колотовкина движение «Бессмертный полк», стихийно распространившееся по всей России, и движение «Бессмертный полк России», служащее ресурсом власти по продвижению российской стратегии нарратива памяти о войне в зарубежных акциях с 2014 г. Вопрос о сочетании государственного нарратива и групповых нарративов является одним из самых дискутируемых по проблемам политики памяти в России (Миллер, 2020), а включение индивидуальных нарративов в этот перечень еще и выводит на необходимость осмысления проблемы использования количественных методов исследования нарративов. Если сама фотография по умолчанию изначально рассматривалась как выражение поддержки общей идеи сохранения памяти о войне, то виртуальное шествие «Бессмертного полка» в 2020 г., позволившее использовать и текстовые комментарии наряду с портретами ветеранов, уже отразило разную «правду» о войне.

Личные семейные истории, воплощенные в фотографиях участников Великой Отечественной войны, которые несут участники шествий «Бессмертного полка» за рубежом, все-таки неотделимы от официального нарратива войны и способствуют коллективному выражению идентичности российской диаспоры в мире. На индивидуальном уровне в дискурсе, к каковому относится нарратив, стратегия выражается как «интенция», то есть намерение говорящего. Субъективной интенцией участников шествия является не только сохранение памяти о героях войны в семейной традиции, но и ее публичное коллективное выражение, синергетически усиливающееся посредством объединения единомышленников. Фотография как нарративная форма дискурса таким образом может быть исследована в сочетании с методами контент-анализа, отвечающего на вопрос о социальной значимости коллективной акции.

Количество участников акции «Бессмертный полк» в мире (табл. 1) и в странах постсоветского пространства (табл. 2) значительны. Не показаны страны с числом участников до 500 чел. (Австралия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Камбоджа, Чили, Китай, Куба, Хорватия, Дания, Египет, Индонезия, Италия, КНДР, Кувейт, Люксембург, Македония, Малайзия, Мексика, Марокко, Новая Зеландия, Норвегия, Палестина, Польша, Словакия, Тунис, Финляндия, Швейцария, Швеция, ЮАР, Япония) и до 100 чел. (Албания, Колумбия, Венгрия, Гонконг, Замбия, Индия, Исландия, Панама, Румыния, Словения, Филиппины). Замечание: для сводной таблицы информация о численности участников бралась из разных информационных источников, в некоторых случаях использовались данные полиции, приведены максимальные цифры, иногда информация отсутствовала, иногда была указана порядковыми значениями «десятки», «сотни», «тысячи».

Акции «Бессмертного полка» в мире

Страна	2016	2017	2018	2019
Австрия, Вена	500	500	1000	1100
Болгария	1000	3000	2000	1000
Босния и Герцеговина	-	1000	3500	3000
Канада	4200	8500	8000	7000
Кипр	100	-	4600	1300
Чехия	1000	2000	3000	3500
Греция,	500	2500	4000	5500
Великобритания	2000	100	2000	1500
Вьетнам, Ханой	-	400	1000	1200
Германия	650	800	700	3000
Израиль	3800	1000	10000	1600
Ирландия	-	2000	2000	2000
Испания	200	1400	900	1000
Южная Корея	-	500	200	700
Ливан	200	500	700	700
Монголия	-	-	-	6000
Португалия	-	600	1200	1300
Сербия	1500	3000	4000	10000
Сирия	-	-	150	550
США	600	1700	5800	4900
Таиланд	-	400	1300	800
Турция	100	300	800	2300
Франция	-	1200	2000	1300

Таблица 2

Акции «Бессмертного полка» в странах постсоветского пространства

Страна	2016	2017	2018	2019
Армения	-	3500	6000	2500
Азербайджан	100	350	1000	1000
Беларусь	5000	7000	10000	9700
Эстония	500	6000	4000	3000
Грузия	-	300	300	«десятки»
Казахстан	25500	80000	215000	145000
Украина	1000	10000	«тысячи»	100000
Киргизия	20000	30000	50000	50000
Латвия	4000	8000	15000	20000
Литва	-	3000	1000	-
Молдавия	40000	70000	100000	75000
Таджикистан	100	500	600	2000
Туркменистан	-	2000	-	-

Большинство стран показывают устойчивый рост сторонников движения «Бессмертный полк», в некоторых случаях цифры колеблются, например, большей масштабностью участия отличается 2018 г. в сравнении с последующими. Сколько бы ни было участников акции, сам факт мероприятия позволил России как стратегическому игроку артикулировать и продвигать свою оценку Второй мировой и Великой Отечественной войны. Численность прошедших маршем в памятные даты победы над фашизмом, даже если она была невелика, использовалась как информацион-

ный повод для донесения средствами массовой информации российской позиции до мировой аудитории и продвижения ее в многоязычной коммуникации. Средства массовой информации, вовлеченные в эту работу, можно разделить на три категории: крупные федеральные информационные агентства и новостные агентства как основной стратегический ресурс российской власти за рубежом, различные общероссийские издания и информационные каналы, а также информационные возможности русских общин за рубежом и совместные с Россией информационные ресурсы стран ближнего и дальнего зарубежья.

К первой категории относятся: Информационный портал о шествии «Бессмертного полка» в мире, iregiment.com; «Бессмертный полк», tourpolk.ru; Российское государственное информационное агентство федерального уровня TASS; информационное агентство РИА Новости; Федеральное информационное агентство ИА REGNUM; Информационный портал Фонда «Русский мир»; Рамблер – медийно-сервисный портал; Информационное агентство news-front.info; Аналитический портал Фонд стратегической культуры; RT – информационный телеканал.

Во вторую категорию входят такие издания, как: Взгляд. Деловая газета, vz.ru; Pravda.ru; ntv.ru; информационный портал газеты Известия, iz.ru; информационное агентство Красная весна, rossaprimavera.ru; Общероссийский федеральный государственный общественно-патриотический телеканал «Звезда»; интернет-газета lenta.ru; информационный портал life.ru; газета Комсомольская правда; RT, Российская газета; Информационное агентство Eurasia Daily (EADaily); Парламентская газета.

Третью категорию составляют средства массовой информации, подобные нижеперечисленным: Информационный портал «Русский форум в Австрии», russianaustria.com; Бельгийская Федерация Русскоязычных Организаций, bfro.be; Новости Венгрии. russkie.hu – Русские соотечественники; Портал России и ДНР, da-info.pro; Союз организаций российской соотечественников в Испании и Андорре, sors-spain.org; информационные агентства новостей России и стран СНГ, ближнего зарубежья: ArmeniaSputnik, AzeSputnik, SputnikKg, LvSputnik, LtSputnik, SputnikGeogia, Российско-армянское информационное агентство: rusarminfo, Moscow-baku.

Основным медийным стратегическим ресурсом выступает, как показал анализ, информационный портал о шествии «Бессмертного полка» в мире, iregiment.com, который с 2017 г. не только осуществляет информационное сопровождение акции, но и выполняет функцию координатора проведения акций во всем мире. Другим значимым медийным ресурсом выступают государственные информационные агентства, вещающие на дальнее и ближнее зарубежье. Как результат этих общих усилий, можно констатировать устойчивый динамический рост акции «Бессмертный полк» по всему миру и в отдельных странах, в частности. Это является свидетельством не только хорошей организации со стороны МИД, профессиональной информационной поддержки, скоординированности действий русских сообществ за рубежом, но и притягательности самой идеи единения поколений, воевавших и не знавших войны.

Уровень подготовки и проведения акции требует высокой степени организации как со стороны государства, так и со стороны координационных центров гражданского общества, что привносит в этот процесс признаки определенной технологии. Средства массовой информации придают официальной государственной стратегии распространения исторической правды о Великой Отечественной войне, определяемой властью, форму нарратива. Рецепция стратегических установок в случае с акцией «Бессмертный полк» облегчается визуализацией нарратива посредством фотопортретов, не требующей дополнительной аргументации, понятной без перевода, подкрепленной искренностью эмоций участников акции.

Заключение

Акции «Бессмертного полка» можно причислить к политике «мягкой силы», реализуемой Россией по всему миру, ресурсом которой выступает потенциал общественного движения гражданского общества, направленный на поддержание традиции уважения к памяти старшего поколения участников Великой Отечественной войны. Личные истории (нарративы), запечатленные в фотографиях родных и близких, сливаясь в единое шествие с портретами героев войны, превращаются в символическое событие коммеморации Победы русского народа во Второй мировой войне. Нарратив войны, который Россия пытается донести при помощи соответствующих стратегий, – это история Великой Отечественной и Второй мировой войны, отражающая официальный дискурс исторической политики и политики памяти об этих событиях. Основная цель нарративной стратегии – сохранить и донести историческую правду о вкладе Советского Союза в победу над фашизмом, чтобы она не пре-

вращалась для новых поколений в «неизвестную войну», противостоять попыткам прямой фальсификации итогов Второй мировой войны.

Финансовая поддержка

Исследование проводится в рамках проекта 19-011-31284 Стратегии когнитивной политической цензуры как эффект «новых медиа»: украинский кейс в сравнительной перспективе.

Список литературы / References

- Бешкинская, В., Миллер, А. (2020) 'Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну', *Россия в глобальной политике*, 18 (5), сс. 60–88. [Beshkinskaya, V., Miller, A. (2020) 'Sufferings, the feat of the rear and the common responsibility for the war' [Stradaniya, podvig tyla i obshchaya otvetstvennost' za voynu], *Russia in Global Politics*, 18 (5), pp. 60–88. (In Russ.)].
- Миллер, А. И. (2020) 'Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики', *Новое прошлое*, 1, сс. 210–217. [Miller, A. I. (2020) 'The Politics of Memory in Strategies for the Formation of National and Regional Identities in Russia: actors, institutions and practices' [Politika pamyati v strategiyakh formirovaniya natsional'nykh i regional'-nykh identichnostey v Rossii: aktory, instituty i praktiki], *The New Past*, 1, pp. 210–217. (In Russ.)].
- Davydova-Minguet, O. (2018) 'Media, memory, and diaspora politics in transnational public spheres' in: Jussi, P. (ed.) *Post-Cold War Borders*. London: Routledge, pp. 93–111.
- Fedor, J. (2017) 'Memory, Kinship, and the Mobilization of the Dead: The Russian State and the "Immortal Regiment" Movement' in: Fedor, J. (ed.) *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Palgrave Macmillan, Cham, pp. 307–345.
- Gackowski, T., Brylska, K. (2020) 'Machiavellian Russia' in the Crimean conflict: Clarification of strategic narratives analysis method', *Journalism*. Available at: URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1464884920928157>.
- Jones, M. D. (2018) 'Advancing the narrative policy framework? The Musings of a potentially unreliable narrator', *Policy Studies Journal*, 46 (4), pp. 724–746.
- Krawatzek, F., Soroka, G. (2020) 'Circulation, Conditions, Claims: Examining the Politics of Historical Memory in Eastern Europe', *East European Politics and Societies*, March 2021. doi:10.1177/0888325420969786.
- Livingston, S., Nassetta, J. (2018) 'Framing and strategic narratives: Synthesis and analytical framework', *SAIS Review*, 38(2), pp. 101–110.
- Miskimmon, A., O'Loughlin, B., Roselle, L. (2017) *Forging the world: Strategic narratives and international relations*. University of Michigan Press.
- Miskimmon, A., Roselle, L., O'Loughlin, B. (2013) *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. New York: Routledge.
- Nye, J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
- Riessman, C. K. (2008) *Narrative Methods for the Human Sciences*. CA, USA: SAGE Publications.
- Roselle, L., Miskimmon, A., O'Loughlin, B. (2014) 'Strategic narrative: A new means to understand soft power', *Media, war & conflict*, 7(1), pp. 70–84. doi:10.1177/1750635213516696.
- Saldaña, J. (2021) *The coding manual for qualitative researchers*. SAGE Publications Limited.
- Schmitt, O. (2018) 'When are strategic narratives effective? The shaping of political discourse through the interaction between political myths and strategic narratives', *Contemporary Security Policy*, 39(4), pp. 487–511.
- Shanahan, E. A., Jones, M. D., McBeth, M. K. (2018) 'How to conduct a Narrative Policy Framework study', *The Social Science Journal*, 55 (3), pp. 332–345.
- Van Noort, C., Colley, T. (2021) 'How do strategic narratives shape policy adoption? Responses to China's Belt and Road Initiative', *Review of International Studies*, 47(1), pp. 39–63. doi:10.1017/S0260210520000388.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 03.06.2021

Статья принята к печати: 30.06.2021

**STRATEGIC NARRATIVES AS A SOFT POWER POLITICAL RESOURCE:
THE IMMORTAL REGIMENT ON GUARD OF THE INTERESTS OF RUSSIA**

T. A. Podshibyakina

T. A. Podshibyakina, Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor, Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don.
E-mail: tan5@bk.ru (ORCID: 0000-0002-2689-8387).

Abstract

The article examines the question of Russia's use of "soft power" in its foreign policy in the context of a narrative scientific direction. The research goal is to describe strategic narratives as a communication technology of "soft power". The author evaluates the heuristic possibilities of the concept of strategic narratives as an analytical research tool. As the civil action "Immortal Regiment" is chosen as a political practice, it was necessary to clarify whether the photograph is a kind of narrative and to offer a triangulation of narrative and quantitative methods of analysis. The empirical part of the study is based on content analysis, allowing recording the dynamics of the global spread of the Immortal Regiment campaign. The outcome is an assessment of the effectiveness of using strategic narratives as a resource of Russia's soft power in foreign policy on the example of the "Immortal Regiment" campaign at the global level. The classification of media resources as communicative intermediaries in the spreading of strategic narratives is carried out. It is shown that the narrative that Russia is trying to convey is the history of the Great Patriotic War and the Second World War, reflecting the official discourse of historical policy and the policy of commemorating these events.

Keywords: narrative; strategic narrative; soft power; political resources; Immortal Regiment; media resources; communication technologies.

Acknowledgements: The work is implemented under project 19-011-31284 Strategies of cognitive political censorship as the effect of "New Media": Ukrainian case in comparative perspective.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-60-76

ФИННО-УГОРСКИЙ «МИР» КАК СИМВОЛИЧЕСКИ КОНСТРУИРУЕМЫЙ ПРОЕКТ

О. Б. Януш

Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права,

Казанский государственный энергетический университет.

E-mail: yanush_ob@yahoo.com (ORCID: 0000-0002-5606-5984. ResearcherID: I-3310-2018).

Аннотация

Исследуется финно-угорский «мир», понимаемый как трансграничное языковое сообщество, основанное на представлениях об общем происхождении и политико-языковой общности разных по характеру и устремлениям участников. Включает, наряду с российскими финно-уграми – официальными властями «финно-угорских» регионов России, этнонациональными движениями и интеллектуальными кругами, зарубежных акторов – Финляндию, Венгрию и Эстонию, обозначивших финно-угорскую родственную линию в своих внешнеполитических стратегиях «мягкой силы» и публичной дипломатии. Автор отмечает, что в 1990-е гг. в финно-угорском «мире» прослеживаются тенденции объединения, а в 2000-е гг. – «разъединения», и предпринимает попытку объяснить происходящие процессы в контексте внешнеполитических курсов стран-интересантов, а также этнической фрагментации среди российских финно-угорских народов. С этой целью в работе описываются: начало конструирования финно-угорского сообщества, институциональное оформление и итоги Всемирных конгрессов; роль «финно-угорского мира» во внешних политиках западных стран, включая изменения во внешней культурной политике одной из стран-участниц «мира» – Венгрии, связанные с перераспределением с финно-угорского вектора на идею «Великого Турана», имеющую серьезный экономический подтекст; несовершенства системы Всемирных конгрессов, связанные с выборами его делегатов и обнажившие этническую фрагментацию финно-угров России. Внимание уделено практикам, направленным на конструирование общепермского идентичности. Среди них отмечена инициатива «Культурных столиц финно-угорского мира», которая смотрится как объединительная попытка молодежного крыла финно-угорского «мира», сфокусированная на местном уровне сообщества. Автор делает вывод о том, что финно-угорский «мир» представляет собой символически конструируемый проект, соединяющий дивергентные позиции разнообразного круга участников, типологически определяемый как «сообщество глоттогенеза», где символические и дискурсивные начала преобладают над материальными; а двусторонние и многосторонние взаимодействия «западных» и «восточных» финно-угров в сфере культуры, науки и образования представляют собой скорее проекции «мягких сил» Финляндии, Венгрии и Эстонии, нежели устремления по созданию общепермского пространства.

Ключевые слова: финно-угорский «мир»; трансграничное языковое сообщество; «сообщество глоттогенеза»; «мягкая сила»; идентичность; Культурные столицы финно-угорского «мира».

Финно-угорский «мир» привлекает все большее внимание зарубежных и отечественных исследователей. В ряде публикаций речь идет об исторических аспектах финно-угорского движения (Saarinen, 2001; Sommer, 2014; Мясникова, 2012), в которых предприняты попытки ретроспективного анализа основных этапов его становления, начиная с первых предположений о родстве финно-угорских языков, высказанные в XVI–XVII столетиях, и заканчивая идеями воссоздания «мира», и роли Финляндии, Венгрии и Эстонии. В серии работ финно-угорский «мир» анализируется в контексте современных концепций природы национализма, воплощая логику этнополитического и этнокультурного мифотворчества (Шабаев, 2010; Шабаев, Чарина, 2010). Идеи конструктивизма прослеживаются в исследованиях, посвященных практикам использования концепций «родственных народов» и «языкового братства» в международной деятельности ряда субъектов России и публичной ди-

пломатии Эстонии, Финляндии и Венгрии (Saarinen, 2001; Фоминых, 2019; Kuznetsova, 2020). Финно-угорский «мир» рассматривается в качестве «важного элемента межгосударственных и негосударственных взаимодействий и коммуникаций, влияющих на идентичность, а также на этно- и геополитику в регионе Балтийского моря, а также в Восточной и Центральной Европе» (Kuznetsova, 2020: 117–118). Описываемый феномен анализируется в качестве транснационального политического пространства с помощью модели идентитарного профиля, включающей характеристики степени международного влияния, наличия международной организации, опыта сосуществования в рамках единого государства и многие другие параметры (Артеев, 2020).

Картина многообразия теоретических подходов может быть дополнена предлагаемым в данной статье рассмотрением финно-угорского «мира» в категориях трансграничного языкового сообщества – «сообщества глоттогенеза» – как политического проекта, в основе конструирования которого лежит преимущественно символическая политико-языковая общность.

Методология и методы исследования

Для научного объяснения и понимания сути финно-угорского «мира» мы будем придерживаться конструктивизма (Андерсон, 2001; Wendt, 1999; Алексеева, 2019: 303), позволяющего рассматривать трансграничное сообщество в качестве конструируемого политического проекта с разнородным составом участников, в основе которого лежит политико-языковая общность. Язык при этом, имея двойственную природу – маркер этничности в ее идентификационном аспекте и средство коммуникации одновременно (Mar-Molinero, 2000: 7), – выступает базой и инструментом конструирования трансграничного сообщества. При их создании акцент может делаться на символические функции языка, символическое конструирование проекта, который может быть типологически отнесен к «сообществу глоттогенеза» или сообществу дискурса, или «воображаемому сообществу» (случай финно-угорского «мира»), в отличие от «сообществ коммуникативного кода» (Мухарьямов, Януш, 2016: 136, 152), когда первостепенное значение приобретает коммуникативная мощь языка (как в случае с франкофонией, Содружеством, испанидадом, лузофонией, «Русским миром»).

Концептуальной установкой становится положение, высказанное Дж. Скоттом и сформулированное относительно «интегративного фрейма» при исследовании трансграничного взаимодействия (Скотт, 2009: 10, 12). Он пишет об отношениях между «материальными» и «дискурсивными» началами, «абстрактным» и «реальным» пространством, предлагая когнитивные, дискурсивные и материальные категории анализа.

Методологически для объяснения роли, которую играют в финно-угорском «мире» Финляндия, Венгрия и Эстония, может быть использована концепция «мягкой силы», связанная с возможностями добиваться целей во внешней политике, используя привлекательность страны, основанную на притяжении культуры, политических идеалов и ценностей, а также легитимных в глазах других государств действиях во внешней политике (Nye, 2008: 94, 97). Публичная дипломатия как один из наиболее распространенных путей реализации «мягкой силы» охватывает официальные и неофициальные каналы (неправительственные организации, университеты и т.п.) (Лебедева, 2017: 212, 217–218) зарубежных финно-угров.

Для описания состояний и процессов, происходящих в финно-угорском «мире», мы также опираемся на категорию идентичности (Семененко, 2019: 449), предполагающую инициативы и практики, направленные на конструирование общефинноугорского культурного пространства и отождествление участников сообщества с финно-угорским «миром».

С помощью исследовательского подхода и аналитического приема – метода дискурс-анализа были проанализированы материалы официальных интернет-сайтов Всемирного конгресса финно-угорских народов (www.fucongress.org) – всего 31 материал, ставший эмпирической базой исследования.

Начало конструирования и институциональное оформление финно-угорского «мира»

Предположения о родстве между некоторыми финно-угорскими языками появились в XVI–XVII столетиях, но сам факт был доказан в конце XVIII столетия двумя пионерами компаративной лингвистики – Яношем Сайновичем и Самуэлем Гьярмати (Saarinen, 2001: 41). Профессор риторики, гуманист Габриэль Портэн (1739–1804) популяризировал их идеи в Финляндии и подтолкнул финских исследователей к изучению родственных финно-угорских языков России. *Так было заложено*

начало конструирования окруженного мифами финно-угорского сообщества. В XIX в. финский лингвист А. Кастрэн (1813–1852), считающийся основателем уралистики в Финляндии и иконой финно-угорских исследований, предпринимает три экспедиции в Россию с целью сбора этнографического материала. В основе работы Кастрэна лежали не только научные интересы, связанные с изучением истории финского народа и корней финского языка: финноугристика являлась важной частью строительства национальной идентичности в Финляндии. Как отмечает Л. Зоммер в работе о финно-угорских нарративах в Финляндии и Эстонии, «финно-угорство – одно из лингвистических понятий, значение и использование которого вышли за рамки лингвистики и применялись в проектах по построению идентичности. Связанные географически и исторически случаи Финляндии и Эстонии служат хорошей иллюстрацией использования лингвистической науки на службе национализма. Более неуловимая, чем узы «славянского родства», и не так легко переводимая в панэтническую идеологию, концепция финно-угорского родства, тем не менее, постоянно присутствовала в развитии финской и эстонской идентичностей на протяжении XIX–XX вв., запутывая языковые традиции двух стран в паутине национальных отношений» (Sommer, 2014: 391).

Идея «воссоздания» финно-угорского мира, мыслимого как широкая культурная идентичность, призванная, основываясь на лингвистическом родстве, объединить разные финно-угорские народы в своеобразную социокультурную целостность, появилась в начале 1990-х гг. (Шабаев, 2006: 13). Становлению финно-угорского «мира» во многом способствовали именно национальные движения российских финно-угров. В мае 1992 г. в Ижевске состоялся первый Всероссийский съезд финно-угорских народов Российской Федерации, постановивший созвать Всемирный конгресс финно-угорских народов в ноябре 1992 г. и обратившийся к парламентам и правительствам Венгрии, Эстонии, Финляндии, государств СНГ, других государств, где проживают финно-угорские народы, «принять участие в подготовке и проведении Всемирного конгресса»¹. Ю.П. Шабаев, изучая деятельность национальных движений российских финно-угров и их заинтересованность и фактическое участие в работе Всемирных конгрессов, указывает на «причины повышенного внимания национальных лидеров к идеологической конструкции «финно-угорского мира», – «кризис самих национальных движений, для которых апелляция к «финно-угорскому миру» как к некоей социальной реальности давала шанс повысить значимость и превратить их в эффективных политических акторов, что в конечном итоге привело не к оздоровлению движений, а консервированию их неэффективности» (Ковалев, Шабаев, 2004: 131). С.В. Кардинская на примере анализа деятельности удмуртских общественных организаций – ассоциации «Удмурт кенеш» («Удмуртский совет») и печатного органа ассоциации – ежемесячной газеты «Герд», отмечает, что основная масса публикаций о «финно-угорском мире» посвящена проблеме принятия документов о правах «коренных» народов, укрепления статуса Всероссийского съезда удмуртов (и других финно-угорских этносов), принятия нормативных и законодательных актов, защищающих «коренной» народ от «внешнего и внутреннего агрессивного воздействия» (Кардинская, 2006: 56). Логика высказываний на финно-угорских конгрессах представителей удмуртского этноса такова, что «власть в руках представителей «коренных» народов является панацеей в деле спасения и сохранения финно-угорских народов, находящихся в «катастрофическом» состоянии (Там же); и позволяет говорить о том, что конструкция «финно-угорского мира» обосновывает легитимность концепта власти – права этнических меньшинств не могут быть должным образом обеспечены только в рамках индивидуальных гражданских прав, что подменяет этническую реальность, в которой многие представители этноса даже не знают о существовании «финно-угорского мира»... (Кардинская, 2006: 57).

Внимание и участие официальных властей «финно-угорских» регионов следует рассматривать в контексте политических процессов обретения суверенитета субъектами Федерации в начале 1990-х гг. и региональной парадипломатии, направленной на выстраивание внешних связей, в том числе с «родственными» зарубежными партнерами, сотрудничество с которыми способствовало становлению регионов в качестве субнациональных акторов мирополитических отношений. Регионы при этом могут руководствоваться как имиджевыми соображениями, так и стремлением решить имеющиеся социально-экономические проблемы при содействии зарубежных «родственных» народов.

Председатель Совета министров Республики Коми В.И. Худяев в своем выступлении на I Всемирном конгрессе отметил: «Республика глубоко заинтересована в расширении экономических связей с братскими народами как внутри России, так и за ее пределами... Искренне надеюсь, что наш

¹ Постановление Первого съезда финно-угорских народов РФ. Ижевск, 16 мая 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.suri.ee/kongress/esimene/postavl2.html> (дата обращения: 14.08.2021).

деловой настрой в ходе конгресса будет способствовать расширению взаимного сотрудничества. Коми Республика готова уже сегодня предложить проекты создания совместных мощностей по углю, в том числе по коксующемуся, нефти, газу, лесу и деревообработке... Мы заинтересованы в решении острых проблем через тесное взаимодействие наших стран и регионов...»¹. Впрочем, роль этнического фактора во внешнеэкономических связях российских «финно-угорских» регионов не следует преувеличивать. С.П. Артеев в этой связи на примере анализа коми-венгерского экономического взаимодействия в 1990–2000 гг. пишет о том, что «...разнообразие форм внешнеэкономической активности² не смогло обеспечить необходимый уровень эффективности. Конвертация этнического ресурса в крупные успешные экономические проекты не состоялась...» (Артеев, 2018: 197).

В итоговых документах Конгресса – резолюциях³ конструируемое сообщество «затвердевает и обретает объективность» (Кардинская, 2006: 56).

Первый конгресс (1992 г., Сыктывкар) продемонстрировал возможности использования новой структуры, поставившей задачу «достижения статуса неправительственной организации ООН» и намеревающейся «перед всем мировым сообществом отстаивать жизненные интересы народов, опираясь на принципы европейского гуманизма и нормы международного права»⁴.

На втором конгрессе (1996 г., Будапешт), констатирувавшем, что «солидарность финно-угорских народов стала фактором, с которым считается мировая общественность»⁵, было решено выработать конкретные механизмы продвижения интересов финно-угорских народов. В частности, предлагалось «стремиться к расширению форм представительства и участия финно-угорских народов в деятельности международных институтов в области прав человека, коренных народов и национальных меньшинств» и «сделать контакты между финно-угорскими народами регулярными, приступить к созданию взаимных культурных представительств»⁶.

Третий Всемирный конгресс финно-угорских народов (2000 г., Хельсинки) сосредоточил внимание на государственном и международном законодательстве, касающемся прав национальных меньшинств и коренных народов на государственном и региональном уровнях. В резолюции конгресса содержится призыв ко всем государствам, где традиционно живут финно-угорские народы, ратифицировать Рамочную конвенцию о защите прав национальных меньшинств, Хартию Совета Европы о региональных языках или миноритарных языках 222 и Конвенцию № 169 Международной организации труда⁷. К числу острых проблем была отнесена забота о сохранении и развитии языков финно-угорских народов. Важным итогом работы конгресса стало принятие Концепции стратегии в сфере медиа и информатики на 2000–2004 гг.

Четвертый (2004 г., Таллин) и пятый (2008 г., Ханты-Мансийск) конгрессы подтвердили, что их главной задачей является «сохранение и развитие финно-угорских и самодийских народов и их культур как части достояния всего человечества». Резолюции конгрессов включают в себя рекомендации принять меры в области этнополитики и права, языковых прав и образования, культуры, СМИ и информационных систем, демографии, здравоохранения и экологии для решения поставленных задач⁸.

Шестой конгресс состоялся в венгерском городе Шиофок в сентябре 2012 г. и констатировал, что за 20 лет «движение выдержало проверку временем, расширяются и углубляются сферы взаимного сотрудничества...», а «*финно-угорский мир сложился как реальность, со своей идентичностью и*

¹ Выступление В.И. Худяева на I Всемирном конгрессе финно-угорских народов. Сыктывкар (Коми Республика, Россия), 1-3 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.suri.ee/kongress/esimene/petzhatij/hudajev_p.html (дата обращения: 14.08.2021).

² Имеются в виду инвестиционные проекты, торговля, производство, совместные предприятия).

³ В случае с I Всемирным конгрессом – Декларация.

⁴ Декларация I Всемирного конгресса финно-угорских народов «Об основных принципах, целях и задачах сотрудничества финно-угорских народов мира», Сыктывкар (Коми Республика, Россия) 3 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.suri.ee/kongress/esimene/petzhatij/dekl_rup.html (дата обращения: 14.08.2021).

⁵ Резолюция II Всемирного конгресса финно-угорских народов, Будапешт (Венгрия), 19 августа 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.suri.ee/kongress/teine/resol2kong_ru.html (дата обращения: 14.08.2021).

⁶ Там же.

⁷ Резолюция III Всемирного конгресса финно-угорских народов, Хельсинки (Финляндия), 13 декабря 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.suri.ee/kongress/kolmas/venek/index_ru.html (дата обращения: 14.08.2021).

⁸ Резолюция IV Всемирного конгресса финно-угорских народов, Таллин (Эстония), 15-19 августа 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fucongress.org/congress/VI-kongress/rezolyuciya/> (дата обращения: 14.08.2021); Резолюция V Всемирного конгресса финно-угорских народов, Ханты-Мансийск, 30 июня 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fucongress.org/congress/V-kongress/rezolyuciya-V-vsemirnogo-kongressa-finno-ugorskix-narodov/> (дата обращения: 14.08.2021).

самостоятельностью, институтами и разнообразными организациями, последовательно внедряющий и реализующий в своей деятельности международные нормы в области прав человека, прав национальных меньшинств и коренных народов, включая права народов на самоопределение»¹.

Главной темой седьмого конгресса, состоявшегося в Финляндии, Лахти в июне 2016 г., стали «Финно-угорские народы к устойчивому развитию». В итоговой резолюции мероприятия отмечалось, что *молодежь* все активнее проявляет себя в финно-угорском движении, «осознает ответственность за обеспечение преемственности в освоении языков и культур своих народов, использует современные информационные технологии с ориентацией на все группы населения и представителей других народов». Участники конгресса констатировали, что «дальнейшее развитие финно-угорского сотрудничества в соответствии с национальными законодательствами стран, общепризнанными нормами и принципами международного права будет содействовать повышению культурного, образовательного потенциала его участников, способствовать взаимному обогащению финно-угорских народов. Оно направлено на укрепление всесторонних дружеских связей, открывая тем самым новые возможности для мирного и устойчивого развития наших народов и стран»².

В соответствии с решением Консультативного комитета финно-угорских народов VIII Всемирный конгресс финно-угорских народов был перенесен с 2020 г. на июнь 2021 г. и состоялся в эстонском городе Тарту. Темой конгресса объявлены «Культурные пейзажи – язык и дух». Проблемы сохранения и передачи языка, двуязычия, вопросов влияния изменений климата на финно-угорские народы и культурных инноваций; использование традиционных и новых средств массовой информации, а также применение современных языковых технологий в информационной работе финно-угорских народов стали основными для рассмотрения³.

Если в 1990-е гг. фактически наблюдаются тенденции объединения в финно-угорском «мире» с благородными и прогрессивными целями всестороннего сотрудничества, сохранения и развития финно-угорских языков, культур, развития международных связей, то в 2000-е гг. и по настоящее время можно наблюдать стадии «разъединения» и даже фактического раскола финно-угорского «мира», объяснить которые можно в контексте внешнеполитических курсов стран-интересантов – Финляндии, Венгрии и Эстонии, а также процессов этнической фрагментации среди российских финно-угров.

Поддержка «родственных» финно-угорских народов: «мягкая сила» Финляндии, Венгрии и Эстонии

Взаимодействие в сфере образования, науки и культуры регионов России с финно-угорским населением с западными странами по линии «родственных» народов демонстрировало энергичность в 1990-е гг., продолжилось в 2000–2010-е гг. и сохраняет интенсивность в настоящее время, став частью внешнеполитических стратегий «мягкой силы» Финляндии, Венгрии и Эстонии при реализации международного сотрудничества, имея особенности. Отечественный исследователь А.Е. Фоминых применяет теорию образа действий малых и средних стран к внешним политикам названных государств и объясняет причины включения «финно-угорского мира» в их внешнеполитический инструментарий тем, что «поддержка родственных финно-угорских народов является ресурсом влияния и составляет одну из «индивидуальных особенностей» их внешнеполитического поведения» (Фоминых, 2011: 280). Учитывая периферийное положение, занимаемое, по крайней мере, двумя из трех зарубежных участников финно-угорского «мира» в Европейском союзе, обращение к «мягкой силе» как инструменту усиления своего акторного потенциала за счет взаимодействий по финно-угорской линии выглядит вполне резонно. Р. Таагепера отмечает: «... есть еще и страх среди финно-угорских (*западных – О.Я.*) народов, что членство в Европейском союзе может стереть их самобытные культурные идентичности. В случае с венграми, финнами и эстонцами продвижение финно-угорских связей обеспечивает приятный контраст гомогенизирующему воздействию Европейского союза (кроме снятия векового чувства языковой изоляции)» (Таагепера, 2001: 182). В трио западных стран-интересантов «финно-угорский вопрос» звучит в разной тональности (Сергеева, 2015).

¹ Резолюция VI Всемирного конгресса финно-угорских народов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ru.fennougria.ee/predstavitelstva/vsermirnye-kongressy/shestoj/rezolyutsiya> (дата обращения: 09.02.2021).

² Резолюция VII Всемирного конгресса финно-угорских народов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ru.fennougria.ee/predstavitelstva/vsermirnye-kongressy/sedmoj/rezolyutsiya> (дата обращения: 21.02.2021).

³ Всемирный конгресс 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ru.fennougria.ee/vsermirnyj-kongress-2021/> (дата обращения: 21.02.2021).

Финляндия

Начиная с 1994 г. Финляндия оказывает поддержку финно-угорским народам России и их культурам в рамках отдельной Программы поддержки родственных народов, цель которой состоит в содействии сохранению языков и самобытности культур родственных финнам народов, а также развитию их образовательных связей с Финляндией. В рамках Программы поддерживается выпуск учебных материалов и литературы на национальных языках, перевод на национальные языки, распространение информации, обучение исследователей-гуманитариев, сотрудничество в области культуры и музейного дела (Нечаева, 2016). Практическую реализацию Программы осуществляет неправительственная организация Общество им. А. Кастрена. К примеру, в 2016 г. на гранты финского Общества Кастрена проведены гастроли Марийского театра-центра для детей и молодежи в регионах компактного проживания мари за пределами региона; в рамках научной деятельности по изучению, развитию, сохранению и популяризации языков, традиций и исторического наследия народов России Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева в 2019 г. осуществлял сотрудничество с Центром обмена научной литературы г. Хельсинки (Финляндия); в ноябре 2019 г. в правление Общества М.А. Кастрена была представлена заявка на издание книги на марийском языке¹.

В то же время финно-угорская линия не является основной во внешней политике Финляндии. В большей степени Финляндия уделяет внимание экономическим вопросам, приграничному сотрудничеству и экологическим проектам, «обеспечивая себе надежного экономического партнера в лице России», поддерживая присутствие на российских территориях: Генеральное консульство и Институт Финляндии в Санкт-Петербурге, консульство Финляндии в Петрозаводске, отделение Генерального консульства в Мурманской области (Нечаева, 2016).

Венгрия

Первым главой государства среди западных финно-угров, посетившим в 1993 г. российские «финно-угорские» регионы, в числе которых республики Коми, Удмуртия, Марий Эл, Мордовия и Ханты-Мансийский автономный округ, был Президент Венгрии Арпад Генц (Taagerera, 2001: 187). За всю историю Всемирных конгрессов Венгрия дважды становилась страной, принимающей мероприятие: в 1996 г. (Будапешт) и в 2012 г. (Шиофок). Конгресс 1996 г. пришелся на самый интенсивный и даже пиковый период участия Венгрии в финно-угорском «мире», что объясняется устремлениями начать самостоятельное формирование внешнеполитического курса после известных событий на рубеже 1980–1990-х гг. С.П. Артеев в этой связи пишет: «... после «смены режима» в Венгрии в 1989 г. субнациональные акторы стали играть во внешней политике Венгрии весомую роль в силу наличия многочисленных венгерских диаспор за рубежом и стремления Венгрии усилить свое положение на международной арене за счет использования «мягкой силы». Идея финно-угорской общности для Венгрии стала дополнительным ресурсом при реализации внешнеполитической стратегии в российско-венгерских отношениях» (Артеев, 2018: 225, 228). Примечательно, что для участия в I Всемирном конгрессе в Венгрии была создана Венгерская национальная организация Всемирного конгресса; а II Всемирный конгресс был включен в число праздничных мероприятий, посвященных 100-летию обретения венграми своей новой родины и проводился в здании одного из архитектурных шедевров Европы – парламенте Венгрии (Строгальщикова, 2016: 229).

В 1999 г. Венгрия стала членом НАТО, в 2004 г. вошла в ЕС, но быстрая евроатлантическая интеграция не привела к ожидаемым результатам в полной мере, активизировав дискуссии о национальном суверенитете в венгерских политических кругах и в обществе, что проявилось и во внешнеполитических устремлениях: Венгрия переориентировалась с идеологии единства с финно-уграми на идею «Великого Турана», то есть исторического и культурного «родства» венгров с тюркскими народами, что продемонстрировал VI Всемирный конгресс финно-угорских народов в 2012 г. в Шиофоке, который проводился в условиях нехватки финансовых средств, без особого желания и политического воодушевления венгерских властей.

¹ Представительство МИД России в г. Йошкар-Оле. Гуманитарное сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: https://marie-l.mid.ru/gumanitarnoe-sotrudnicestvo/-/asset_publisher/AZwIE4EmB204/content/o-mezhdunarodnom-gumanitarnom-sotrudnicestve-respubliki-marij-el-v-2019-godu?inheritRedirect=false&redirect=https%3A%2F%2Fmarie-l.mid.ru%3A443%2Fgumanitarnoe-sotrudnicestvo%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_AZwIE4EmB204%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1 (дата обращения: 20.04.2021).

В культурно-этническом аспекте современные венгры – это скорее «мадьяризированные, ассимилированные в языковом плане славяне, не имеющие с точки зрения культуры ничего общего с тюрками-кочевниками (Семушин, 2012). Уместно описать внешние проявления «туранской идеи». В 2011 г. в Венгрии издали Библию на венгерском языке, но с использованием древнего тюркского рунического алфавита. Венгерская ультранационалистическая партия Йоббик проводит по всей стране пропагандистскую кампанию установки при въездах в селения табличек с названиями этих селений, написанных тюркскими рунами. Примечательно, что за месяц до проведения шестого Всемирного конгресса финно-угорских народов в августе 2012 г. был проведен трехдневный Курултай – съезд представителей «родственных» венграм тюркских народов и, как отмечается, самый представительный по составу участников и количеству делегаций (около 300 делегатов от 26 народов Евразии из разных стран, включая Венгрию, Румынию (венгры-секеи), Болгарию, Молдову (гагаузы), Азербайджан, Турцию, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Китай (уйгуры), Россию (татары, башкиры, чуваша, буряты)¹.

Активисты финно-угорских движений обвиняют Венгрию в конъюнктурном развороте от финно-угорского мира к тюркскому. На обвинения депутат венгерского парламента от партии «Йоббик» Иштван Саваи отвечает: «Финно-угорская теория была придумана австрийскими учеными, чтобы подавить венгерскую идентичность. Мы не против финно-угорского родства, но мы встраиваем эту теорию в более широкую концепцию происхождения древних венгров от туранских народов. Мы хотим заменить устоявшееся мнение о финно-угорском родстве и доказать теорию о гуннском происхождении наших предков»².

В основании «туранская идея» имеет серьезный экономический подтекст. Как отмечает европейский обозреватель информационного агентства «Регнум» Д. Семушин, «точки его приложения в настоящее время – это Турция, Азербайджан и Казахстан. Последние две страны особенно важны с точки зрения *энергетических проектов*. Не менее значима и работа по увеличению экспортных возможностей страны» (Семушин, 2012). Он же пишет: «Тюркский мир дает гораздо больше простора для культурного, экономического и политического взаимодействия венграм, чем маленький и внешне скучный в сравнении с ним мир финно-угров» (Семушин, 2012).

В то же время полностью от финно-угорского единства Венгрия не отказалась, «проводники новой концепции национальной идеи расширяют ее границы до рамок единства гуннского происхождения, при этом гунны рассматриваются как конфедерация племен, объединившая северных арийцев, предков иранцев, прототюрков и предков угро-финнов» (Мусина, 2017: 186). В 2013 г. парламент Венгрии принял решение сделать Дни родственных финно-угорских народов официальным праздником, продолжаются традиционные визиты послов финно-угорских государств в один из регионов РФ, где проживает финно-угорский народ. Прагматические сюжеты прослеживаются в формате двусторонних связей Венгрии с российскими территориями проживания финно-угорских народов и сегодня, однако системными не выглядят. На встрече с генеральным консулом Венгрии в Екатеринбурге С. Сючем губернатор Югры Н. Комарова сообщила, что Югра и Венгрия будут развивать образовательный, языковой обмен, туризм, а также сотрудничать в модернизации ЖКХ³. В департаменте общественных и внешних связей Югры отметили, что Венгрия и Югра входят в единую орбиту финно-угорского мира, имеют родственную культуру. Речь идет о языковых и образовательных обменах, когда аспиранты и преподаватели югорских вузов проходят стажировки на базе венгерских университетов, венгерские преподаватели обучают венгерскому языку в Югре; Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок приступил к переводу детских хантыйских, мансийских и ненецких сказок на венгерский язык. Значение ресурса «мягкой силы» для Венгрии, оказавшейся в «положении Европейской периферии», когда страна не может располагать ресурсами, оцениваемыми как «жесткая сила», оказывается не только приоритетным, но и единственно возможным (Мусина, 2017: 187).

¹ В Венгрии прошел третий Курултай туранских народов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gumilev-center.ru/29287> (дата обращения: 28.02.2021).

² Зачем венграм туранизм? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gumilev-center.ru/zachem-vengram-turanizm-2> (дата обращения: 28.02.2021).

³ Югра и Венгрия будут сотрудничать в языковом обмене, туризме и ЖКХ [Электронный ресурс]. URL: <https://gia.ru/20161031/1480366637.html> (дата обращения: 16.03.2021).

Эстония

Гораздо активнее финно-угорский вектор прослеживается в действиях Эстонии, чья внешняя политика после 1991 г. построена на патернализме в отношении финно-угорских народов, проживающих в России. В 1927 г. в Эстонии была создана некоммерческая организация «Фенно-Угрия» для координации взаимоотношений с финно-угорскими народами. В 1991 г. «Фенно-Угрия» возродилась как холдинг организаций Эстонии, заинтересованных в сотрудничестве с родственными финно-угорскими народами. В настоящее время «Фенно-Угрия» объединяет более 50 учреждений и общественных организаций. С 1999 г. реализуется Программа родственных народов, в рамках которой финансируются научно-образовательные и культурные проекты на территории Эстонии и России. В рамках Программы поддерживаются студенты-магистры и доктора наук из финно-угорских регионов России, приезжающие учиться в Эстонию. За последние пятнадцать лет около 100 российских финно-угров учились в Эстонии, пятнадцать получили докторскую степень (Kuznetsova, 2020: 122).

Эстонский институт с основными офисами в Таллине и информационными и культурными центрами в Венгрии и Финляндии, представляющий эстонскую культуру за рубежом, «сыграл важную роль в проведении дебатов о национальной идентичности Эстонии между теми, кто утверждал, что эстонцев следует рассматривать как маленькую нацию, нуждающуюся в поддержке или защите, и теми, кто считал, что эстонская нация сильна и самодостаточна в культурном отношении и способна поддерживать небольшие нации и этнические группы» (Kuznetsova, 2020: 123). Правительство Эстонии предпочло второй вариант поддержки малых финно-угорских народов, не имеющих своих государств, что стало важным элементом эстонской культурной дипломатии. Для Эстонии «мессианская позиция действительно формирует «нишу», или уникальный образ поведения как государства – зарубежного покровителя родственных этнических и языковых меньшинств» (Фоминых, 2011: 282). Следует подчеркнуть, что речь в данном случае идет о российских финно-уграх, в то время как «родственные» венгры Румынии или Украины или же саамы Финляндии не входят в фокус эстонского внимания.

В 2004 г. Эстония принимала IV Всемирный конгресс финно-угорских народов. Ряд положений итогового документа можно расценивать как попытку противопоставить международный форум властям России и стремление вмешиваться в ее внутренние дела. В Резолюции выражалась «обеспокоенность отсутствием в России федерального государственного органа, координирующего национальные и межнациональные отношения» и содержался призыв к Правительству России «воссоздать Министерство по делам национальностей»¹. Конгресс выражал «озабоченность процессами, ведущими к упразднению «национальных автономных образований» и поручил Консультативному комитету «вести мониторинг последствий объединения Коми-Пермяцкого автономного округа с Пермской областью»². В том же 2004 г. эстонская делегация в ПАСЕ инициировала процесс составления специального рапорта по вопросу о положении финно-угорских народов в России. Глава делегации Марко Микельсон отметил: «...большинство членов ПАСЕ со вниманием отнеслись к информации, которую представила Эстония о положении финно-угорских народов в России по итогам состоявшегося в августе в Таллине IV Всемирного конгресса финно-угорских народов.... Во время конгресса представители финно-угорских народов констатировали, что их этносы из-за действий российских властей находятся в России на грани вымирания или потери национального идентитета. В связи с этим задача ПАСЕ – выявить конкретные факты нарушения прав финно-угорских народов в России и через составление специального рапорта оказать влияние на власти РФ с целью улучшения положения в этой сфере»³. В 2008 г. Эстонский президент Тоомас Хендрик Ильвес в своей речи на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов фактически призвал финно-угорские народы России к выходу из ее состава. В январе 2015 г. он же обвинил Россию в прекращении или ограничении предоставления образования на национальных языках финно-угорских народов, что ускоряет их исчезновение. При этом обострение «финно-угорского вопроса» происходит практически одновременно с нарастанием кризисных явлений в отношениях России с Эстонией, включая положение русскоязычного населения в последней.

¹ Резолюция IV Всемирного конгресса финно-угорских народов, Таллин (Эстония), 15-19 августа 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fucongress.org/congress/VI-kongress/rezolyuciya/> (дата обращения: 14.08.2021).

² Там же.

³ Эстония предложила ПАСЕ заняться правами финно-угров в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosbalt.ru/main/2004/10/08/180684.html> (дата обращения: 28.02.2021).

В 2021 г. в эстонском городе Тарту на VIII Всемирном конгрессе отсутствовали представители России – самые многочисленные участники данного мероприятия. В апреле 2021 г. Оргкомитет получил официальный отказ от Ассоциации финно-угорских народов России. В заявлении российской организации отмечалось, что «в международном финно-угорском движении стали проявляться деструктивные, явно политизированные тенденции, выражающиеся и в деятельности Всемирных конгрессов финно-угорских народов, когда «финно-угорская карта» применяется как один из способов давления на ту или иную страну, а этнические вопросы намеренно используются в целях этнополитических спекуляций»¹. Незадолго до того, как состоялся Всемирный конгресс, при поддержке Федерального агентства по делам национальностей и правительства Удмуртии Ассоциация провела первый Всероссийский форум финно-угорских народов, в адрес которого было направлено приветствие российского президента и в работе которого приняли участие представители 30 регионов России, где проживают не только финно-угорские, но и самодийские народы². Данные события можно интерпретировать как стремление российской стороны *выступить альтернативной площадкой* для обсуждения проблем финно-угорских народов, избегая тем самым дискурса притеснения, политизации вопросов и антироссийской риторики со стороны зарубежных участников.

На сайте эстонской некоммерческой организации «Учреждение Фенно-Угрия» отмечается, что «Всемирный конгресс финно-угорских народов – это форум представительства финно-угорских и самодийских народов, который не зависит от правительств и политических партий... его задачами являются развитие и защита национального самосознания, культур и языков финно-угорских народов, содействие сотрудничеству между финно-угорскими народами, обсуждение актуальных проблем и поиск их решений, а также *осуществление права на самоопределение всех финно-угорских народов в соответствии с международными нормами и принципами*»³. В этом контексте также следует отметить ошибки, допущенные эстонской стороной в переводе видеоприветствия Министра культуры Российской Федерации О. Любимовой, направленного в адрес VIII Всемирного конгресса, с русского языка на эстонский, когда, по мнению российского внешнеполитического ведомства, произошла «недобросовестная подмена тезиса о поддержке Россией национально-культурной *самобытности* финно-угорских народов термином «*самоопределение*»⁴. «Эта грубая фальсификация, – отметила М. Захарова, – лишний раз подтверждает политизированные, антироссийские подходы Таллина по финно-угорскому вопросу...»⁵. Далее последовали извинения и пояснения организаторов конгресса. Представляется, что конфликтный потенциал российско-эстонских отношений Эстония, как малая страна, осознающая ограниченность влияния в ЕС, трансформирует во внешнеполитический ресурс, увеличивая свою значимость (Кавешников, 2008: 91).

Выборы делегатов Всемирных конгрессов: несовершенство системы

Несовершенство системы всемирных конгрессов также связано с выборами его делегатов. Примером может служить ситуация, когда в 2012 г. один из лидеров эрзянского национального движения Эрюш Вежай (Борис Ерюшов) разместил в Интернете требование отдельного представительства эрзян на Всемирном конгрессе финно-угорских народов⁶. Основанием для требования послужило решение Международного консультативного комитета финно-угорских народов «О представительстве делегаций финно-угорских и самодийских народов от стран и регионов Российской Федерации на VI Всемирном конгрессе финно-угорских народов».

¹ ЗАЯВЛЕНИЕ Общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» от 23.04.2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://afunrf.ru/smi/zayavlenie-assoциации-финно-угорских-народов-россии> (дата обращения: 01.08.2021).

² В Удмуртии состоится форум финно-угорских народов [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/3285461.html> (дата обращения: 01.08.2021).

³ Всемирный конгресс 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ru.fennougria.ee/vsermirnyj-kongress-2021/> (дата обращения: 21.02.2021).

⁴ Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с ситуацией вокруг конгресса финно-угорских народов в Тарту №1233-18-06-2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4793352 (дата обращения: 01.08.2021).

⁵ Там же.

⁶ Эрзяне требуют отдельного представительства на Всемирном конгрессе финно-угорских народов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finugor.ru/node/23010> (дата обращения: 20.02.2021).

В Регламенте Всемирного конгресса финно-угорских народов закреплено следующее положение:

«3.1. Делегаты Конгресса выбираются каждым народом *свободно*, механизм формирования делегации Консультативным комитетом не регламентируется.

3.2. Право на делегирование представителей народов имеют высшие представительные органы данных народов, а при их отсутствии делегаты избираются совместным решением общественных объединений, действующих в интересах своих народов. Право выдвижения своих представителей в работе Конгресса имеют организации, срок деятельности которых более трех лет. Процедуры формирования делегаций должны быть *прозрачными* и учитывать действующее в стране законодательство о работе неправительственных организаций»¹.

В соответствии с регламентом МККФУН определил квоту в 20 делегатов от эрзи и 20 – от мокши. В то же время мордовское руководство придерживается позиции о существовании двуединого мордовского народа. Министр по национальной политике Мордовии А. Лузгин отмечает: «Все документальные исторические данные, труды ученых и исследователей, а также резолюции I–V съездов мордовского народа свидетельствуют о единстве мордовского народа. Мордва как этнос состоит из двух субэтносов – «эрзя» и «мокша», делить мордовский народ на 2 народа нельзя². В итоге на конгресс поехала единая мордовская делегация, сформированная руководством Мордовии, а в тексте резолюции шестого конгресса появилось поручение Консультативному комитету «совершенствовать регламентирующие документы Консультативного комитета, в том числе документы, регулирующие избрание делегатов на Всемирные конгрессы»³. Аналитики не исключают возможные повторы ситуаций, подобных мордовской, с мари (появились этнические антрепренёры от луговой и горной черемисы), с удмуртами и коми, от которых хотят отделиться ижемцы. На VI конгрессе член правления Людиковского общества Мийкул Пахомов выступил за признание отдельным финно-угорским этносом живущих в Карелии карел-людиков.

Ситуацию 2012 г. можно интерпретировать в контексте процессов этнической фрагментации, когда «в начале нынешнего столетия, – как отмечают Ю.П. Шабаев А.В. Демина, активисты национальных организаций ... стали заявлять, что эти группы следует рассматривать не как часть более крупных этнических образований, а как самостоятельные народы»; в числе таких субэтнических подразделений можно назвать... коми-ижемцев – самую северную группу коми, горных и луговых мари-ижемцев, субэтнические группы мордовского этноса – эрзя и мокшу и т.д. (Шабаев, Демина, 2007: 30). При этом «участие в международных этнических объединениях и международных институтах регионального и глобального уровня позволяет этническим активистам получать для пропаганды своих идей международную трибуну, расширять группу солидарности» (Шабаев, Мартыненко, 2019: 49).

Один из представителей Эстонии в Молодежной ассоциации финно-угорских народов Оливер Лооде отмечает, что «формирование делегаций не является прозрачным, и это не только российская проблема. Это также стало проблемой в Венгрии, где некоторые из наиболее эффективных финно-угорских активистов не получили четких ответов, почему они не могут присоединиться к делегации своего народа...» (Loode, 2016). Он же пишет о разочаровании, бесполезности, маргинализации и контрпродуктивности всемирных конгрессов для финно-угорского сотрудничества и гражданского движения. В подтверждение своей точки зрения О. Лооде приводит примеры, когда за последние 6 лет он не слышал ни об одной инициативе Всемирного конгресса или Консультативного комитета, которые содействовали бы дальнейшему сотрудничеству между финно-угорскими народами: «... своими глазами я видел, как новые инициативы «взлетали», развивались и становились устойчивыми без всякой связи и поддержки со стороны Всемирных конгрессов – будь то Фестиваль финно-угорских фильмов, семинары финно-угорской Википедии или Культурные столицы финно-угорского мира» (Loode, 2016).

¹ Регламент Всемирного конгресса финно-угорских народов. Принят Консультативным комитетом финно-угорских народов 05.09.2014 г., г. Петрозаводск [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fucongress.org/vii-kongress/gotovimsya-k-vii-vsemirnomu-kongressu/reglament-vsemirnogo-kongressa-finno-ugorskix-narodov> (дата обращения: 20.02.2021).

² Мордва грозит Инфоцентру FINUGOR судом за признание эрзян и мокшан [Электронный ресурс]. URL: <http://finugor.ru/node/18524> (дата обращения: 20.02.2021).

³ Резолюция VI Всемирного конгресса финно-угорских народов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ficongress.org/vi-kongress/resolution/rezolyuciya-vi-vsemirnogo-kongressa-finno-ugorskix-narodov> (дата обращения: 20.02.2021).

Практики конструирования общезинноугорской идентичности

В числе событий, произошедших в финно-угорском мире в течение последних нескольких лет, преобладают интенсивные культурные обмены: международные фестивали театров финно-угорских народов, традиционных танцев и игр финно-угорских народов, фольклорные фестивали, международные фестивали телефильмов и программ, ремесел финно-угорских народов, популярной музыки, моды и т.д.

Среди проектов последних десяти лет обращаются на себя внимание конкурсы, организатором которых выступил Информационный центр финно-угорских народов FINUGOR.RU. В 2010 г. был проведен *интернет-конкурс «Семь чудес финно-угорского мира»*, отбор кандидатов в рамках которого проходил по четырем позициям: «Природа», «Культура», «Памятники и сооружения», «Праздники». Как отмечают организаторы, «конкурс преследует просветительские цели и направлен на повышение интереса к материальному и нематериальному наследию народов уральской языковой семьи;... объектам культурного наследия, памятникам природы и архитектуры, которые являются неотъемлемой частью жизни, культуры и окружающей среды финно-угров и самодийцев»¹. Проект был реализован в России, Венгрии, Финляндии и Эстонии, во всех странах, где проживают финно-угорские и самодийские народы. По результатам интернет-голосования *чудом финно-угорского мира* назвали 28 объектов. К примеру, в номинации «Природа» абсолютным победителем по числу собранных голосов стала Барсова гора от ханты, расположенная рядом с г. Сургут Ханты-Мансийского автономного округа; в этой категории также северный олень (основа хозяйства сразу нескольких северных народов – ненцев, саамов, энцев, ханты и нганасан), национальный парк «Югыд ва» от коми, исчезающее оз. Шимозеро от вепсов, Заякинская кедровая роща от удмуртов, Хэбидя я – Козьминский перелесок от ненцев, Мордовский государственный заповедник им. Смиловича – от мокша и эрзя.

В номинации «Культура» первое место одержали ханты – серия фольклорных сборников «Кань кунш олан» («Земля кошачьего локотка»); далее – детский этнокультурно-образовательный центр «Лылынг союм» («Живой ручеек») (манси, ханты), фольклорный персонаж удмуртов Лопшо Педунь, тавлинская игрушка эрзя, историческая карельская деревня Кинерма и монумент ненцев Хэбидя тен («Священная память»); в число «чудес» также вошли онежские и беломорские петроглифы, оставленные далекими предками карелов.

С 16 мая по 7 декабря 2011 г. Инфоцентр провел международный интернет-конкурс «Выдающиеся личности финно-угорских и самодийских народов» («Имя финно-угорского мира»), в ходе которого были определены 56 выдающихся личностей, представляющих различные народы уральской языковой семьи. На странице конкурса отмечается, что он был проведен в России, Эстонии, Финляндии, Венгрии и других странах с целью «популяризации информации о выдающихся представителях финно-угорских и самодийских народов и личностях, внесших большой вклад в изучение, сохранение и развитие языков и культур этих народов»².

Любопытны номинации конкурса и номинанты. Например, от *манси и ханты* в номинации «Легендарные персонажи» в финал вышла Золотая баба (Казымская богиня), покровительница семьи у *ненцев* Мяд' пухуця, от *удмуртов* – бог-демиург Инмар, от *финнов* – Дед Мороз Йоулупукки, от *эстонцев* – богатырь Калевипоэг, от *венгров* – древний бог войны и кузнецов Хадур и др.

В номинации «Исторические деятели» в финал вышли легендарный предводитель *гуннов* (предков венгров) Атила, креститель древних *коми* Стефан Пермский, *финский* снайпер Симо Хяюхя, князь *эрзян* Пургаз, князь *марийцев* Болтуш (Полтыш) и др.

В номинации «Деятели культуры» – *венгерский* композитор (также встречается упоминание финно-угорского композитора) Ференц Лист, *финская* певица Тарья Турунен, *эрзянский* скульптор Степан Эрзя, *вепсский* поэт Анатолий Петухов, *хантыйский* художник Геннадий Райшев, потомок *мерян* актер Михаил Пуговкин (Пугонькин), коллективы «Бурановские бабушки» (*удмурты*) и *Kopets leta* (фолк прибалтийско-финских народов).

¹ Названы 7 чудес финно-угорского мира [Электронный ресурс]. URL: <https://stolicaonego.ru/news/158040> (дата обращения: 08.03.2021); В Интернете выбрали «семь чудес финно-угорского мира» [Электронный ресурс]. URL: <https://tg.ru/2010/12/10/reg-szapad/chudo-anons.html> (дата обращения: 08.03.2021).

² Имена финно-угорского мира [Электронный ресурс]. URL: <https://finugor.ru/leaders> (дата обращения: 08.03.2021); Коми победили на конкурсе «Имя финно-угорского мира» [Электронный ресурс]. URL: <https://komionline.ru/news/31185> (дата обращения: 08.03.2021).

В номинации «Ученые и просветители» в финал попали ученый-этнограф, поэт и хранитель медвежьего культа ханты Тимофей Молданов, историк эрзя Валерий Юрченков, лингвист Оньо Лав, патриарх финно-угроведения эстонец Пауль Аристе, *вепсянка* Нина Зайцева.

Среди общественно-политических и религиозных деятелей современности в «финале оказались первый президент получившей независимость после распада СССР Леннарт Мери, министр культуры Мордовии, председатель Ассоциации финно-угорских народов РФ Петр Тулгаев, самопровозглашенный король ливов Улдрикус Капбергс, основатель Коми республики Дмитрий Батиев, известный российский тележурналист Леонид Парфенов (*вепс*), экс-президент Молодежной ассоциации финно-угорских народов *карел* Алексей Цыкарев»¹. Также номинациями конкурса были «Человек дела» и «Друг финно-угорского мира».

Примером конструирования общефинноугорской культуры может выступать созданная в 2013 г. Программа «Культурная столица финно-угорского мира» – совместная инициатива Молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН) и эстонской НКО «Центр развития коренных народов URALIC» при поддержке Программы родственных народов Эстонии. Программа направлена на повышение узнаваемости уральских народов и языков, укрепление финно-угорской идентичности и стимулирование социально-экономического развития *местного* уровня в финно-угорском мире. Титул «Культурная столица финно-угорского мира» был присужден *удмуртской* деревне Быги (2014), *сето* – деревне Обиница (2015), *венгерской* деревне Искасентдьерд и г. Веспрем (2016), *карельской* деревне Вокнаволок (2017). Победителем конкурса «Культурная столица финно-угорского мира 2019» было выбрано село Шорунджа Республики Марий Эл. В рамках официальной программы этого конкурса стал фестиваль национальных свадебных обрядов «С’уан пайрем» с участием многих финно-угорских народов². Заявка Шорунжинской администрации была поддержана как региональной властью – Министерством культуры, печати и по делам национальностей республики Марий Эл; всемарийским советом «Марий Мер Канаш», районными и местными учреждениями.

Носителем титула Культурной столицы финно-угорского мира 2020 г. стало село Мишкино в республике Башкортостан³. Мишкино – село с населением 7 тыс. человек, 60 % из которых – мари. На сайте Центра развития коренных народов URALIC (Эстония) подчеркивают, что «Мишкино будет первой Культурной столицей финно-угорского мира в регионе, где большинство населения говорит на тюркских языках»⁴. Президент МАФУН и председатель жюри Кяби Суви прокомментировал решение следующим образом: «В итоге Мишкино выиграло благодаря своей тщательно составленной заявке, юношеской энергии и *новизне своего расположения, то есть – вне финно-угорского мира, как это принято считать*. Тем не менее, *Мишкино является небольшой частью более широкого финно-угорского мира, так как большинство жителей поселка коренные мари*»⁵. Ведущим мероприятием столицы финно-угорского мира 2020 г. стал *медвежий фестиваль*, исходящий из того, что название села и на марийском, и русском языках означает одно и то же – медведь, а также из-за значения этого зверя в мифологии и идентичности многих финно-угорских народов. В 2021 г. культурной столицей родственных народов является эстонский городок Абья-Палуоя. Финно-угорской культурной столицей 2022 г. стала деревня Байтеряково – Байтэрек Алнашского района Удмуртии: запланированы проведение международных фестивалей «Бай – Тэрек» и «Пукро гурьёс», посвященных изучению удмуртского языка и культуры, мастер-классы по приготовлению блюд национальной кухни и т.д.⁶.

Этнически окрашенные фестивали можно интерпретировать как один из инструментов политики идентичности, как значимый ресурс в конструировании и транслировании финно-угорской идентичности, как «осязаемые формы утверждения культурной личности в мире» (Семененко, 2017: 102). Названные мероприятия представляют собой целую систему культурных маркеров, призванную сформировать некую культурную солидарность, общефинноугорскую идентичность, внедрить идею финно-угорского «мира» в массовое сознание, донести до населения. Иными словами, сконструировать финно-угорский мир как трансграничное культурное пространство.

¹ Конкурс «Имя финно-угорского мира» принес «Признание» Инфоцентру FINUGOR [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finnougoria.ru/news/25744> (дата обращения: 08.02.2021).

² Марийское село Шорунджа выбрано следующей культурной столицей финно-угорского мира [Электронный ресурс]. URL: <https://uralic.org/novosti/marijskoe-selo-shorun-zha-vybrana-sleduyushej-kul-turnoj-stolicej-finno-ugorskogo-mira> (дата обращения: 08.03.2021).

³ Следующая культурная столица финно-угорского мира находится в Башкортостане [Электронный ресурс]. URL: <https://uralic.org/novosti/sleduyushaya-kul-tumaya-stolica-finno-ugorskogo-mira-nahoditsya-v-bashkortostane> (дата обращения: 08.03.2021 г).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Деревня из Удмуртии стала финно-угорской культурной столицей 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://fennougoria.ee/ru/derevnya-iz-udmurtii-stala-finno-ugorskoj-kulturnoj-stolicej-2022-goda/> (дата обращения: 01.08.2021).

* * *

Взаимодействия по «родственным» линиям Финляндии, Венгрии, Эстонии с российскими финно-уграми в формате двусторонних контактов или же многосторонних мероприятий финно-угорской направленности преимущественно в гуманитарной сфере – науке, культуре, образовании – выглядят скорее проекциями внешнеполитических стратегий «мягкой силы» этих стран, нежели истинными устремлениями, направленными на конструирование общефинноугорского культурного пространства. Дивергентные устремления и мотивации зарубежных стран-интересантов, включивших линию финно-угорской родственности во внешнеполитические стратегии «мягкой силы» для выстраивания публичной дипломатии по отношению к России, действуют при этом сообразно прагматическим целям и не руководствуясь мотивами помощи «родственникам»; фрагментарность российских финно-угров, обнажившая несовершенство выборного механизма Всемирных конгрессов, вкупе с географической удаленностью, лингвистической зыбкостью – принадлежность народов к уральской языковой семье с отсутствием единого *lingua franca*; отсутствие прочного экономического плацдарма дают основания рассматривать финно-угорский «мир» в качестве символически конструируемого – трансграничного языкового сообщества, «сообщества глоттогенеза» с преобладанием дискурсивных начал над материальными. Реальность «языкового братства» – интенсивные культурные обмены – международные фестивали театров финно-угорских народов, традиционных танцев и игр финно-угорских народов, фольклорные фестивали, международные фестивали телефильмов и программ, ремесел финно-угорских народов, популярной музыки, моды и т.д. наряду с недавними инициативами «Культурных столиц финно-угорского мира» выступают одним из инструментов политики идентичности, как значимый ресурс в конструировании и транслировании финно-угорской идентичности.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020 – 2022 гг.

Список литературы / References

- Алексеева, Т. А. (2019) 'Конструктивизм в международно-политических исследованиях' в: Гаман-Голутвина, О. В., Никитин, А. И. (ред.) *Современная политическая наука: Методология*. Москва: Издательство «Аспект Пресс», сс. 293–315. [Alekseeva, T. A. (2019) 'Constructivism in international political studies' [Konstruktivizm v mezhdunarodno-politicheskikh issledovaniyakh] in: Gaman-Golutvina, O. V., Nikitin, A. I. (eds.) *Contemporary Political Science: Methodology* [Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya]. Moscow: «Aspekt Press», pp. 293–315. (In Russ.)].
- Андерсон, Б. (2001) *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Канон-Пресс-Ц. [Anderson, B. (2001) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* [Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma]. Moscow: Kanon-Press-Ts. (In Russ.)].
- Артеев, С. П. (2018) *Эволюция международных связей Республики Коми с Венгрией*. Дис. ... канд. полит. наук. Москва. [Arteev, S. P. (2018) *Evolution of international relations of the Komi Republic with Hungary* [Evolyutsiya mezhdunarodnykh svyazei Respubliki Komi s Vengriei]. PhD. Diss. (Political Science). Moscow. (In Russ.)].
- Артеев, С. П. (2020) 'Транснациональные политические пространства: вопросы политической субъектности. Финно-угорский мир', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 5–17. [Arteev, S. P. (2020) 'Transnational political spaces: the problem of political agency. The finno-ugric world' [Transnatsional'nye politicheskie prostranstva: voprosy politicheskoi sub"ektnosti. Finno-ugorskii mir], *Review of Political Science*, 1, pp. 5–17. (In Russ.)].
- Кавешников, Н. (2008) «Малые и вредные»? *Международные процессы*, 3(18), сс. 84–92. [Kaveshnikov, N. (2008) 'Small, yet annoying!' [«Malye i vrednye»?], *International Trends*, 3(18), pp. 84–92. (In Russ.)].

- Кардинская, С. В. (2006) 'Этничность в идеологических конструктах удмуртских СМИ', *Социс. Социологические исследования*, 6(266), сс. 54–60. [Kardinskaya, S. V. (2006) 'Ethnicity in ideological constructs of udmurt public bodies' [Etnichnost' v ideologicheskikh konstruktakh udmurtskikh SMI], *Sociological Research*, 6(266), pp. 54–60. (In Russ.)].
- Ковалев, В. А., Шабаетов, Ю. П. (2004) 'Этничность и согражданство (Национальные движения в финно-угорских регионах РФ)', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 126–138. [Kovalev, V. A., Shabaev, Yu. P. (2004) 'Ethnicity and fellow citizenship (ethnonational movements in finno-ugrian regions of the Russian Federation' [Etnichnost' i sognrazhdanstvo (Natsional'nye dvizheniya v finno-ugorskikh regionakh RF)], *Polis. Political Studies*, 4, pp. 126–138. (In Russ.)].
- Лебедева, М. М. (2017) '«Мягкая сила»: понятие и подходы', *Вестник МГИМО-Университета*, 3(54), сс. 212–223. [Lebedeva, M. M. (2017) 'Soft power: the concept and approaches' [«Myagkaya sila»: ponyatie i podkhody], *MGIMO Review of International Relations*, 3(54), pp. 212–223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223. (In Russ.)].
- Мусина, Р. И. (2017) 'Особенности проявления «мягкой силы» во внешней политике Венгрии' в: *25 лет внешней политике России. Т.2. Россия и современный мир: политика и безопасность*. Москва: МГИМО-Университет, сс. 181–199. [Musina, R. I. (2017) 'Specifics of "Soft Power" application in Hungarian foreign policy' in: *25 years of Russian foreign policy. Vol.2. Russia and the modern world: politics and security* [25 let vneshnei politike Rossii. T.2. Rossiya i sovremenniy mir: politika i bezopasnost']. Moscow: MGIMO-University, pp. 181–199. (In Russ.)].
- Мухарямов, Н. М., Януш, О. Б. (2016) 'Тюркоязычный и финно-угорский «миры» как символические языковые пространства' в: Малинова, О. Ю. (ред.) *Символическая политика*. Москва, сс. 135–155. [Mukharyamov, N. M., Yanush, O. B. (2016) 'Turkic and Finno-Ugric "worlds" as symbolic spaces' [Tyurkoyazychnyi i finno-ugorskii «miry» как simvolicheskie yazykovye prostranstva] in: Malinova, O. Yu. (ed.) *Symbolic Politics* [Simvolicheskaya politika]. Moscow, pp. 135–155. (In Russ.)].
- Мясникова, А. Б. (2012) 'Этапы становления и развития финно-угорского мира', *Вестник Чувашского университета*, 1, сс. 52–58. [Myasnikova, A. B. (2012) 'Stages of formation and development of the Finno-Ugric world' [Etapy stanovleniya i razvitiya finno-ugorskogo mira], *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 1, pp. 52–58. (In Russ.)].
- Нечаева, А. (2016) '«Великая Финляндия» и Карелия: мягкая финнизация' 5 июля. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2153254.html> (дата обращения: 28.02.2021). [Nechaeva, A. (2016) 'Great Finland and Karelia: soft finnization' 05.07. [«Velikaya Finlyandiya» i Kareliya: myagkaya finnizatsiya] [online]. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/2153254.html> (Accessed: 28 February 2021). (In Russ.)].
- Семенов, И. С. (2017) 'Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня' в: Семенов, И. С. (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика*. Москва: Издательство «Весь Мир», сс. 102–113. [Semenov, I. S. (2017) 'Identity politics in the context of ethnocultural diversity: a new agenda' [Politika identichnosti v usloviyakh etnokul'turnogo mnogoobraziya: novaya povestka dnya] in: Semenov, I. S. (eds.) *Identity: The Individual, Society, and Politics* [Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika]. Moscow: Ves' Mir Publ, pp. 102–113. (In Russ.)].
- Семенов, И. С. (2019) 'Концепт идентичности в изучении политики' в: Гаман-Голутвина, О. В., Никитин, А. И. (ред.) *Современная политическая наука: Методология*. Москва: Издательство «Аспект Пресс», сс. 446–463. [Semenov, I. S. (2019) 'Identity Concept in Policy Studies' [Kontsept identichnosti v izuchenii politiki] in: Gaman-Golutvina, O. V., Nikitin, A. I. (eds.) *Contemporary Political Science: Methodology* [Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya]. Moscow: «Aspekt Press», pp. 446–463. (In Russ.)].
- Семущин, Д. (2012) 'Почему Венгрия предала финно-угорское единство в пользу «Великого Турана»?', 11 августа. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1560422.htm>

- 1 (дата обращения: 28.02.2021). [Semushin, D. (2012) 'Why did Hungary betray the Finno-Ugric unity in favor of the "Great Turan"?', 11.08. [Pochemu Vengriya predala finno-ugorskoe edinstvo v pol'zu «Velikogo Turana»?] [online]. Available at: URL: <https://regnum.ru/news/polit/1560422.html> (Accessed: 28 February 2021). (In Russ.)].
- Сергеева, А. (2015) 'Мягкая финно-угорская сила Финляндии', 24 июня. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1936580.html> (дата обращения: 28.02.2021). [Sergeeva, A. (2015) 'Finno-Ugric soft power of Finland', 24.06. [Myagkaya finno-ugorskaya sila Finlyandii] [online]. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/1936580.html> (Accessed: 28 February 2021). (In Russ.)].
- Скотт, Дж. (1999) 'Стимулирование кооперации: могут ли еврорегионы стать мостами коммуникации?' в: Бредникова, О., Воронкова, В. (ред.) *Кочующие границы*. Санкт-Петербург: ЦНСИ, сс. 9–14. [Skott, Dzh. (1999) 'Stimulating cooperation: can Euroregions become communication bridges?' [Stimulirovanie kooperatsii: mogut li evroregiony stat' mostami kommunikatsii?] in: Brednikova, O., Voronkova, V. (eds.) 'Nomadic borders' [Kochuyushchie granitsy]. SPb.: TsNSI, pp. 9–14. (In Russ.)].
- Строгальщикова, З. И. (2016) 'Об истории всемирных конгрессов финно-угорских народов' в: *V Всемирный конгресс финно-угорских народов*. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», сс. 227–230. [Strogal'shchikova, Z. I. (2016) 'On the history of the world congress of the finno-ugric peoples] in: *V World Congress of the Finno-Ugric Peoples* [V Vsemirnyi kongress finno-ugorskiikh narodov]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya Ltd., pp. 227–230. (In Russ.)].
- Фоминых, А. Е. (2011) 'В поисках «ниши»: «финно-угорский мир» во внешней политике Венгрии, Финляндии и Эстонии' в: *Национально-государственная организация финно-угорских народов: опыт России и зарубежных стран*. Саранск: Издательство Мордовского университета, сс. 274–283. [Fominykh, A. E. (2011) 'In search of a "niche": "the Finno-Ugric world" in the foreign policy of Hungary, Finland and Estonia'] in: *National-state organization of the Finno-Ugric peoples: the experience of Russia and foreign countries* [Natsional'no-gosudarstvennaya organizatsiya finno-ugorskiikh narodov: opyt Rossii i zarubezhnykh stran]. Saransk: Mordovskii universitet Publ., pp. 274–283. (In Russ.)].
- Фоминых, А. Е. (2019) 'Конструируемые сообщества «родственных народов» Евразии: тюркский и финно-угорский мир' в: *Европейский регионализм: теории и практика*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, сс. 120–123. [Fominykh, A. E. (2019) 'Constructed Communities of "Kindred Peoples" of Eurasia: Turkic and Finno-Ugric World] in: *European Regionalism: Theories and Practice* [Evropeiskii regionalizm: teorii i praktika]. Ekaterinburg: Ural'skii universitet Publ., pp. 120–123. (In Russ.)].
- Шабаев, Ю. П. (2006) '«Новые идентичности» у финноугров как политические инструменты', *Этнографическое обозрение*, 1, сс. 13–27. [Shabaev, Yu. P. (2006) 'Finno-Ugric "New Identities" as Political Instruments' ['Novye identichnosti' u finnougrov kak politicheskie instrumenty], *Etnograficeskoe Obozrenie*, 1, pp. 13–27. (In Russ.)].
- Шабаев, Ю. П., Демина, А. В. (2007) 'Последний дефицит – дефицит российскости', *Без темы*, 1(3), сс. 30–40. [Shabaev, Yu. P., Demina, A. V. (2007) 'The latest deficit is the deficit of Russianness' [Poslednii defitsit – defitsit rossiiskosti], *Bez temy*, 1(3), pp. 30–40. (In Russ.)].
- Шабаев, Ю. П., Чарина, А. М. (2010а) *Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России*. Санкт-Петербург: Институт сервиса и экономики; ИЭА РАН. [Shabaev, Yu. P., Charina, A. M. (2010) *Finno-Ugric nationalism and civil consolidation in Russia* [Finno-ugorskii natsionalizm i grazhdanskaya konsolidatsiya v Rossii]. St. Petersburg: Institute of Service and Economics; Institute of Ethnology and Anthropology RAS Publ. (In Russ.)].
- Шабаев, Ю. П., Шилов, Н. В., Садохин, А. П. (2010б) '«Финно-угорский мир»: миф, макроидентичность, политический проект?', *Общественные науки и со-*

- временность*, 1, сс. 147–155. [Shabaev, Yu. P., Shilov, N. V., Sadokhin, A. P. (2010) 'Finno-Ugric world': myth, macro identity or political project?' [Finno-ugorskii mir': mif, makroidentichnost', politicheskii proekt?], *Social Sciences and Contemporary World*, 1, pp. 147–155. (In Russ.)].
- Шабаяв, Ю. П., Мартыненко, А. В. (2019) 'Экспертный анализ региональных моделей государственной национальной политики в республиках с финно-угорским населением: гражданские интересы, право, этническое антрепренерство и культуртрегерство', *Вопросы этнополитики*, 2, сс. 40–72. [Shabaev, Yu. P., Martynenko, A. V. (2019) 'Expert analysis of regional models of state ethnic policy in the republics with Finno-Ugric population. Civic interests, law, ethnic entrepreneurship and civilizing missionary work' [Ekspertnyi analiz regional'nykh modelei gosudarstvennoi natsional'noi politiki v respublikakh s finno-ugorskim naseleniem: grazhdanskii interesy, pravo, etnicheskoe antreprenerstvo i kul'turtregerstvo], *Issues of Ethnopolitics*, 2, pp. 40–72. DOI:10.28995/2658-7041-2019-2-40-72. (In Russ.)].
- Kuznetsova, A. (2020) 'Finno-Ugric World(s) and "Language Brotherhood"' in: Bogdanova, O., Makarychev, A. (eds.) *Baltic-Black Sea Regionalisms*. Springer: Nature Switzerland AG, pp. 117–129.
- Loode, O. (2016) *Finno-Ugric World Congresses: why they are useless and what to do about them? Statement at the Open Finno-Ugric Congress*. June 16 [Online]. Available at: <https://oliverloode.wordpress.com/2016/06/17/finno-ugric-world-congresses-why-they-are-useless-and-what-to-do-about-them> (Accessed: 22 February 2021).
- Mar-Molinero, C. (2000) *The politics of language in the Spanish-Speaking world from colonization to globalization*. L.; N.Y.: Routledge.
- Nye Jr., J. (2008) 'Public Diplomacy and Soft Power', *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 616, pp. 94–109. DOI: 10.1177/0002716207311699.
- Saarinen, S. (2001) 'The myth of a Finno-Ugric community in practice', *Nationalities Papers*, 1, pp. 41–52.
- Sommer, L. (2014) 'Historical Linguistics Applied: Finno-Ugric Narratives in Finland and Estonia', *Hungarian Historical Review*, 2, pp. 391–417.
- Taagepera, R. (2001) 'Eastern Finno-Ugric Cooperation and Foreign Relations', *Nationalities Papers*, 1, pp. 181–199.
- Wendt, A. (1999) *Social theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 25.07.2021

Статья принята к печати: 18.08.2021

FINNO-UGRIC "WORLD" AS A SYMBOLICALLY CONSTRUCTED PROJECT

O. B. Yanush

O. B. Yanush, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Sociology, Political Science and Law.

Kazan State Power Engineering University.

E-mail: yanush_ob@yahoo.com (ORCID: 0000-0002-5606-5984. ResearcherID: I-3310-2018).

Abstract

The article studies the Finno-Ugric "world", understood as a transfrontier language community and its actors. The author marks tendencies of unification in the Finno-Ugric community of the 1990s and a stage of «disintegration» in the 2000s. The study goal is to explain the ongoing processes in the context of the foreign policy of several western countries engaged and ethnic fragmentation among the Russian Finno-Ugric peoples. For this purpose, the work describes the creation of the Finno-Ugric community, the institutional setting and the results of the World Congresses; the role of the Finno-Ugric "world" in the foreign policies of Western countries. Attention is paid to practices aimed at constructing a common Finno-Ugric identity, among which the initiative "Cultural Capitals of the Finno-Ugric World" is noted.

The author concludes that the Finno-Ugric “world” is a symbolically constructed project that connects the divergent positions of a diverse circle of participants, typologically defined as “the glottogenesis community”, where symbolic and discursive principles prevail over material ones. Moreover, bilateral and multilateral interactions between “western” and “eastern” Finno-Ugric peoples in the culture, science and education are more likely projections of the “soft power” of Finland, Hungary and Estonia than aspirations to create a common Finno-Ugric space.

Keywords: Finno-Ugric "world"; transfrontier language community; “community of glottogenesis”; “soft power”; identity; the cultural capitals of the Finno-Ugric "world".

Acknowledgements: The study was carried out under the Program of Fundamental and Applied Scientific Research "Ethno-cultural diversity of Russian society and strengthening of all-Russian identity" 2020–2022.

Международные отношения

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-77-87

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРЫМА ДЛЯ УКРАИНЫ В 1991–2014 гг.

С. Е. Киевец

Киевец Семен Евгеньевич, аспирант, Аспирантская школа по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва. E-mail: KievecSemyon@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-8943-4416).

Аннотация

Рассматривается политическое значение Крыма в составе Украины в 1991–2014 гг. и анализируются основные проблемы во взаимоотношениях Киева и Симферополя. На основе обширной документальной базы делается вывод о неправомерном включении Республики Крым в 1990-х гг. в состав украинского государства. Анализируется деструктивное влияние русского и русскоязычного населения полуострова на формирование украинской государственности. Определяется роль пророссийских организаций и русскоязычного населения в выходе Крыма из состава Украины. Изучается роль Черноморского флота для украинского государства, который использовался как инструмент давления на Россию для повышения статуса страны в глазах НАТО. Оценивается вклад Крыма в экономику Украины, отмечается высокая роль рекреационного сектора и определяются основные отрасли промышленности и сельского хозяйства АР Крым. В статье делается вывод о неизбежности конфликта между Киевом и Симферополем и присоединения Крыма к России, что обусловлено противоречивой политикой украинских властей. Прослеживается отсутствие значимости Крымского полуострова для Украины с точки зрения экономического развития, формирования единой украинской нации и обеспечения безопасности страны.

Ключевые слова: Автономная Республика Крым; Украина; Россия; аннексия; русскоязычное население; Черноморский флот; экономика.

Украинский кризис и последовавшая за ним «Крымская весна» стали одними из поворотных событий на постсоветском пространстве со времени распада СССР в 1991 г. Украина, потеряв Крым и испытывая комплекс страны, «пострадавшей от агрессии России», определилась с главным вектором развития своей внешней политики. Сделав ставку на евроатлантическую интеграцию, она свела к минимуму экономические, политические, культурные и иные связи с Россией.

Россия, опираясь на итоги мартовского референдума 2014 г. в Крыму, в одностороннем порядке объявила о вступлении полуострова в Российскую Федерацию на правах субъекта, не согласовав данный шаг с ЕС, США и их партнерами. Запад, в свою очередь, проявил солидарность с Украиной, начав санкционную политику в отношении России.

Вхождение Крыма в состав РФ предоставило Киеву возможность требовать от Запада санкций против России, солидарности с Украиной как «жертвой» российских «имперских амбиций». Киев закрепил на международном уровне обвинения в адрес Российской Федерации в «оккупации» Крымского полуострова. Несомненное возвращение Крыма в состав Украины стало неотъемлемой частью национальной идеологии страны. Киев демонстративно не готов мириться с потерей Крымского полуострова и постоянно декларирует свои стремления предпринимать некие действия по его возврату.

В связи с вышеизложенным, цель статьи – рассмотрение взаимоотношений Украины и АР Крым в период до 2014 г., что, в свою очередь, должно помочь определить значение Крыма в политике Киева в отношении России.

Правовой статус Крыма и его насильственное включение в состав Украины

Противоречивая с точки зрения законодательства процедура перехода Крымской области под юрисдикцию Украинской ССР в 1954 г. заложила предпосылки для дальнейших дискуссий между Россией и Украиной о принадлежности Крыма.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР полуостров был передан Украинской ССР 19 февраля 1954 г.¹. Однако процесс передачи Крыма противоречил положениям Конституции РСФСР 1937 г., поскольку Основной закон РСФСР не наделял Верховный Совет РСФСР полномочиями на изменение границ ее административно-территориальных образований (33-я статья)². Президиум Верховного Совета СССР, в свою очередь, также не обладал соответствующей компетенцией изменять территориальные границы Крымской области, что отражено в ст. 49 Конституции СССР 1936 г.³.

В то же время указ Президиума Верховного Совета СССР не распространялся на Севастополь, который являлся самостоятельным административно-хозяйственным центром и имел статус города республиканского значения. На момент передачи Крымской области в 1954 г. Севастополь не входил в ее состав, что подтверждает его принадлежность де-юре РСФСР (Президиум Верховного Совета РСФСР, 1948)⁴. Проблема принадлежности Крыма таким образом была заложена посредством приобретения юридической силы указом Президиума Верховного Совета СССР, противоречащим Конституциям СССР и РСФСР, и возникла в международном информационном пространстве после распада СССР в 1991 г.

На референдуме в январе 1991 г. 93,3% крымчан поддержали «воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики (АССР) как субъекта СССР и участника Союзного договора» (Вишняков, 2011: 62). На всеукраинском референдуме, состоявшемся 1 декабря 1991 г., был одобрен «Акт провозглашения независимости Украины». Окончательная явка на всеукраинском референдуме в Крымской АССР и Севастополе составила 67,5 % и 63,74 %, при этом «Акт» подтвердило 54,19 и 57,07% соответственно⁵. Низкая явка на референдуме в Крыму ставит под сомнение его легитимность, ведь две третьих граждан, проживающих на территории полуострова, проигнорировали голосование или его не поддержали. На референдуме был поставлен вопрос не о будущем статусе Крыма в рамках нового государства, а именно о независимости Украины (Вишняков, 2011: 65).

Опираясь на решения декабрьского референдума 1991 г., Украина в первой половине 1990-х гг., уже после распада СССР, фактически аннексировала Крым, что проявилось в эволюции общественно-политических настроений населения полуострова, о чем свидетельствует его общественно-политическое развитие.

Верховный Совет Украинской ССР, в феврале 1991 г. принял постановление «о восстановлении Крымской АССР в ее составе», исказив результаты всенародного голосования (Вишняков, 2011: 62-63). Дело в том, что на декабрьском референдуме 1991 г. поднимался вопрос именно о воссоздании Крымской АССР и подтверждении юрисдикции СССР на территории Крыма. Ни одно из этих положений впоследствии не было выполнено.

Украина осуществила перевод Крыма в свою юрисдикцию насильственным образом и вопреки ст. 3 Закона о выходе из состава СССР от 3 апреля 1990 г. Данная статья предусматривала, что в союзных республиках, имевших в своем составе автономные республики, «референдум должен был состояться отдельно в каждой автономии»⁶. Крымской АССР, обладавшей статусом автономной рес-

¹ О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР. *Народный фронт «Севастополь-Крым-Россия»*. URL: <http://www.sevkrimrus.narod.ru/SevKrimRus/ZAKON/1954.htm> (дата обращения: 29.07.2020).

² Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.). *Гарант-Сервис*. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/ (дата обращения: 13.12.2020).

³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). *Гарант-Сервис*. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 13.12.2020).

⁴ О выделении города Севастополя в самостоятельный хозяйственный административно-хозяйственный центр: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР. *Федеральное архивное агентство*. URL: <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-rsfsr-o-vydelanii-goroda-sevastopolya-v-samostoyatelnyy> (дата обращения: 23.08.2020).

⁵ Відомість про результати Всеукраїнського референдуму, 1 грудня 1991 р. *Державна архівна служба України*. Ф. 1. Оп. 28. Спр. 144. Арк. 6. URL: https://old.archives.gov.ua/Sections/15r-V_Ref/index.php?11 (дата обращения: 10.12.2020).

⁶ О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР: Закон СССР от 3 апр. 1990 г. № 1409-1. *Гарант*. URL: <https://base.garant.ru/6335629/#friends> (дата обращения: 01.12.2020).

публики с января 1991 г., украинские власти не предоставили возможность проведения своего собственного референдума.

В то же время политический кризис, сопровождающийся усилением противоречий между крымским парламентом и президентом Крыма Ю. Мешковым, ослабил влияние крымских политиков на полуострове. Отсутствие конструктивного диалога среди крымских элит и формирования единой политической силы в Крыму, раскол внутри блока «Россия», получившего большинство мест в местном парламенте, предопределили усиление позиций Киева в Республике (Мацузато, 2009: 58–59).

Используя разногласия между исполнительной и законодательной властями в Крыму, президент Украины Л. Кучма преодолел противоречие между автономией и центром и вернул Республику Крым в правовое поле Украины. Некоторые указы и постановления крымских властей с 1991 г. по 1995 г., в том числе Конституция Крыма 1992 г. и должность президента Республики, введенная в 1994 г., были также упразднены. Первый и единственный президент Крыма Ю. Мешков, отличавшийся пророссийскими взглядами, был вынужден покинуть территорию полуострова и «бежать» в Москву (Мацузато, 2009: 61–62).

Таким образом, включение Крыма в состав Украины в середине 1990-х гг. являлось не результатом компромисса между крымской элитой, крымчанами и украинскими властями, а стало следствием решительных действий украинского президента Л. Кучмы.

С другой стороны, переход Крыма под юрисдикцию Украины в 1990-х гг. оказался возможным благодаря пассивной позиции России, которая, желая уклониться от российско-украинского территориального спора, не вмешивалась в разворачивающиеся политические события на полуострове и заняла позицию стороннего наблюдателя. Несмотря на позицию руководства страны, среди российских элит, к числу которых относились мэр Москвы Ю. Лужков и представители Госдумы С. Бабурин и Д. Rogozin, (Мальгин, 2012: 336), были распространены настроения в пользу включения Крыма в состав России.

Пассивная позиция российского руководства по Крыму в 1991 г. была обусловлена, с одной стороны, нежеланием РФ обострять сложные отношения с Украиной после распада СССР. Раздел Черноморского флота СССР и ядерное разоружение украинского государства имели первоочередное значение в российско-украинских отношениях, так как являлись важнейшей частью обеспечения безопасности России.

С другой стороны, в российском руководстве в 1990-е гг. было принято считать, что численное превосходство русского и русскоязычного населения в этническом и национальном составе населения Крыма должно было стать инструментом для поддержания дружественных отношений с Украиной посредством укрепления экономических, культурных и иных связей России с АР Крым. Время показало, что русская и русскоязычная часть населения Крыма в постсоветской Украине оказалась в роли заложников Киева и основой постоянного шантажа России украинским государством.

Проблемы русскоязычного населения в Крыму в период до 2014 г.

Среди всех регионов Украины АР Крым и г. Севастополь были единственными административно-территориальными единицами, в которых представители русского населения составляли существенное большинство. По данным украинской переписи населения 2001 г., 60,4% резидентов Крыма являлись русскими, 24% – украинцами и 10,2% – крымскими татарами. Характерной чертой населения Крыма являлся тот факт, что значительное большинство представителей нерусского населения признавало русский язык родным, в том числе 59,5% украинцев АР Крым и 70,1% украинцев, проживавших в Севастополе¹. Однако, несмотря на численное превосходство русскоязычных граждан и распространенность русского языка среди крымчан, только при В. Януковиче в августе 2012 г. был принят закон, предоставивший русскому и крымско-татарскому языкам статус региональных².

Сложный этнический состав Крыма предопределил его особую роль в политической жизни Украины. Численное превосходство русского и русскоязычного населения вызывало беспокойство среди украинских политических элит, поскольку, по их мнению, этническое преобладание русских в регионе обеспечивает предпосылки для возможного вмешательства России во внутренние дела Украины под предлогом сотрудничества с крымчанами.

¹ Всеукраинская перепись населения 2001. *Государственный комитет статистики Украины*. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul1/ (дата обращения: 20.05.2020).

² Про засади державної мовної політики: Закон України, 2012 г. *Ліга Закон*. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T125029.html (дата обращения: 14.12.2020).

Осознавая численное превосходство русскоязычного населения, украинские власти стремились извлекать выгоду из напряженной межнациональной ситуации в Крыму, которая сложилась в результате возвращения крымских татар. Их «преданность» Киеву позволила украинскому руководству использовать крымско-татарское движение в качестве «противовеса» интересам русского населения, проживавшего на полуострове (Мальгин, 2014). Земельный вопрос, различные политические взгляды стали причинами для обострения межнациональной ситуации, что приводило к конфликтным ситуациям между представителями крымских татар и русскоязычного населения (Никифоров, 2019: 732). Можно утверждать, что Киев «стравливал» крымских татар с русским и русскоязычным населением полуострова.

Славянское население АР Крым, в отличие от крымских татар, в постсоветский период всегда поддерживало идеи сближения с Россией. Свою позицию крымчане выражали на общеукраинских выборах. Жители полуострова на протяжении всего пребывания в составе Украины поддерживали политических лидеров и политические партии, которые выступали за углубление интеграции с Россией. На выборах президента Украины большинство граждан Крыма голосовали за Л. Кучму (1994 г.), П. Симоненко (1999 г.), В. Януковича (2004 и 2010 гг.); на выборах народных депутатов предпочтение отдавалось «Коммунистической партии Украины», затем с 2006 г. – «Партии регионов». Партии, ставящие целью своей деятельности интеграцию с Европейским союзом и структурами НАТО, а также националистические партии, не отражавшие общественно-политические интересы и взгляды крымчан, не пользовались популярностью в Крыму (Ерохина, 2016).

Однако, учитывая складывающуюся ситуацию в 1990-х гг., русское население Крыма, в том числе и этнические украинцы, до 2014 г. чаще всего выступали в качестве сторонников расширения автономии АР Крым в составе Украины, а затем, уже на протяжении 2000-х гг. не теряли надежды на воссоединение с Россией.

Сопротивление русского и русскоязычного населения Крыма интеграции полуострова в состав Украины прошло несколько этапов. В 1994 г., по мнению около 80% крымчан, предоставление юридической силы законам президента Крыма позволило бы ему проводить политику в интересах местного населения, сводя к минимуму деструктивную роль Киева. Восстановление Конституции Крыма от 1992 г., обеспечивавшей широкую автономию республике в составе Украины, также соответствовало интересам крымчан, поскольку перевело бы отношения с Киевом на договорную основу. Фактически Крым требовал федерального статуса. Движение Крыма в сторону «федерализации» отношений с центром вызвало беспокойство у киевских властей, и они не допустили потери контроля над общественно-политическим развитием республики (Мальгин, 2000: 109).

Общественно-политическое движение русскоязычного населения Крыма было подвержено перепадам в отношениях между Россией и Украиной. Резкая смена внешнеполитического курса украинского государства после прихода к власти В. Ющенко вызвала беспокойство крымчан. Акции националистически настроенных украинцев, поддерживавших стремление к членству в НАТО, способствовали росту пророссийских настроений среди жителей Крыма. «Оранжевая революция» привела к активизации деятельности радикальных пророссийских организаций на полуострове, среди которых можно отметить Народный фронт «Севастополь-Крым-Россия» и молодежную организацию «Прорыв» (Мальгин, 2012: 339–340).

В течение президентства В. Ющенко (2005–2010 гг.) в Крыму проводилась политика украинизации, целью которой являлось насильственное внедрение элементов украинской культуры в жизнь крымчан. Основная роль отводилась внедрению украинского языка, подразумевая ограничения в отношении других языков, в том числе и русского.

Представители русской диаспоры Крыма выражали недовольство сокращением теле- и радиовещания на русском языке, выступали против содержания учебников и «новой» истории Украины – вечной «жертвы» российской агрессии и «экспансии» (Волгогонова и Полунов, 2008: 159). Политика украинизации при В. Ющенко, ассоциировавшегося с украинским национализмом, не находила поддержки среди крымчан, вызывая у них чувство дискриминации по языковому и этническому признаку.

В то же время насильственные попытки украинского руководства ассимилировать русскоязычное население стимулировали настроения среди крымчан относительно вхождения Крыма в состав России, которые в целом сохранялись на протяжении всего постсоветского периода. Например, в 2003 и 2007 гг. русские и значительная часть украинцев, проживавших в Крыму, в будущем хотели бы видеть регион в составе Российской Федерации (Волгогонова и Полунов, 2008: 152–153). Они таким образом подрывали формирование единой украинской государственности. Русское и украинское

население Крыма отстаивало право на свободное использование русского языка, отказывалось поддерживать украинский национализм, выступало за активное взаимодействие с Россией и сохранение исторической памяти о российском и советском прошлом.

Расширению связей с Россией способствовала деятельность местных общественно-политических организаций, наиболее активными среди которых стали Русская община Крыма, Российская община Севастополя, «За Севастополь и возрождение Черноморского флота». В своей работе они были нацелены на сотрудничество с Россией, борьбу с распространяющимся на Украине неонацизмом, сохранение самобытности многонациональной российской культуры и популяризацию истории.

Большое значение для развития и поддержания культурного и исторического наследия Крыма приобрели фонды, осуществлявшие свою деятельность при поддержке России, главным образом Москвы – фонд социальных инициатив «Москва-Крым», фонд «Русский мир» и различные проекты под эгидой российского правительства и администрации Москвы. (Островская, 2013: 132–134).

Одним из ключевых факторов, направленных на снижение роли крымчан в политической жизни Крыма, стало отстранение крымской политической элиты от ключевых постов на различных уровнях. После прихода к власти В.Ф. Януковича АР Крым приобрела первостепенное значение для Киева, и полуостров стал колонизироваться македонцами, сторонниками премьер-министра Крыма В. Джарты, являвшегося представителем донецких бизнес-структур (Никифоров, 2019: 735–736). Давление украинских властей на крымские элиты, а также политика руководства в отношении ущемления прав русскоязычного населения Крыма, сложная межнациональная ситуация заложили основы для возникновения латентного конфликта между АР Крым и Киевом. Именно активная позиция пророссийских организаций и их политических лидеров позволила крымчанам объединиться и подготовить почву для проведения референдума и вхождения Крыма в состав России.

Проблема Черноморского флота

Раздел Черноморского флота СССР между Россией и Украиной стал одним из самых болезненных вопросов в 1990-х гг. После распада Советского Союза все основные базы Черноморского флота оказались на территории украинского государства, стремившегося перевести их в свою собственность. Следует отметить, что стоимость Черноморского флота к 1992 г. составляла 80 млрд долл., и в его составе находились 835 кораблей и других судов практически всех существующих классов¹.

Украина рассматривала Крымский полуостров как плацдарм для создания собственного военно-морского флота. По мнению Киева, военное наследство СССР должно было стать основой для формирования украинских военно-морских сил. В результате длительных переговоров с Россией Украине досталось 18,3% кораблей и судов Черноморского флота СССР². Она таким образом получила возможность создания небольших военно-морских сил и скидку на оплату российского газа (Мальгин, 2014).

Получив при разделе советского «наследства» часть флота СССР, Украина оказалась незаинтересованной в его дальнейшем развитии. Для модернизации флота и строительства военных кораблей требовались значительные финансовые средства, которые Киев оказался не в состоянии выделить. За все время существования независимой Украины было построено несколько военных кораблей и судов (Заквасин, 2017). Отсутствием весомых инвестиций в украинский морской флот можно объяснить его незначительную роль в обеспечении безопасности страны.

Отсутствие соглашений между Украиной и Россией в 1990-х гг. по вопросам, вызванным вхождением Крыма в состав украинского государства, являлось источником для дальнейших конфликтов между двумя странами. Например, в 2003 г. конфликт вокруг о. Тузла между Россией и Украиной стал следствием нерешенной проблемы делимитации границ морского пространства в Азовском и Черном морях. Договор 2003 г. о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива, подписанный впоследствии между двумя странами, не определял отчетливые морские границы, что создавало возможность для возникновения новых конфликтов и провокаций со стороны Украины (Чуклина, 2019: 80–81). В итоге, вокруг базы российского Черноморского флота в Севастополе сложилась крайне напряженная ситуация. Украинская сторона постоянно провоцирова-

¹ Сидорчик, А. Растоптанная гордость. Как Россия и Украина делили Черноморский флот. URL: https://aif.ru/society/history/rastoptannaya_gordost_kak_rossiya_i_ukraina_delili_chemnomorskiy_flot (дата обращения: 10.12.2020).

² Там же.

ла личный состав флота. В августе 2008 г. вспомогательные суда украинского военного флота попытались препятствовать возвращению российских кораблей в родную гавань после выполнения военных задач у берегов Абхазии и Грузии (Ракетный корабль ..., 2008).

Вопрос о базировании российского флота в Крыму до 2014 г. оставался одной из самых злободневных проблем Киева и зависел от развития политической конъюнктуры на Украине. Так, внешнеполитический курс при президентстве В. Ющенко на вступление в НАТО не соответствовал ожиданиям многих украинцев, в том числе и крымчан, что отразилось на ситуации вокруг базирования Черноморского флота. Результаты социологического исследования Киевского международного института социологии (КМИС), проведенного в феврале 2008 г., продемонстрировали сдержанное отношение украинцев в отношении к НАТО (КМИС, 2008)¹. В. Ющенко, прибегая к различного рода провокациям, в свою очередь, стремился продемонстрировать влияние Украины в Крыму и вытеснить Россию, в данном случае Черноморский флот, из Севастополя. Политика Крыма по отношению к Севастополю стимулировала противодействие со стороны местного населения. В частности, крымчанам удалось помешать проведению совместных учений НАТО и Украины в Крыму в 2006 и 2008 гг. (Никифоров, 2019: 729).

Присутствие российского флота на территории Украины также являлось одним из дестабилизирующих факторов для украинского общества. По мнению националистически настроенных украинских граждан и различного рода движений, сам факт нахождения военно-морских сил России на территории независимого и суверенного государства считался незаконным нарушением прав Украины на свою территорию. Продление при президенте В.Ф. Януковиче соглашения о пребывании российского флота в Крыму до 2042 г. было позитивно оценено пророссийскими силами на полуострове, в то время как национал-демократы ожидали вывода флота России из Крыма (Никифоров, 2019: 734).

Таким образом, военно-морской флот для Украины выполнял «декоративную» функцию, показывая тем самым, что она является морским государством. База украинских ВМС в Севастополе не играла какой-либо заметной роли в обеспечении безопасности Украины.

Однако, опираясь на существование ВМС, Украина, стремясь к членству в НАТО, старалась продемонстрировать свою стратегическую значимость для Североатлантического союза и незаменимую роль в сдерживании «амбиций» России на Черном море. Вместе с тем вопрос о пребывании российского флота на Украине находился в сильной зависимости от внешнеполитических предпочтений украинских лидеров, находившихся у власти, и создал ряд проблем во взаимоотношениях двух стран. Фактически Украина до 2014 г. использовала условия базирования Черноморского флота в Севастополе в качестве инструмента шантажа РФ.

Вклад Крыма в экономику Украины

С точки зрения необходимости обеспечения своей жизнедеятельности в период до 2014 г., АР Крым находилась в экономической зависимости от Украины, что обусловлено особенностями ее географического положения, в частности, полуостровным положением и отсутствием ряда важнейших ресурсов.

Прежде всего в Крым в «украинский период» осуществлялись поставки электроэнергии с украинских АЭС, включая Запорожскую АЭС, поскольку крымская генерация обеспечивала полуостров только на 20%². Однако в наибольшей степени Крымский полуостров сталкивался с проблемой стабильного водообеспечения, которая была решена в советское время при помощи Северо-Крымского канала. Водные ресурсы Днепра стали необходимым условием для развития сельского хозяйства Крыма и не могли быть заменены внутренними водами (Курбанов и др., 2014: 31–32).

Во второй половине 1990-х гг. общегосударственная система налогообложения Украины стала действовать и в отношении Крыма. Отток финансовых средств из республики негативно отразился на развитии региональной экономики, которая находилась в состоянии рецессии. Ситуация на полуострове усугублялась резким спадом производства до 14,1% в 1996 г. и 24% в 1997 г., в то время как эти значения по украинским регионам составляли 5,1% и 1,8% (Мальгин, 2000: 131–132). Фактически политика Киева «обескровила» экономику полуострова.

¹ Мнение населения Украины о проведении референдума по вступлению Украины в НАТО, 14 февр. 2008 г., *КМИС*. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=360&page=85> (дата обращения: 02.03.2021).

² За счет чего живет экономика Крыма, 8 февр. 2014 г., *Коммерсантъ*, 34. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2418407> (дата обращения: 08.03.2021).

О неэффективности экономического развития полуострова в 2001–2012 гг. свидетельствует такой показатель, как валовая добавленная стоимость (ВДС). Она позволяет оценить состояние национальной экономики, рост которой отражает увеличение бюджета, зарплаты и прибыли. Согласно данным исследователей Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского К. и С. Онищенко, в 2001, 2004, 2007, 2008, 2010, 2011 и 2012 гг. темпы роста ВДС не опережали прирост продукта промежуточного потребления, что позволяет считать развитие экономики Крыма неэффективным. (Онищенко, Онищенко, 2016: 173–174). Следует также отметить, что объем ВРП на душу населения в АР Крым в 2004–2013 гг. был ниже среднего значения по украинским регионам¹.

Украина не обладала необходимыми финансовыми ресурсами, чтобы содействовать стабильному экономическому развитию Крыма. В местный бюджет поступали ограниченные средства, которых было недостаточно для улучшения экономической ситуации на полуострове (Волкогонова и Полунов, 2008: 148).

Однако с приходом к власти В. Януковича в 2010 г. в Крым начали поступать солидные денежные средства из государственного бюджета Украины, которые стали самыми значительными за весь период пребывания полуострова в составе Украины. (Никифоров, 2019: 737).

По поручению президента Украины В. Януковича в 2010 г. была разработана «Стратегия экономического и социального развития Автономной Республики Крым на 2011–2020 годы»². Многообещающие задачи и цели стратегии, в том числе рост ВРП АР Крым на 161,1% в течение 10 лет³, были обусловлены сменой взгляда Киева на важность Крымского полуострова в жизни украинского государства. Однако после смерти премьер-министра Крыма В. Джарты поток финансовых средств в Крым из Киева прекратился, что привело к приостановке целого ряда важных проектов (Никифоров, 2019: 737).

Обладая мощным природно-экономическим и производственно-технологическим потенциалом, Крыму не удалось вовлечь в экономический оборот имеющиеся ресурсы. Выгодное геоэкономическое положение Крыма является одним из конкурентных преимуществ полуострова. Благоприятный климат, разнообразный ландшафт и богатство природного потенциала (Черное и Азовское моря) обеспечивали необходимые условия для развития сельского хозяйства, рекреационного сектора и некоторых отраслей промышленности⁴. Отдельные секторы сельского хозяйства и отрасли промышленного производства не были характерны для материковой Украины, оставались уникальными для нее и составляли весомую долю в структуре экономики страны.

Основными специализациями Крыма в сельском хозяйстве были зерновое хозяйство, животноводство, виноградарство, овощеводство и эфиромасличная отрасль (Нехайчук, 2015: 70). Так, доля Крымского полуострова в производстве винограда в начале 1990-х гг. составляла более 30% в производстве Украины и сократилась к 2013 г. до 20,7%. По данному показателю Крым уступал только Одесской области⁵. Добыча морских биоресурсов в Крыму, в свою очередь, давала в среднем 62–67% от вылова на всей территории Украины, что обеспечило полуострову лидерство в данной отрасли⁶. В Крыму имелось единственное месторождение брома на территории Украины, где добывалось 50% сырья карбоната, 50% магниевой соли, 53,3% флюсового известняка, 28,6% поваренной соли и 68,1% пильного камня⁷.

Одной из наиболее развитых отраслей промышленности на территории полуострова является химическая. Предприятия, расположенные в Крыму, выступали монополистами на рынках химической продукции на Украине и в странах СНГ. Крымская химическая продукция являлась конкурентоспособной на мировом рынке, что обусловлено наличием необходимого сырья и трудовых ресурсов (Нехайчук, 2015: 67).

Существенным потенциалом обладал рекреационный сектор Крыма. В 2013 г. в Крыму работало более 4000 мест размещения туристов – 751 зарегистрированных объектов (Нехайчук, 2015: 74). Доля количества гостиниц и аналогичных средств размещения в Крыму в 2013 г. составляла 22% сре-

¹ Регіональна статистика, *Держстат України*. URL: https://ukrstat.org/uk/operativ/menu/menu_u/sestr.htm (дата обращения: 06.02.2021).

² Абдуллаев, А. Р. и др. (2010) Стратегия экономического и социального развития Автономной Республики Крым на 2011–2020 гг.

³ Там же, сс. 75–76.

⁴ Абдуллаев, А. Р. и др. (2010) Стратегия экономического и социального развития Автономной Республики Крым на 2011–2020 гг., сс. 10–11.

⁵ Статистичний щорічник України за 2013 рік, *Державна служба статистики України*. Київ, с. 151.

⁶ Там же, с. 181.

⁷ Статистичний збірник «Регіони України». Частина 1. *Державна служба статистики України*. Київ, сс. 24–25.

ди всех подобных услуг на Украине, что превышает все другие украинские регионы¹. На полуострове также располагалось наибольшее количество мест в санаториях и пансионатах на Украине – 39,7%².

С экономической точки зрения Крым имел в «украинский период» серьезный потенциал, однако все его возможности во время пребывания в составе Украины оставались нереализованными. Доля Автономной Республики Крым и Севастополя в экономике украинского государства в 2004–2013 гг. составляла около 3% и 0,6–0,7% соответственно³. Тем не менее, как отмечают З. Олексюк и Х. Шуренберг-Фрош, «аннексия» Крыма нанесла значительный ущерб экономическому развитию Украины. Выход Крымского полуострова из состава страны привел к значительному сокращению ВВП государства более чем на 4% и уровня благосостояния более чем на 7% (Olekseyuk Z. and Schürenberg-Frosch H., 2019: 893). Крым был встроен в украинскую и мировую экономики, и разрыв этих связей стал причиной снижения темпов экономического развития как АР Крым с Севастополем, так и Украины. Украинское государство таким образом лишилось рынка сбыта для собственной продукции и было вынуждено закупать недостающие ресурсы у третьих стран.

Заключение

Право наций на самоопределение является одним из основополагающих принципов международного права, закрепленных Организацией Объединенных Наций. В мировой истории имеется немало примеров, когда право наций на самоопределение послужило объединением некогда разделенных народов, оказавшихся в составе разных государств. Так, Германская Демократическая Республика (ГДР) вошла в состав Федеративной Республики Германия без проведения референдума и согласия немецкого народа, проживавшего на территории ГДР. В праве наций на самоопределение не было отказано и немцам, проживавшим в Сааре, который после Второй мировой войны находился под протекторатом Франции (Шонин, 2020: 162–163).

В отличие от немецкого народа, русский народ, по представлению стран ЕС и США, не имеет права на самоопределение. Крымчане, которые на референдуме в 2014 г. выразили солидарность с крымскими властями и активно выступали за вхождение АР Крым в состав России, не могут, по мнению стран Запада, воссоединиться с Российской Федерацией. До настоящего времени на международной арене не существует значительной поддержки возвращению Крыма в состав Украины. По требованию Киева Запад с 2014 г. ввел экономические санкции против Российской Федерации.

Проблема принадлежности Крыма возникла вследствие принятия незаконного указа в 1954 г. и остается актуальной до настоящего времени. Россия проявляла пассивность в решении данного вопроса в 1990-е гг., чем, безусловно, воспользовалась Украина. Российская Федерация в 1991–1992 гг. отказалась от своего несомненного права на Крым, чтобы его в дальнейшем использовать в качестве инструмента для поддержания отношений с Киевом. Численное превосходство русского и русскоязычного населения создали все необходимые условия для дальнейшего экономического и культурного сотрудничества России с Крымом. Крымский полуостров, находясь под влиянием РФ, объективно оказывал деструктивное влияние на Украину.

Крым являлся «инородным телом» для Украины, поскольку препятствовал формированию единой государственности в стране. Формирование унитарного государства на Украине, снижение роли крымских элит, насильственная украинизация русскоязычного населения и ущемление их прав и свобод вызывали недовольство среди крымчан. Положение усугубляла противоречивая и в целом антироссийская политика Киева, который, сталкивая интересы русского и крымско-татарского населения, своими действиями стремился использовать сложную межнациональную ситуацию.

С экономической точки зрения Крым не представлял особой важности для экономики Украины. Поэтому Крымский полуостров был нужен Киеву не как экономический форпост, а как инструмент для оказания давления на Россию. Стремясь к членству в НАТО, Киев хотел показать свою стратегическую значимость и заручиться поддержкой США, вытесняя Российскую Федерацию с Крымского полуострова и, как следствие, из акватории Черного моря, ухудшая ее военно-стратегические позиции в регионе.

В то же время будучи единственным регионом в составе Украины с большей долей русского населения, Крым был «миной замедленного действия». Он становился препятствием на пути созда-

¹ Статистичний щорічник України за 2013 рік, *Державна служба статистики України*. Київ, с. 45б.

² Там же, с. 459.

³ Регіональна статистика, *Держстат України*. URL: https://ukrstat.org/uk/operativ/menu/menu_u/sestr.htm (дата обращения: 06.02.2021).

ния этнически однородного украинского государства, основанного на отторжении советского прошлого и утверждении новых ценностей сквозь призму украинского национализма. Политика Украины в отношении Крыма так или иначе привела бы к конфликту, что послужило бы толчком для выхода республики из состава украинского государства и ее присоединения к России.

Киев последовательно доводил политическую ситуацию в Крыму до острого кризиса, в том числе благодаря навязываемой политике украинизации, пренебрежению к интересам русскоязычного населения, стремлению к членству в НАТО. Отсутствие заинтересованности Киева в Крыму как полноценном регионе украинского государства было компенсировано его геостратегическим положением, которое позволило использовать полуостров как средство для сближения с НАТО, играя на противоречиях с Россией.

Пророссийские настроения преобладали среди крымского населения на протяжении всего пребывания в составе Украины. Именно пророссийские организации подготовили социальную и политическую основу для присоединения Крыма к России. Данный исход был неизбежен, чему способствовали государственный переворот в феврале 2014 г. в Киеве и усиление деятельности и влияния националистических сил в стране. Потеря Крыма не стала критичной для Украины, что связано с его низкой ролью в обеспечении безопасности страны и ее экономического развития и в формировании единой украинской нации.

Список литературы / References

- Вишняков, В. Г. (2011) *Крым: право и политика*. Москва: ЮРКОМПАНИ. [Vishnjakov, V. G. (2011) *Crimea: Law and Politics* [Крым: право і політика]. Moscow: JuRKOМPANI. (In Russ.)].
- Волкогорова, О. Д., Полунов, А. Ю. (2008) 'Политизация этничности в современной Украине: русская диаспора и межнациональные отношения в Крыму', *Россия и современный мир*, 2 (59), сс. 144–163. [Volkogonova, O. D., Polunov, A. Ju. (2008) 'Politization of Ethnicity in Modern Ukraine: Russian Diaspora and Interethnic Relations in Crimea' [Politizacija jetnichnosti v sovremennoj Ukraine: russkaja diaspora i mezhnacional'nye otnoshenija v Krymu], *Rossija i sovremennij mir*, 2 (59), pp. 144–163. (In Russ.)].
- Ерохина, О. В. (2016) 'Проблемы национально-государственной самоидентификации крымчан, регулирования межэтнических отношений в Крыму, политическая и социальная адаптация крымчан к жизни в составе Российской Федерации', *Наука. Общество. Оборона*, 2 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-natsionalno-gosudarstvennoj-samoidentifikatsii-krymchan-regulirovaniya-mezhetnicheskikh-otnoshenij-v-krymu-politicheskaja-i-sotsialnaja-adaptacija-krymchan-k-zhizni-v-sostave-rossijskoj-federacii> (дата обращения: 10.03.2021). [Erohina, O. V. (2016) 'Problems of National-state Self-identification of Crimeans, Regulation of Interethnic Relations in Crimea, Political and Social Adaptation of Crimeans within the Russian Federation' [Problemy nacional'no-gosudarstvennoj samoidentifikatsii krymchan, regulirovaniya mezhetnicheskikh otnoshenij v Krymu, politicheskaja i social'naja adaptacija krymchan k zhizni v sostave Rossijskoj Federacii], *Nauka. Obshhestvo. Oborona*, 2 (7). Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-natsionalno-gosudarstvennoj-samoidentifikatsii-krymchan-regulirovaniya-mezhetnicheskikh-otnoshenij-v-krymu-politicheskaja-i-viewer> (Accessed: 10 March 2021). (In Russ.)]. DOI: 10.24411/2311-1763-2016-00011.
- Заквасин, А. (2017) 'По живому: 20 лет назад Россия и Украина разделили Черноморский флот СССР', *ТВ-Новости*. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/394322-20-let-nazad-rossiya-ukraina-razdel-chernomorskiy-flot-sssr> (дата обращения: 03.03.2021). [Zakvasin, A. (2017) 'Like a Knife: Russia and Ukraine Divided the USSR Black Sea Fleet 20 Years Ago' [Po zhivomu: 20 let nazad Rossija i Ukraina razdelili Chernomorskij flot SSSR], *TV-Novosti*. Accessed: 3 March 2021 (In Russ.)].
- Курбанов, А. Х. и др. (2014) 'Интеграция экономики Крыма в российскую экономическую систему: состояние и перспективы', *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 4 (88), сс. 30–37. [Kurbanov, A. H. et al. (2014)

- ‘Integration of Crimea’s Economy into the Russian Economic System: State and Perspectives’ [Integracija jekonomiki Kryma v rossijskiju jekonomicheskiju sistemu: sostojanie i perspektivy], *Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta*, 4 (88), pp. 30–37. (In Russ.).
- Мальгин, А. В. (2000) *Крымский узел. Очерки политической истории Крымского полуострова 1989–1999*. Симферополь: Новый Крым. [Mal'gin, A. V. (2000) *The Crimean Knot. Essays on the Political History of the Crimean Peninsula 1989-1999* [Krymskij uzел. Oчерki politicheskoy istorii Krymskogo poluostrоva 1989–1999]. Simferopol: Novyj Krym. (In Russ.)].
- Мальгин, А. В. (2012) ‘«Русский Крым» в посторанжевой Украине: новые реалии – старые проблемы’, *Вопросы развития Крыма*, 16, сс. 333–347. [Mal'gin, A. V. (2012) ‘Russian Crimea in Post-Orange Ukraine: New Realities – Old Problems’ [«Russkij Krym» v postoranzhevoj Ukraine: novye realii – starye problemy], *Voprosy razvitiya Kryma*, 16, pp. 333–347. (In Russ.)].
- Мальгин, А. В. (2014) ‘Крымский узел. Что привело к «Русской весне»–2014?», *Россия в глобальной политике*, 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krymskij-uzel-что-привело-к-русской-весне-2014/> (дата обращения 10.04.2021). [Mal'gin, A. V. (2014) ‘The Crimean Knot: What did lead to the “Russian Spring”-2014?’ [Krymskij uzел. Chto privelo k «Russkoj vesne»-2014?], *Rossija v global'noj politike*, 2. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/krymskij-uzel-что-привело-к-русской-весне-2014/> (Accessed: 10 April 2021). (In Russ.)].
- Мацузато, К. (2009) *Крым и Николаевская область*. Т. 3. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University [Macuzato, K. (2009) *Crimea and Nikolayevskaya Oblast* [Krym i Nikolaevskaja oblast']. V. 3. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. (In Russ.)].
- Нехайчук, Д. В. и др. (2015) *Долгосрочные тренды развития Крыма: социально-экономический аспект*. Симферополь: Крымский институт бизнеса. [Nehajchuk, D. V. i dr. (2015) *Long-term Trends of the Crimea’s Development: Socio-economic Aspect* [Dolgosrochnye trendy razvitiya Kryma: social'no-jekonomicheskij aspekt]. Simferopol': Krymskij institut biznesa. (In Russ.)].
- Никифоров, А. Р. (2019) ‘Крым в дестабилизирующей Украине: от «оранжевой революции» до Евромайдана. 2004-2014’ в: Юрасов, В. А. (отв. ред.) *История Крыма*, Т. 2. Москва: Кучково поле, сс. 725–740. [Nikiforov, A. R. (2019) ‘Crimea in Destabilizing Ukraine: from the “Orange Revolution” to Euromaidan. 2004-2014’ [Krym v destabilizirujushhejsja Ukraine: ot «oranzhevoj revoljucii» do Evromajdana. 2004-2014] in: Jurasov, V. A. (otv. red.) *History of Crimea* [Istoriya Kryma], V. 2. Moskow: Kuchkovo pole, pp. 725–740. (In Russ.)].
- Онищенко, К. Н., Онищенко, С. К. (2016) ‘Оценка эффективности роста экономики Крыма за 2001–2012 гг.’, *Интеграция Республики Крым в систему экономических связей Российской Федерации: теория и практика управления*, сс. 173–174. [Onishhenko, K. N., Onishhenko, S. K. (2016) ‘Assessment of Efficiency of the Crimea’s Economic Growth in 2001-2012’ [Ocenka jefektivnosti rosta jekonomiki Kryma za 2001-2012 gg.], *Integracija Respubliki Krym v sistemu jekonomicheskikh svjazej Rossijskoj Federacii: teorija i praktika upravlenija*, pp. 173–174. (In Russ.)].
- Островская, И. В. (2013) ‘Современное состояние общественных организаций русской диаспоры Автономной Республики Крым’, *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 2 (12), сс. 131–136. [Ostrovskaja, I. V. (2013) ‘The Current State of Public Organizations of the Russian Diaspora of the Autonomous Republic of Crimea’ [Sovremennoe sostojanie obshhestvennyh organizacij russkoj diaspory Avtonomnoj Respubliki Krym], *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija*, 2 (12), pp. 131–136. (In Russ.)].
- Ракетный корабль «Мираж» вернулся от берегов Грузии в Севастополь (2008) *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20080822/150585022.html> (дата обращения: 20.02.2021). [The Rocket Ship “Mirage” Returned from the Coast of Georgia to Sevastopol (2008) [Raketnyj korabl' «Mirazh» vernulsja ot beregov Gruzii v Sevastopol']. *RIA Novosti*. (In Russ.)].

Чуклина, Э. Ю. (2019) 'Проблема делимитации Азовского моря: ретроспективный взгляд и варианты решения', *Крымский научный вестник*, 4, сс. 77–84. [Chuklina, Je. Ju. (2019) 'The Problem of Delimitation of the Sea of Azov: a Retrospective View and Possible Solutions' [Problema delimitacii Azovskogo morja: retrospektivnyj vzgljad i varianty reshenija], *Krymskij nauchnyj vestnik*, 4, pp. 77–84. (In Russ.)].

Шонин, Н. Е. (2020) 'Принцип равноправия и самоопределения народов и политика двойных стандартов', *Тенденции развития науки и образования*, 65-2,

сс. 159–164. [Shonin, N. E. (2020) 'The Principle of Equality and Self-determination of Peoples and the Policy of Double Standards' [Princip ravnopravija i samoopredelenija narodov i politika dvojnyh standartov], *Tendencii razvitija nauki i obrazovanija*, 65-2, pp. 159–164. DOI: 10.18411/lj-09-2020-77. (In Russ.)].

Olekseyuk, Z., Schürenberg-Frosch, H. (2019) 'Ukraine's unconsidered losses from the annexation of Crimea: What should we account for in the DCFTA forecasts?', *Review of Development Economics*, V. 23, 2, pp. 877–901. DOI:10.1111/rode.12574.

Статья поступила в редакцию: 03.05.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 20.07.2021

Статья принята к печати: 30.07.2021

POLITICAL MEANING OF CRIMEA FOR UKRAINE IN 1991–2014

S. E. Kievec

S. E. Kievec, postgraduate student, Graduate School of International Relations and Foreign Regional Studies, National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow.
E-mail: KievecSemyon@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-8943-4416).

Abstract

The article considers Crimea's political meaning within Ukraine in 1991-2014 and analyzes the main challenges in Kyiv-Simferopol relations. Based on the extensive database, the conclusion concerning the illegal joining of the Republic of Crimea to Ukraine in 1990s is made. The article analyzes the destructive influence of the Russian and Russian-speaking population of the peninsula on the Ukrainian statehood formation. The role of the pro-Russian organizations and the Russian-speaking population in Crimea's breakaway from Ukraine is defined. The author studies the role of the Black Sea Fleet for Ukraine used as a tool to impose pressure on Russia and to increase its power in the eyes of NATO. Crimea's contribution to the Ukrainian economy is assessed and the key branches of industry and agriculture of the Autonomous Republic of Crimea are identified. The article concludes that the conflict between Kyiv and Simferopol and Crimea's accession to Russia was inevitable and was predetermined by the controversial policy of the Ukrainian authorities. Absence of importance of the Crimean Peninsula for Ukraine from the perspective of economic development, a single Ukrainian nation formation and security was also traced.

Keywords: Autonomous Republic of Crimea; Ukraine; Russia; annexation; Russian-speaking population; Black Sea Fleet; economy.

УДК-32:329

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-88-96

ОРГАНИЗОВАННАЯ ЭТНИЧНОСТЬ: ТИПОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

М. В. Исобчук

Исобчук Мария Вячеславовна, младший научный сотрудник,
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН.
E-mail: isobchuk.mary@gmail.com (ORCID: 0000-0002-1204-4313. Researcher ID: W-1549-2017).

Аннотация

Этнические организации определенно являются основными акторами в этнополитических процессах в современном мире. Именно они выступают в качестве основных агентов мобилизации на этнических основаниях, и как следствие, – непосредственных инициаторов и участников этнополитических конфликтов. Безусловно, в данном контексте возникает необходимость структурирования типологии этнических организаций. Однако типологии, существующие на данный момент, отражают лишь формальные аспекты статуса этнических организаций (партии, НКО и т.д.), игнорируя организационные аспекты их функционирования. В статье на основании авторской базы данных этнических организаций в Восточной Европе была предложена новая типология этнических организаций. На основании эмпирических данных об организационных характеристиках (стратегии, представительская способность, наличие ресурсов и т.д.) 203 этнических организаций в Восточной Европе посредством применения иерархической кластеризации были выявлены три функциональных типа этнических организаций в зависимости от их проявления в этнополитическом конфликте. Более того, в ходе исследования установлен агрегированный параметр значимости организационных характеристик этнических организаций в этнополитическом конфликте. В целом, обнаружено, что организационные характеристики этнических организаций способны описывать до четверти вариации этнического конфликта.

Ключевые слова: этническая организация; этничность; организационные характеристики; членство; представительская способность; стратегии этнических организаций; этнический конфликт; типы этнических организаций.

К настоящему времени в политической науке складывается целый спектр концепций этничности и этнической группы (Horowitz, 1985; Vanhanen, 1999). Обобщая, данные концепции можно разделить на два основных подхода: примордиалистский и конструктивистский. Примордиалистский подход исходит из понимания этнической группы как целостного сообщества, определяемого аскриптивными, зачастую биологическими признаками. В качестве таковых, к примеру, можно выделить некоторые антропологические признаки (к примеру, раса). Данный подход, в частности, настаивает на том, что этнические группы имеют фиксированные границы и однородные предпочтения, что выражается в коллективной и единой групповой мобилизации этничности (Chandra, 2001: 337). Другой подход, конструктивистский, сосредоточивается на интерпретации этничности как «воображаемого» феномена. Согласно данной концепции этничность обнаруживает себя в процессе интеракции между индивидами, где в процессе самоопределения и определения другого, объект приобретает этническую идентичность (Андерсон, 2016; Брубейкер, 2012). Данный подход подчеркивает существование разнообразных предпочтений внутри этнических групп и текучесть границ таких групп.

В большинстве исследований зачастую прослеживается тезис об этнической активности как об активности, совершаемой от имени установленной группы, имеющей четкие границы и политические очертания. Однако логика данной работы придерживается другой позиции. Как отмечает Р.Брубейкер, «фактически главными деятелями большинства этнических конфликтов – а тем более с элементом этнического насилия – являются не этнические группы как таковые, а разного рода организации в широком смысле этого слова и их уполномоченные и облеченные властью представители» (Брубейкер, 2012: 37). Действительно, акторами, к примеру, этнических конфликтов и другой этнической активности, являются не столько этнические группы сами по себе, сколько конкретные политические организации, являющиеся представителями данной группы: этнические партии, террористи-

ческие организации, СМИ, некоммерческие ассоциации и т.д. Данный факт обостряет вопрос о конкретном выражении этнической мобилизации в рамках единичных этнических организаций, ведь именно приобретая организованный характер, этничность приобретает возможность к коллективному действию.

Если предположить, что непосредственными акторами этнополитических процессов являются не этнические группы, а констелляция организаций-резидентов данной группы, то возникает необходимость характеристики данных организаций, в том числе и создания их функциональной типологии. В данный момент существует устойчивая типология этнических организаций по признаку их формального статуса (этнические партии, террористические организации, НКО, движения и т.д.). Однако данная типология является мало информативной в разрезе этнополитических процессов и межэтнического конфликта как их наиболее выраженной формы. Дело в том, что стратегии, требования этнических организаций не связаны напрямую с их организационной формой. Характер требований и стратегии могут быть схожи для различных организационных форм этничности. Примером этому может служить фактическая схожесть данных факторов у двух различных по форме организаций в Западной Бенгалии (Индия): партии Gorkha Janmukti Morcha и движения Gorkha National Liberation Front¹. Напротив, единые по форме организации могут придерживаться диаметрально разных стратегий и целей. К примеру, в Пенджабе этнорегиональные партии Shiromani Akali Dal и Aam Aadmi Party придерживаются абсолютно разных позиций касательно статуса этнической группы, и предпочтений, предоставляемых ей². Более того, этнические организации по своей форме не являются статичными: многочисленны случаи, когда они меняют свою форму в связи с контекстуальными обстоятельствами. Так, движение за автономию Южного Судана Sudan People's Liberation Front, изначально созданное в качестве именно движения, в ходе политического процесса преобразовалось в этнорегиональную партию³. Наконец, формальный статус организации может не совпадать с ее реальным функционалом: Civic United Front в Танзании является партией этнорегиональной, однако таковой юридически (в силу федерального законодательства) не является. Исходя из вышеперечисленного, можно заключить, что существующая типология не адекватно решает основную из задач – задачу сравнимости, ввиду чего попросту не может быть использована в качестве переменной в сравнительных исследованиях. Данные тезисы свидетельствуют о необходимости конструирования принципиально новой типологии этнических организаций.

Организационные аспекты этнических организаций: теоретическая рамка

Организованная этничность как эмпирическое выражение этнической мобилизации предстает достаточно вариативным феноменом, имеющим гетерогенные проявления в политическом процессе. Более того, как явление, организованная этничность подвержена большому количеству как внутренних структурных, так и экзогенных детерминаций. В рамках данной статьи предполагается структурирование типологии этнических организаций, исходя из их внутренних организационных характеристик. В.Асал, рассматривая организованную этничность, утверждает, что организации, являющиеся этническими, соответствуют следующему перечню атрибутов:

- 1) утверждают, что представляют этническое меньшинство в государстве;
- 2) имеют членство, которое происходит в основном от этнического меньшинства;
- 3) выступают за автономию или независимость этого этнического меньшинства (Asal et al., 2017).

Таким образом, этническая организация состоит из трех компонентов: этнический характер, членство и политизированность. Аналогичного мнения придерживается и К.Кэннигхэм: этнические организации «сосредоточены на усилении власти и автономии для своей собственной группы, и эта группа ограничена относительно устойчивой идентичностью, основанной на общем мифе о культурном сходстве» (Cunningham, 2014). Таким образом, этнические организации можно определить как устойчивые, обладающие аффилиацией по отношению к этнической группе, а их возможность действовать от имени данной группы в выражении ее политических интересов представляется для этнической группы легитимной. Исходя из указанного определения, можно выделить некоторые переменные, отражающие специфику этнических организаций.

¹ Identity World (2017). Atlas of ethnic regional autonomies [Online]. Available at: <http://identityworld.ru/shop> (Accessed: 27 May 2021).

² Ibid.

³ Ibid.

Цель. Все этнические организации, так или иначе, ставят перед собой цель деятельности, в некоторой степени, определяемой организационной формой. Так, цели, к примеру, этнической партии и диаспоральной ассоциации будут существенно различаться: первая будет нацелена на борьбу за электоральное пространство и занятие позиций в органах власти, вторая – на поддержку культурной самобытности общности за рубежом и помощи членам в ассимиляции.

Членство. Специфика членства в этнической организации также во многом определяет ее характер. Открытое членство или закрытое, массовое или кадровое, специфицирующееся по одному признаку или нескольким, – все данные факторы определяют стратегии, ресурсы и другие значимые компоненты этнической организации (Vormann et al., 2017).

Представительская способность. Представительская способность – результат конверсии этнического в политический капитал, выступающий в качестве демонстрационного потенциала численности членов этнической группы, способного быть использованным акторами этнического поля для своей легитимации в качестве акторов политического поля. «Представительность» организаций – степень, до которой организация вправе претендовать на представление воли, выражение интересов и получение активной или пассивной поддержки со стороны своих членов – чрезвычайно изменчива, и она различается не только у разных организаций, но и в зависимости от времени и области деятельности» (Брубейкер, 2012: 39). Данный фактор также определяет вариацию ресурсов у этнической организации для формирования коллективного действия.

Стратегия. То, какие методы действия находятся в распоряжении этнической организации, также влияет на ее характер. Предпочитает ли этническая организация демонстрации и митинги, участие в переговорах с государством или же террористические акции – данные факторы будут являться значимым маркером влияния организации как на этническую группу, так и на динамику этнического конфликта.

Владение ресурсами. Тот факт, какими ресурсами и в каком количестве обладает этническая организация, во многом обуславливает как характер мобилизации данной организацией своих членов, так и выбор ею стратегий. Предполагается, что наличие у организации множества различных ресурсов будет влиять на характер ее действия в среде конфликта: наиболее обеспеченные ресурсами организации будут предпочитать более конвенциональные формы сопротивления, к примеру, забастовки, масштабные протесты и демонстрации ввиду наличия у них ресурсов для обеспечения широкомасштабных мероприятий.

Централизация. Наконец, централизация организации будет обуславливать распоряжение ресурсами, имеющимися у организации, силу территориальной масштабности проводимых ею акций, вариативность применяемых стратегий и т.д.

Таким образом, данные признаки могут претендовать на описание этнических организаций. Таковые нередко используются при анализе политических организаций разного рода (Dulton, 2000). Именно от данных структурных характеристик зависит тип и характер этнической мобилизации, провозируемый этническими организациями.

Организованная этничность: эмпирические данные и инструментарий исследования

Исходя из исследовательских задач и проблематики исследования, в качестве изучаемого объекта предстают этнические организации, то есть устойчивые организации, обладающие аффилиацией по отношению к этнической группе и уполномоченные действовать от имени данной группы в выражении ее политических интересов. Предметом исследования являются конкретные типологические характеристики этнических организаций. Однако прежде чем приступить к непосредственному исследованию поставленной проблемы, необходимо очертить круг этнических организаций, согласно поставленному определению. Следует отметить, что в настоящий момент данная исследовательская область является малоразвитой: данные и перечни этнических организаций существуют, однако они представлены зачастую во фрагментированном виде, очерчены рамками конкретных кейсов¹, а также конкретным нормативным статусом организации (партии², террористические группировки³ и т.п.). Агрегированные на кросс-страновом уровне данные подобного рода встречаются редко, и, как прави-

¹ Asal V., Wilkenfeld J., Pate A. (2011). Minorities at Risk Organizational Behavior (MAROB) Middle East, 1980-2004. [Online] Available at: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=hdl%3A1902.1/15973> (Accessed: 13 June 2021).

² Chandra K. (2010). Ethnic Parties and Democratic Stability. [Online] Available at: <https://grantome.com/grant/NSF/SES-0551526> (Accessed: 13 June 2021).

³ Heger L., Jung D. (2015) Terrorist and Insurgent Organization Social Services (TIOS) Dataset [Online] Available at: <https://www.oneearthfuture.org/datasets/tios> (Accessed: 13 June 2021).

ло, их отличает тот факт, что организации в этих случаях отбираются исключительно по признаку высокой степени их конфликтности. Именно поэтому предпочтительным выходом из сложившейся ситуации является создание авторской базы данных. Тем не менее, следует отметить, что для данной работы была выбрана определенная географическая область исследования – Восточная Европа в силу ряда причин. Во-первых, ввиду того, что в последние 20 лет указанный регион отличается вариативностью сценариев этнополитических конфликтов. Во-вторых, потому что на данной территории этнические меньшинства нередко совпадают (что позволяет проследить групповые факторы организованной этничности), и вместе с тем страновые эффекты (в том числе политика в отношении этнических меньшинств) существенно различаются. Следует отметить, что для текущих задач построения типологии посредством обучения без учителя релевантно использование любой случайной выборки вне зависимости от географической области, темпоральных рамок и прочих параметров.

В настоящий момент наиболее крупными кросс-страновыми проектами, имеющими упоминание этнических организаций, являются проекты Центра международного развития и регулирования конфликтов Университета Мэрилэнда (Minorities at Risk)¹ и Международного института исследований конфликта в Гейдельберге «Conflict Barometer» (Conflict Barometer)². Несомненными преимуществами данных проектов является их темпоральная протяженность (ежегодная фиксация динамики конфликтов и их ключевых акторов), а также наличие профайлов, позволяющих погрузиться в данные с контекстуальной точки зрения. Однако следует отметить и общую их проблему: в связи с фокусом исследования, данные проекты сосредоточены исключительно на организациях, принимающих непосредственное участие в конфликте на определенный момент. Для создания базы данных, включающей не только непосредственно конфликтные этнические организации, а все организации этнической группы в целом, был проанализирован новостной агрегатор Lexis.Nexis³, включающий информацию о всех новостях в мире в течение более чем века. Посредством серии поисковых запросов⁴ и последующего анализа их результатов из агрегатора были извлечены наименования упоминаемых этнических организаций, которые впоследствии были охарактеризованы по значимым для исследования признакам в соответствии с их официальными сайтами и другими источниками.

Как было отмечено ранее, предметом исследования является организованная этничность в Восточной Европе. В исследование включены лишь организации-резиденты политически релевантных этнических групп в регионе. Всего таких групп, согласно базе данных Ethnic Power Relations⁵ 34:

Таблица 1

Описание выборки «государство-группа»

Страна	Группа	Страна	Группа
Албания	Греки	Македония	Албанцы
Албания	Македонцы	Македония	Рома
Болгария	Турки	Македония	Сербы
Болгария	Рома	Македония	Турки
Болгария	Македонцы	Македония	Влахи
Хорватия	Сербы	Черногория	Сербы
Хорватия	Итальянцы	Черногория	Бошняки
Хорватия	Рома	Черногория	Албанцы
Хорватия	Венгры	Черногория	Хорваты
Венгрия	Рома	Черногория	Рома
Польша	Немцы	Румыния	Венгры
Польша	Белорусы	Румыния	Рома
Польша	Рома	Румыния	Немцы

¹ Minorities at Risk [Online] Available at: <http://www.mar.umd.edu/> (Accessed: 13 June 2021).

² Conflict Barometer [Online] Available at: <https://hiik.de/conflict-barometer/?lang=en> (Accessed: 13 June 2021).

³ Lexis.Nexis.Uni. [Online] Available at: <https://www.lexisnexis.com/en-us/professional/academic/nexis-uni.page> (Accessed: 13 June 2021).

⁴ Структура поискового запроса: groupANDcountryAND autonomy, self-determination, self-governance, self-rule, federalism, and independence.

⁵ Ethnic Power Relations (EPR) Dataset [Online] Available at: <https://icr.ethz.ch/data/epr/> (Accessed: 13 June 2021).

Окончание табл. 1

Страна	Группа	Страна	Группа
Сербия	Албанцы	Словакия	Венгры
Сербия	Венгры	Словения	Рома
Сербия	Бошняки	Словения	Венгры
Сербия	Рома		
Сербия	Хорваты		

Таким образом, в исследовании проанализированы этнические организации-резиденты 34 политически релевантных этнических групп в 10 государствах Восточной Европы за период с 2000 по 2019 г. Всего таковых организаций выявлено 203.

Итак, как было выявлено ранее, наиболее значимыми характеристиками этнических организаций являются их цель, представительность, членство и стратегия, ресурсная обеспеченность и централизация. Именно эти факторы определяют специфику этнических организаций в рамках конфликта. Однако некоторые из этих характеристик являются спорными для построения типологии. Прежде всего, следует отметить, что цель этнической организации значимо варьируется в зависимости от контекста, что не позволяет сформировать устойчивую типологическую модель с использованием данного параметра. Более того, цель этнической организации зачастую диверсифицирована, и напрямую не делиберируется всеми этническими организациями, что ставит использование данного параметра в типологии под сомнение. Другой параметр – членство, также спорен относительно задач типологии. Дело в том, что в большинстве этнических организаций (за исключением специфических форм наподобие террористических группировок) является массовым, а потому данный параметр не является вариативным.

В соответствии с задачами исследования выявлены наиболее значимые организационные характеристики организаций (табл. 2).

Таблица 2

Описание переменных для кластеризации

Параметр	Операционализация	Шкала
<i>Зависимая переменная</i>		
conflict	Степень интенсивности конфликта в группе в целом	Порядковая (0 – отсутствие конфликта, 4 – насильственный конфликт)
<i>Независимые переменные</i>		
strategy_max	Максимальное значение интенсивности конфликта в организации	Порядковая (0 – отсутствие конфликта, 4 – насильственный конфликт)
strategy_var	Сумма типов протестов. Количественная шкала.	Количественная
centralization	Наличие «крыльев» организации	Биномиальная
representation_relevant	Количество других организаций, представляющих этническую группу.	Количественная
resources	Организация имеет высокие ресурсы.	Биномиальная
regional	Организация региональная.	Биномиальная
illegal	Организация нелегальная.	Биномиальная

Дизайн исследования включил в себя 1 зависимую переменную – степень конфликтности и 7 независимых переменных.

Типология этнических организаций: результаты кластеризации

Исходя из задач исследования, по указанным переменным была произведена серия порядковых регрессий, целью которых являлось выявление наиболее значимых характеристик для типологии этнических организаций. Результаты анализа следующие (табл. 3):

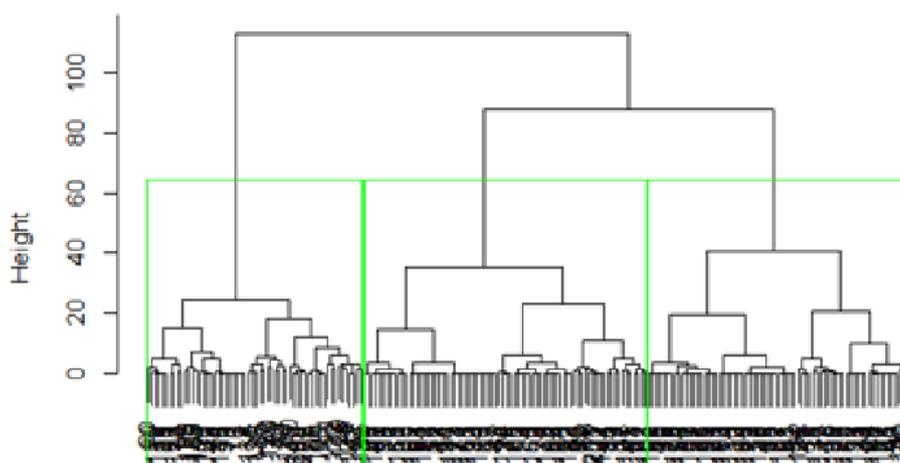
Таблица 3

Регрессионный анализ. Значимость организационных параметров

Фактор	Estimate	p-value	R-sq
strategy_max	0.65519	9.74e-13 ***	0,22
strategy_var	0.73495	6.59e-11 ***	0.1875
resources	0.3695	0.0077 **	0.03
centralization	0.14288	0.382	0
representation_relevant	0.07261	0.000316 ***	0.05
membership_num	-1.572e-07	0.982	-0.0238
regional	-0.26889	0.12	0.007094
illegal	1.02513	0.0395 *	0,016

Итак, результаты серии порядковых регрессий указывают на значимость в контексте конфликта следующих организационных характеристик: стратегии организации и их вариация, наличие у организации ресурсов, ее представительская способность. Следует отметить, что все указанные характеристики имеют положительный коэффициент оценки, то есть прямое влияние на динамику конфликта. Тем не менее, объяснительная способность каждого из предикторов мала, что, в свою очередь, также обуславливает необходимость структурирования агрегированного показателя организационных характеристик этнических организаций на дальнейших этапах исследования.

На основании имеющегося массива данных, а также выявленных переменных, влияющих на этнические организации в контексте конфликта, была сформулирована модель кластеризации. Наиболее релевантным методом кластеризации в данном случае является дивизионная иерархическая кластеризация, позволяющая агрегировать максимально гетерогенный массив объектов. Посредством коэффициента «силуэт» установлено оптимальное количество кластеров для указанного массива. В целом, модель кластеризации представлена на рисунке:

Model with three clusters**Иерархическая модель кластеризации этнических организаций**

В результате сформировано три кластера, которые, в свою очередь, отражают типологию этнических организаций. Следует обратиться непосредственно к сформированным кластерам. Описание кластеров по их среднему (медиане) следующее (табл. 4):

Статистическое описание кластеров

Кластеры	1	2	3
strategy_max	0.8352	-0.566	-0.566
strategy_var	1.114	-0.5864	-0.5864
representation_relevant	-0.27787	0.3097	0.01592
resources	0.8992	0.8992	-1.107
N	58	76	69

Следует отметить, что организации в ходе кластеризации распределились по кластерам фактически равномерно, что указывает на их пропорциональность. Исходя из результатов кластеризации, были сформулированы три типа этнических организаций в контексте конфликта (табл. 5).

Типология этнических организаций

ТИП 1 «Агенты»	ТИП 2 «Полуагенты»	ТИП 3 «Неагенты»
Этнические организации, применяющие множество стратегий, в том числе и конфликтных, высокоорганизованные и ресурсно обеспеченные, с высокой представительской способностью	Этнические организации, применяющие ограниченное количество стратегий, в том числе и конфликтных, высокоорганизованные и ресурсно обеспеченные, с малой представительской способностью	Этнические организации, не применяющие конфликтных стратегий, не обеспеченные ресурсами, с представительской способностью среднего уровня

Соответственно, данные типы этнических организаций ранжируются по силе в этническом конфликте в качестве агента.

Далее следует более предметно обратиться к выявленным кластерам. Первый кластер («Агенты») представляет собой наиболее активный в конфликтном контексте спектр акторов. Предполагается, что именно они оказывают наибольшее влияние на динамику этнического конфликта. Данные организации обладают ресурсами, которые используют для ведения стратегически разнообразной политической деятельности, и при этом, они существуют в достаточно низкофрагментированной среде этнического предложения, что и обуславливает наличие у них указанных ресурсов. К таковым относятся милитаристские объединения (например, Албанская национальная армия – албанское незаконное вооружённое формирование, целью которого является создание Великой Албании), сепаратистские и автономистские этнорегиональные партии (Альянс Венгров Воеводины в Сербии, Партия демократического действия Санджака в Сербии), а также крупные этнические движения (Омония в Северном Эпире). Однако следует отметить, что агентами могут быть применены и ненасильственные стратегии – основными факторами агентности в данном случае являются их вариация, обладание ресурсами, а также представительская способность.

Второй кластер предполагает этнические организации с малым протестным потенциалом, однако большим количеством ресурсов. Предполагается, что данные организации также имеют некоторое влияние на этнический конфликт, но используют для этого более мирные стратегии и способны идти на компромисс в достижении собственных целей, поэтому, их конфликтный потенциал несколько ниже, нежели в предыдущей группе. К таковым относятся партии этнических меньшинств, часто встроенные в систему действующей власти (Партия цыган Венгрии, исламское сообщество Черногории) и т.п. Следует отметить, что данные организации зачастую действуют в высокофрагментированном поле этнического предложения, и их задачей нередко становится агрегирование интересов различных организаций для их представительства на национальном уровне.

Наконец, третий кластер «Неагенты» предстает наименее значимым с точки зрения влияния на динамику этнического конфликта. Представлен он преимущественно маргинальными организациями, с низким уровнем организации, почти исключенными из политического поля. К таковым можно

отнести некоторые узкоспециализированные НКО (Association for the Promotion and Education of Roma), организации миноритарных меньшинств, не нацеленных на политическую, а лишь на социокультурную деятельность (Союз итальянцев в Словении). Следует отметить, что данная типология является динамической, т.е. темпорально этническая организация имеет возможность менять принадлежность к определенному типу.

Для проверки релевантности указанной типологии как агрегированного индекса организационных характеристик этнических организаций был применен регрессионный анализ. Результаты представлены в табл. 6.

Таблица 6

Регрессионный анализ с агрегированным показателем

Coefficients	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
Intercept	2.24552	0.16917	13.274	< 2e-16***
type	-0.60873	0.07688	-7.918	1.6e-13 ***
Adjusted R-squared: 0.234			p-value: 1.603e-13	
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1				

Таким образом, указанная модель отражает достаточно высокую надежность оценки показателя. Следует отметить, что объяснительная значимость агрегированного показателя составляет порядка четверти вариации зависимой переменной, что превышает значения каждого из параметров по отдельности. В целом же, можно заключить, что организационные характеристики этнических организаций примерно на четверть (23%) объясняют динамику этнического конфликта. Данный показатель достаточно высок, учитывая вариативность потенциальных факторов, способных оказывать влияние на динамику этнического конфликта.

* * *

Таким образом, в рамках исследования была разработана операциональная типология этнических организаций, базирующаяся на их базовых организационных характеристиках. Выявлено, что наиболее значимыми организационными характеристиками, влияющими на конфликт, являются стратегии организации и их вариация, наличие у организации ресурсов, ее представительская способность. В соответствии с данными параметрами была произведена кластеризация этнических организаций в Восточной Европе, результатом которой стало выявление трех типов этнических организаций в конфликте (Агенты, Полуагенты, Не-агенты), а также разработан агрегированный параметр, отражающий организационные характеристики этнических организаций в целом. Следует отметить, что данный параметр объясняет около четверти вариации зависимой переменной, что, с одной стороны, позволяет сделать вывод о том, что в целом организационные характеристики организаций вносят примерно четверть вклада в объяснение динамики этнического конфликта, а с другой, актуализируют дальнейшее исследование других факторов этнополитической конфликтности.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Локализация этнических меньшинств в рамках политико-административных границ как фактор политизации этничности на субнациональном уровне: российские практики в контексте мирового опыта» № 19-011-00257 А.

Список литературы / References

Андерсон, Б. (2016) *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / пер. с англ. В. Николаева. Москва: Кучково поле. [Anderson, B. (2016) *Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism* [Voobrazhae-

mye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma] / per. s angl. V. Nikolaeva. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)].
Брубейкер, Р. (2012) *Этничность без групп*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. [Brubejker, R. (2012) *Ethnicity*

- without groups* [Jetnichnost' bez grupp]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. (In Russ.).
- Asal, V., Shulzke, M., Pate, A. (2017) 'Why Do Some Organizations Kill While Others Do Not: An Examination of Middle Eastern Organizations', *Foreign Policy Analysis*, (13), pp. 811–831. DOI: 10.1111/fpa.12080.
- Bormann, N-C., Cederman, L-E., Vogt, M. (2017) 'Language, Religion, and Ethnic Civil War', *Journal of Conflict Resolution*, 61(4), pp. 744–771. DOI: 10.1177/0022002715600755.
- Chandra, K. (2001) 'Ethnic Bargains, Group Instability, and Social Choice Theory', *Politics and Society*, 29 (3), pp. 337–362. DOI: 10.1177/0032329201029003002.
- Cunningham, K. (2014) *Inside the Politics of Self-Determination*. Oxford: Oxford University Press.
- Dulton, R., Wattenberg, M. (2002) *Parties Without Partisans: Political Change in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: Oxford University Press.
- Horowitz, D. (1985) *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley: University California Press.
- Vanhanen, T. (1999) 'Domestic Ethnic Conflict and Ethnic Nepotism: A Comparative Analysis', *Journal of Peace Research*, 36 (1), pp. 238–265.

Статья поступила в редакцию: 20.05.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 25.07.2021

Статья принята к печати: 06.08.2021

ORGANIZED ETHNICITY: TYPOLOGY OF ETHNIC ORGANIZATIONS IN THE MODERN WORLD

M. V. Isobchuk

M. V. Isobchuk, junior researcher,

Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: isobchuk.mary@gmail.com (ORCID: 0000-0002-1204-4313. Researcher ID: W-1549-2017).

Abstract

Ethnic organizations are definitely the main actors in ethnopolitical processes in the modern world. It is they who act as the main agents of mobilization on ethnic grounds and as a result as the direct initiators and participants of ethnopolitical conflicts too. Of course, in this context, it becomes necessary to structure the ethnic organizations' typology. However, the typologies existing at the moment reflect only the formal aspects of the status of ethnic organizations (parties, NGOs, etc.), ignoring the organizational aspects of their functioning. In the article, based on the author's database of ethnic organizations in Eastern Europe, a new typology of ethnic organizations is proposed. Based on empirical data on organizational characteristics of 203 ethnic organizations in Eastern Europe (strategies, representative ability, availability of resources, etc.), and using hierarchical clustering, three functional types of ethnic organizations are identified, depending on their manifestation in ethnopolitical conflict. Moreover, the study identifies an aggregate parameter of the significance of the organizational characteristics of the ethnic organizations in an ethnopolitical conflict. It is also found that the organizational characteristics of ethnic organizations may describe up to a quarter of the variation in ethnic conflict.

Keywords: ethnic organization; ethnicity; organizational characteristics; membership; representative ability; strategies of ethnic organizations; ethnic conflict; types of ethnic organizations.

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the project "Localization of ethnic minorities within political and administrative boundaries as a factor in the politicization of ethnicity at the subnational level: Russian practices in the context of world experience" No. 19-011-00257 A.

Обзоры и рецензии

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-97-102

**ТРУДНО БЫТЬ ЭКСПЕРТОМ:
СУЖЕНИЕ «РАЗУМНОГО ИНТЕРВАЛА ВОЗМОЖНЫХ РЕШЕНИЙ»**

Л. А. Фадеева

Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: lafadeeva@psu.ru (ORCID: 0000-0002-3389-750X. Researcher ID: K-3482-2016).

Аннотация

Экспертно-аналитическая деятельность выступает в качестве объекта исследования в разных сферах и научных направлениях. Значимость имеют как институциональные параметры, так и личностное, субъективное, субъектное измерения. Автор характеризует современные научные подходы к изучению и оценке работы экспертов и экспертных сообществ – «мозговых центров», «фабрик мысли», научных организаций. В качестве примеров научных исследований выбраны публикации 2019–2020 гг., исходя из критериев комплексности анализа и обладания их авторами значительного опыта экспертной деятельности. Несмотря на существенные различия в фокусе исследования, описании алгоритма и компонентов аналитической работы, ученые выделяют ключевые проблемы научного, политического, административного характера, которые создают препоны для того, чтобы эксперт мог следовать принципам честности и объективности. Экспертам приходится прилагать значительные усилия для того, чтобы выполнять свою основную миссию – сужения «разумного интервала возможных решений».

Ключевые слова: эксперты; аналитика; «мозговые центры»; «фабрики мысли»; компетентность; власть; экспертиза; идеи; оценки.

Экспертно-аналитическая деятельность, ее организация, алгоритмы, проблемы находятся в исследовательском поле ученых разных дисциплинарных и междисциплинарных направлений (Роль экспертно-аналитических..., 2017; Кара-Мурза, 2001; Экспертиза..., 2006; Boswell, 2009). Характеристика организаций, именуемых «мозговыми центрами» и/или «фабриками мысли», дается исследователями как применительно к международному опыту, так и в отношении российского опыта и практик (Бабаян, Сунгуров, 2016; Косолапов, 2003; Сунгуров, 2002; Stone, Denham, 2004). Принципиально важно, когда подобного рода анализ проводят те ученые, которые сами имеют значительный опыт экспертной деятельности. Так, в 2019–2020 гг. вышли в свет монографии, в которых аналитика экспертной деятельности в общественно-политической сфере проводится в широком сравнительном контексте и в то же время предельно конкретно относительно подготовки и организации этой деятельности.

Н. И. Бубнова, ведущий научный сотрудник в Центре международной безопасности ИМЭМО РАН, на протяжении многих лет работала в Московском центре Карнеги, имеет богатый опыт работы в российских и американских аналитических центрах. В монографии «Продвижение идей в общественно-политической науке: немного солнца в холодной воде», отмечая трансформацию функций и видов деятельности зарубежных, прежде всего, американских «мозговых трестов», Н. И. Бубнова сопоставляет присущие «фабрикам мысли» свойства с тем, что присуще российским аналитическим центрам, включая научно-исследовательские институты (Бубнова, 2019).

На ее взгляд, нет существенных различий между «мозговыми трестами» и «фабриками мысли», если говорить о характере свойственной им экспертно-аналитической деятельности. Но не это главное в ее книге. Главное – стремление дистанцироваться от черно-белого видения этой деятельности, когда российская сторона приписывает зарубежным «мозговым центрам» прагматизм, меркантильность, зависимость от заказчика в лице корпораций. В свою очередь, зарубежные исследователи

упрекают российских ученых в том, что они полностью зависят от власти, послушно выполняют ее предписания. И в том, и в другом случае в вину экспертам ставится их ангажированность и в силу этого – необъективность. Н. В. Бубнова изящно, но убедительно выстраивает систему аргументов в пользу того, что эксперты, как бы ни складывалась финансовая ситуация и идеологическая конъюнктура, все же имеют возможность ознакомиться с широким кругом источников, проводить исследования всесторонне и объективно, донося результаты своего труда до читателя в той форме и в таких изданиях, которые сами выбирают (Бубнова, 2019: 14).

Автор уточняет, что различия между типами организаций, источниками их финансирования, коммуникационными инструментами значительны и определяются политическим контекстом, однако считает возможным выбрать в качестве фокуса своего исследования продвижение идей в общественно-политической сфере. Она выбирает поэтическую метафору для описания этого процесса – коннотат с названием известного романа Франсуазы Саган. В романе эта метафора относится к любви, а в монографии – к продвижению идей: достичь того или другого все равно, что солнцу согреть холодную воду.

Н. И. Бубнова выбрала нестандартное решение проблемы, как говорить об объективности, избегая конъюнктурных ситуаций и мнемонической риторики. Она предлагает анализ через «коммуникационный микс» – публикации, выступления, мероприятия, работу в Интернете, управление брендом, осуществление международных контактов, критерии оценки результатов. Такой выбор обусловил структуру монографии, где шаг за шагом автор характеризует формирование и продвижение идей в общественно-политической сфере.

Она указывает, что самые известные из политологических изданий XX в. были подготовлены и опубликованы как результат деятельности аналитических центров: «Другая Америка» Майкла Хэрингтона, «Великий террор» Роберта Конквеста, «Столкновение цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона и др. Автор убедительно показывает, что книгу как жанр рано сдавать в утиль, она продолжает равноправное существование наряду с такими жанрами, как аналитические записки, blue print и т.п. (Бубнова, 2019: 22–23).

Существенно важным для экспертно-аналитических центров является продвижение идей и начинаний в СМИ. Это принципиальное направление деятельности think tanks, в реализации которого необходим высокий профессионализм, чтобы не превратиться в talk-tanks (Бубнова, 2019: 80). Значимой площадкой остаются конференции, семинары, круглые столы. В последние годы происходит перемещение презентации результатов деятельности, обсуждения, дискуссии в интернет-пространство, в социальные сети. Эксперты должны соответствовать запросам аудитории, максимально продуманно и эффективно используя это пространство и присущие ему технологии.

Каждый тезис подтверждается в книге конкретными примерами и ссылками, что дает представление о кропотливой работе в сочетании с креативными идеями. Неудивительна резкая реакция автора на гиперболизацию наукометрических показателей научной деятельности в современной России, слепое копирование плохих западных стандартов, громоздкость системы отчетности, забюрократизированность организации экспертно-аналитической деятельности (Бубнова, 2019: 183–185).

Н. И. Бубнова приводит в пример эффективно работающие международные экспертно-аналитические организации, в которых при оценке эффективности во внимание принимается совокупность показателей, отчетность не обременительна, результаты обсуждаются в режиме живого общения и дискуссий на научных мероприятиях. Практические результаты, импакт, в духе «содействовать соединению знаний с политикой» оцениваются по множеству взаимосвязанных индикаторов: Н. И. Бубнова приводит обширный список подробно сформулированных показателей (Бубнова, 2019: 201–202).

Практический опыт работы автора сказывается на том, что значительная часть описываемых исследований, практик, результатов связана с внешней политикой, международными отношениями, основывается на сравнительном анализе деятельности международных и российских аналитических центров. Автор подчеркивает значимость усилий российских центров, таких, как Институт мировой экономики и международных отношений РАН, который высоко котируется в рейтинге мозговых центров мира, для преодоления напряженности и распространения позитивного образа России в мире. Она горячо отстаивает принципы объективности и честности в экспертно-аналитической деятельности, выражая уверенность в необходимости придерживаться их, независимо от изменения политической и/или идеологической конъюнктуры.

Казалось бы, монография А. Ю. Сунгурова «Экспертные сообщества и власть» не затрагивает этих вопросов (Сунгуров, 2020). Однако можно обнаружить множество схожих сюжетов, а главное – общих подходов и оценочных суждений применительно к деятельности эксперта.

А. Ю. Сунгуров начинает свое исследование с дискуссии о значимости экспертов, в рамках которой обсуждалось предположение Х. Хекло, что «изменения в политических практиках и в реализации конкретных политик происходят не только и не столько в процессе разрешения конфликтов между различными группами, сколько в процессе приобретения и использования новых знаний» (Сунгуров, 2020: 10). Автор указывает на сложный функционал деятельности современных экспертов (Сунгуров, 2020: 30).

Характеризуя научные дискуссии о роли экспертов и экспертных сообществ, он отмечает, что «даже изучая практически один и тот же феномен, исследователи остаются в плену своих цеховых традиций» (Сунгуров, 2020: 41). Автор анализирует оценки роли и функций экспертов в разных профессиональных сообществах, оценивая их подходы и предполагая, что в России они «и не знают о деятельности друг друга» (Сунгуров, 2020: 45). Термины «экспертология», «экспертократия», «экспертика» рассматриваются автором обстоятельно, но не без легкой иронии, свидетельство чему, например, цитаты В. Пелевина.

Значительное место в монографии отводится характеристике общественной экспертизы как формы развития публичной политики, «которая невозможна без существования процесса разнообразных коммуникаций общественных групп по поводу целей и задач государственной власти и местного самоуправления». По мнению А. Ю. Сунгурова, проводить такую экспертизу должны профессионалы (Сунгуров, 2020: 56). При этом задачей гуманитарной экспертизы он считает оценку перспектив благополучия людей как личностей (Сунгуров, 2020: 77).

В монографии неоднократно отмечена разобщенность экспертного сообщества в России, прежде всего, по предметному принципу: незнание работ друг друга, стремление использовать свой дисциплинарный подход при оценке работы коллег из другого предметного поля. Другой бедой в российской практике А. Ю. Сунгуров считает стремление власти использовать эксперта как некий прибор, лишенный ценностей, гражданской позиции и страстей. В этом он находит отличие от западного подхода, когда учитываются гражданские позиции и эмоции эксперта (Сунгуров, 2020: 82).

Рассматривая модели взаимодействия экспертов и властей, автор предлагает выделить 3 вида: нормативная модель, экспертиза для принятия решений, экспертное сопровождение процесса реализации принятых решений. «Как показал наш анализ хода административной реформы в современной России, именно отсутствие такого сопровождения может стать одной из причин несоответствия результатов подобных реформ ожиданиям реформаторов», – подчеркивает он (Сунгуров, 2020: 89).

Вторая часть работы содержит результаты проведенных автором полу-структурированных интервью. Материалы интервью, мнение коллег, которое во многом совпадает с мнением автора, позволяет ему высказывать четкие суждения: «Мы видим, что открытость властных структур к мнению экспертного сообщества меняется со временем, возможно, стоит говорить и об определенных циклических процессах, аналогично конституционным циклам, теория которых была предложена А. Н. Медушевским» (Сунгуров, 2020: 94). Он подтверждает эти суждения и личным опытом депутатской деятельности, а также работой в качестве председателя комиссии по науке и высшей школе Ленсовета/Петросовета: «Мы опирались в своей деятельности прежде всего на коллег из ленинградского союза ученых – части реформаторского движения ученых из академических и иных институтов и вузов, возникшего в 1989 г. на волне выборов народных депутатов СССР от АН СССР» (Сунгуров, 2020: 95). Как опыт, так и мнения экспертов позволяют А. Ю. Сунгурову указывать, что экспертное мнение в нашей стране наиболее востребовано на стадии подготовки политико-управленческих решений. Материалы проведенных интервью дают ему основание выделить на этой стадии два вида востребованных экспертов: «Первый – это, по терминологии респондента, «нишевый» эксперт, который обладает точными знаниями в конкретной области, например, точно знает, какие цвета у флага конкретного государства. Второй вид – это эксперт, знающий и понимающий проблему в целом, способный предложить ее конкретное решение». А. Ю. Сунгуров отмечает, что «чем стабильнее становится моноцентрический режим, тем менее заинтересованы властные структуры во втором типе экспертов» (Сунгуров, 2020: 100).

Автор делает предположение, что в современной России существует несколько категорий экспертов. «Первую категорию составляют ученые или руководители научных и университетских коллективов со статусом – деканы, ректора, директора институтов – назовем их «статусными экспертами», – рассуждает он. – Во вторую, по-видимому, попадают люди, набранные действительно в условиях «ленинских призывов», которые иногда готовы за символические бонусы работать по модели оплаченного результата, но часто не обладают необходимыми экспертными знаниями. Они в луч-

шем случае сами приглашают настоящих специалистов для экспертизы, а в худшем – дают некомпетентные советы, формируя у чиновников, заинтересованных в инструментальной функции экспертов, превратное мнение обо всем экспертном сообществе» (Сунгуров, 2020: 118).

Материалы экспертных интервью, проведенных и интерпретированных автором, создают сложную мозаику взаимодействия экспертов с властью в современной России. С одной стороны, власть хочет иметь послушных экспертов, которые бы обеспечили ей нужный результат исследований. С другой – такие экспертные заключения «на результат», определенный властью, имеют незначительный эффект: власть и так «все знает», а население и так никому не верит.

Такое черно-белое видение ситуации чуждо автору данной монографии. Он приводит высказывания экспертов, которые пытаются вступить в диалог с властью, и добиваются в этом некоторых успехов, при том, что они не готовы работать на проплаченный результат. Все эти заключения не являются умозрительными: автор сам принимал участие во многих из этих экспериментов.

Описание взаимодействия экспертного сообщества и власти А. Ю. Сунгуров дает применительно к разным регионам. Авторы откровенны с А. Ю. Сунгуровым в характеристике своих отношений с органами власти как заказчиками экспертной работы. Они воспринимают его как «своего» человека, который хорошо знаком со спецификой экспертной деятельности и ее проблемами. На основании экспертных интервью автор четко и непредвзято описывает, а затем и оценивает деятельность экспертов в их взаимодействии с российской властью.

Наиболее распространенной является модель «оплаченного результата», сопровождающая функция эксперта и возможности минимизации такого алгоритма взаимодействия. Он пишет: «Мы видим, что происходит определенное структурное размежевание экспертов в области избирательных технологий именно по критерию наличия/отсутствия гражданской ответственности за «выведенного на орбиту» политика» (Сунгуров, 2020: 150).

На организационном уровне экспертное политологическое сообщество характеризуется в монографии на примере Российской ассоциации политической науки, на основе анализа экспертных интервью и опять же включенного наблюдения, поскольку А. Ю. Сунгуров на протяжении многих лет член РАПН, ее Правления, Научного совета, координатор региональных отделений.

Он выделяет такие возможные функции использования властью экспертного знания, как инструментальная (подготовка аргументированного ответа на поставленный вопрос); символическая (повышение своего авторитета благодаря привлечению к экспертизе авторитетных ученых) и подкрепляющая (легитимация уже принятого решения через экспертное одобрение) (Сунгуров, 2020: 161).

К ним А. Ю. Сунгуров добавляет функцию отвлекающую (отвлечение внимания общественности путем «вбрасывания» якобы актуальной проблемы для дискуссии). Выстраивая эти функции в иерархии, он ставит на первое место подкрепляющую функцию, на второе – инструментальную и затем – символическую и отвлекающую (Сунгуров, 2020: 162).

Ключевой вопрос: возможна ли в принципе в поле общественно значимых проблем какая-то объективная, независимая от нормативных установок эксперта, экспертиза? Он произвел соотношение этих ролевых позиций «с характерными для них функциями экспертизы и модели взаимодействия экспертного сообщества и власти» (Сунгуров, 2020: 205).

Автор делает предсказуемый выбор, что изменение российской внутренней политики в самые последние годы не способствует росту субъектности экспертного сообщества. Таким образом, и в этом отношении позиции авторов двух, казалось бы, разных монографических исследований, совпадают.

В анализ научных публикаций принято включать критическую составляющую. Если рассуждать в этом направлении, то можно сделать в отношении этих двух монографий схожие упреки. И контраргументы в ответ на эти упреки могут быть похожи.

Во-первых, в каждой из работ есть лакуны, не охвачены какие-то сюжеты или стороны деятельности экспертов и экспертных центров. Однако и у каждого из авторов анализируемая монография – важное звено в цепочке публикаций по данной проблематике (Сунгуров, 2002; Сунгуров, 2015; Бубнова, 2017). Во-вторых, создается впечатление некоторой идеализации условий (и результатов) работы западных экспертов. По моему мнению, такое сравнение необходимо авторам для определения условий эффективности экспертной деятельности. Сужение «разумного интервала возможных решений» – так определяется функция эксперта в научных дискуссиях по отношению к ЛПР – лицам,

принимающим решения. Современные тренды общественно-политической жизни, однако, сужают разумный интервал возможных решений, который может предложить эксперт.

Список литературы / References

- Балаян, А. А., Сунгуров, А. Ю. (2016) *Фабрики мысли и экспертные сообщества*. Санкт-Петербург: Алетейя. 240 с. [Balayan, A., Sungurov, A. (2016) *Think tanks and expert communities* [Fabriki mysli I ekspertnye soobschestva]. St. Petersburg, 240 p. (In Russ.)].
- Бубнова, Н. В. (2019) *Продвижение идей в общественно-политической науке: немного солнца в холодной воде*. Москва: Политическая энциклопедия. 207 с. [Bubnova, N. I. (2019) *Promotion of ideas in Social and Political Science: some sun in cold water* [Prodvizhenie idei v obschestvenno-politicheskoi nauke: nemnogo solntsa v kholodnoi vode]. Moscow: Politicheskaya Entsiklopedia. (In Russ.)].
- Бубнова, Н. И. (2017) «Мозговые центры» как акторы международной политики», *Сравнительная политика*, Т. 8, 3, сс. 8–19. [Bubnova, N. I. (2017) ‘Think Tanks as an actors of world politics’ [Mozgovye tsentry kak aktory mezhdunarodniji politiki], *Sravnitel'naya politika*, V. 8, 3, pp. 8–19. (In Russ.)].
- Косолапов, Н. (2003) ‘Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости’, *Pro et Contra*, Т. 8, 2, сс. 18–31. [Kosolapov, N. (2003) ‘Politics, expertise, society: interdependence nodes’ [Politika, ekspertiza, obschestvo: uzly vzaimozavisimosti], *Pro et Contra*, V. 8, 2, pp. 18–31. (In Russ.)].
- Кара-Мурза, С. (2001) *Экспертное сообщество России: генезис и состояние*. Москва: ИТРК, 80 с. [Kara-Murza, S. (2001) *Expert society of Russia: genesis and condition* [Ekspertnoe soobschestvo Rossii: genesis I sostoyanie]. Moscow: ITRK, 80 p. (In Russ.)].
- Роль экспертно-аналитических сообществ в формировании общественной повестки дня в современной России* (2017): сб. научн. тр. / отв. ред. Малинова О. Ю. Москва, 182 с. [*The role of expert and analytical communities in shaping public agenda in modern Russia* (2017) [Rol' ekspertno-analicheskikh soobschestv v formirovanii obschestvenno-politicheskoi povestki dnia v sovremennoi Rossii]. Moscow: RAS. INION. Ed.by O. Malinova, 182 p. (In Russ.)].
- Сунгуров, А. Ю. (2020) *Экспертные сообщества и власть*. Москва: Политическая энциклопедия, 231 с. [Sungurov, A. Yu. (2020) *Expert communities and power* [Ekspertnye soobschestva I vlast']. Moscow: Politicheskaya entsiklopedia, 231 p. (In Russ.)].
- Сунгуров, А. Ю. (2002) ‘Российские фабрики мысли и Центры публичной политики: три примера’ в: «Фабрики мысли и центры публичной политики: международный и первый российский опыт: сб. статей. Санкт-Петербург: Норма, сс. 116–138. URL: <http://www.strategyspb.ru/index.php?do=biblio&doc=263>. [Sungurov, A. Yu. (2002) ‘The Russian think tanks and Public policy centers: 3 cases’ [Rossiiskiye fabriki mysli I tsentry publichnoi politiki: tri primera] in: “*Think tanks*” and *Public policy centers: international and the first Russian experience*: Digest of articles [Rossiiskiye fabriki mysli I tsentry publichnoi politiki: mezhdunarodnyi I pervyi rossiiskii opyt: Sbornik statei]. St. Petersburg: Norma, pp. 116–138. (In Russ.)].
- Сунгуров, А. Ю. (2015) *Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы*. Москва: Политическая энциклопедия, 383 с. [Sungurov, A. Yu. (2015) *How political innovations come about: “think tanks” and the other mediator institutions* [Kak vznikayut politicheskie innovatsii: “fabriki mysli” I drugie instituty-mediator]. Moscow: Politicheskaya entsiklopedia. (In Russ.)].
- Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности* (2006) / под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. Москва: Смысл. [Expertise in social world: from knowledge to activity [Ekspertiza v sotsial'nom mire: ot znaniya k aktivnosti]. Moscow: Smysl. (In Russ.)].
- Boswell, C. (2009) *The Political Uses of Expert Knowledge: Immigration Policy and Social Research*. Cambridge University Press

Stone, D., Denham, A. (eds.) (2004) *Think Tank Traditions: Policy Analysis Across Nations; Policy Research and the Politics of*

Ideas. Manchester: Manchester University Press.

Статья поступила в редакцию: 03.07.2021

Статья принята к печати: 30.07.2021

**IT IS HARD TO BE AN EXPERT:
NARROWING “A REASONABLE RANGE OF POSSIBLE SOLUTIONS”**

L. A. Fadeeva

L. A. Fadeeva, Professor of Politics,
Perm State University.

E-mail: lafadeeva@psu.ru (ORCID: 0000-0002-3389-750X. Researcher ID: K-3482-2016).

Abstract

Expert and analytical activity act as an object of research in various fields and scientific directions. Different dimensions matter: institutional parameters, personal and subjective ones. The author characterizes contemporary scientific approaches in respect to analysis and evaluation of think tanks and academic centers. Publications of 2019-2020 were selected as examples of scientific research based on the criteria of the complexity of the analysis and the high level of their authors' experience in expert activity. Despite significant differences in the focus of the study, description of the algorithm and components of analytical activity, scientists identify key problems of a scientific, political, administrative nature that create obstacles for experts to be able to follow the principles of honesty and objectivity. Experts have to make great efforts to fulfill their main mission - narrowing “a reasonable range of possible solutions”.

Keywords: experts; analytics; think tanks; analytical centers; competence; power; expertise; ideas; evaluation.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае, если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug e'tnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) '*Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights*' [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва.: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G.

¹ *Harvard Format Citation Guide*. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

(2018) 'Higher Education in the Digital Age' [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epoxu] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

**Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:
URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2021. Том 15. № 3

Bulletin of Perm University.
Political Science
2021. Vol. 15. № 3

Научное издание

Редактор *Л. Л. Савенкова*
Корректор *Л. Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать 15.09.2021.
Выход в свет 29.09.2021.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 12,67.
Тираж 500 экз. Заказ 141.

Адрес учредителя, издателя и редакции:

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Издательский центр ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 41006